Иван. Бремя царства

Книга первая

Сирота на престоле

Том II

Части III–IV

Аксель Панцер

Аксель Панцер

Иван. Бремя царства. Том 2. Книга 1. Части 3, 4. Сирота на престоле

«Автор»
2026

Панцер А.

Иван. Бремя царства. Том 2. Книга 1. Части 3, 4. Сирота на престоле / А. Панцер — «Автор», 2026

Восьмилетний Иван остаётся один среди людей, которые кланяются ему днём и делят власть за его спиной ночью. После смерти матери Кремль становится местом опасных союзов, арестов и расправ. Доверие может обернуться предательством, каждое произнесённое слово — чужой бедой.Годы идут. Мальчик, за которого решали бояре, учится приказывать сам. Но чем сильнее его власть, тем страшнее цена ошибки. Кто говорит правду юному государю? Кому верить, когда даже близкие защищают прежде всего собственные интересы? И способна ли любовь Анастасии подарить ему дом, которого он был лишён с детства?Впереди — царский венец, первая любовь, московский пожар и народный гнев, перед которым бессильны титулы. Во втором томе романа «Иван. Бремя царства» история взросления будущего Ивана Грозного разворачивается без привычных ярлыков: перед читателем человек, которому предстоит научиться не только властвовать, но и отвечать за свою власть.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Иван. Бремя царства. Том 2. Книга 1. Части 3, 4. Сирота на престоле

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР
ИВАН. БРЕМЯ ЦАРСТВА
ТОМ ВТОРОЙ
Книга первая. Сирота на престоле
Части третья и четвёртая
Главы 17–35 · 1538–1547 годы
СОДЕРЖАНИЕ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЧУЖИЕ ЛЮДИ
Глава 17. После погребения 1
Глава 18. Хозяева Кремля 47
Глава 19. Два брата 91
Глава 20. Слова и книги 128
Глава 21. Митрополичий престол 163
Глава 22. Возвращение Бельского 198
Глава 23. Милость и память 235
Глава 24. На берегу Оки 270
Глава 25. Три часа до света 308
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
Глава 26. Чужие ключи 352
Глава 27. Весть с Белоозера 381
Глава 28. Право повелевать 416
Глава 29. Псари 455
Глава 30. Государево имя 495
Глава 31. Мера слова 538
Глава 32. Поперёк дороги 570
Глава 33. Венец 603
Глава 34. Чужой дом 632
Глава 35. Пепел и венец 672

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ПОСЛЕ ПОГРЕБЕНИЯ
Москва. Июль 1538 года.

Лето в Москве стояло жаркое. С утра солнце нагревало кровли, и к полудню воздух над кремлёвскими дворами становился неподвижным. В открытые окна великокняжеских палат доносились голоса служителей, стук колёс, скрип воротов над колодцами. За стенами Кремля шла обычная городская жизнь. На торгу спорили о ценах, в кузницах горели горны, каменщики поднимали новые ряды кладки. Москва продолжала строиться, торговать, принимать гонцов и отправлять воевод на службу. Для Ивана лето началось иначе, чем все прежние.

Теперь его будили в определённый час, независимо от того, хорошо ли он спал. Умывшись, он должен был одеться, помолиться перед образами и сесть за утреннюю трапезу. Потом следовали занятия, иногда церковная служба, иногда выход к боярам. Всё происходило по установленному порядку, который взрослые считали необходимым для великого князя. Прежде этот порядок тоже существовал. Но мать могла изменить его по своему усмотрению. Если Иван болел или плохо спал, ему разрешали подняться позднее. Если Юрий капризничал, Елена

могла сама прийти к сыновьям и остаться возле них, пока младший не успокоится. Теперь служители всякий раз ссылались на распоряжения, полученные от людей, которых Иван видел редко и почти не знал.

В тот день он проснулся от негромкого разговора возле двери. Ульяна стояла перед дворцовым служителем, державшим в руках сложенный лист бумаги. Рядом ожидали две женщины. Одна была приставлена к детям после удаления Аграфены. Другая прежде ведала бельём и одеждой в великокняжеском доме, но в детских покоях появлялась нечасто.

— Вчера всё пересмотрели, — говорила она. — Осталось только зимнее платье и постельное.

— Зимнее до осени не понадобится, — ответила Ульяна.

— Потому и убрать велено.

— А это зачем?

Женщина подняла сложенное детское покрывало.

— В казну записать.

— Оно князю Юрию надобно.

— У него других довольно.

Иван приподнялся на постели. Покрывало было старое, из мягкой шерстяной ткани, с потемневшей вышивкой по краю. Юрий спал под ним с раннего детства и не любил, когда его заменяли другим. Иногда даже летом просил принести его, хотя в комнате было тепло.

— Не трогайте, — сказал Иван.

У двери обернулись. Служитель немедленно поклонился.

— Государь, мы по распоряжению.

— Какому?

— Пересмотреть государеву одежду и постельные вещи. Ветхое отложить, остальное записать.

Иван спустил ноги с постели.

— Это Юрино.

— Ведомо нам, государь. Только нынче оно не нужно.

— Ему нужно.

Служитель посмотрел на женщину. Та продолжала держать покрывало, не решаясь ни положить его обратно, ни унести. Иван подошёл к братней постели. Юрий ещё спал, отвернувшись к стене. Одна рука лежала поверх простыни, пальцы были сжаты, словно он продолжал держать во сне какую-то игрушку.

— Положи, — повторил Иван.

Женщина осторожно вернула покрывало на край постели.

— Как велишь, государь.

Служитель сделал помету в списке. Он не спорил, но лицо его оставалось озабоченным. Ему предстояло отвечать за вещи, которые значились в прежней описи, и объяснять, почему некоторые из них не переданы на хранение. Ульяна заметила это и сказала:

— Запиши, что оставлено при князе Юрии.

Человек посмотрел на неё с благодарностью. Он давно служил при дворе, имел семью и меньше всего желал наживать себе неприятности из-за детского покрывала. При Елене подобные мелочи решались просто. Теперь даже они требовали записи. Иван наблюдал за его рукой.

— А что ты пишешь?

— Что покрывало оставлено, государь.

— Напиши ещё, что я велел.

Служитель поколебался.

— Так и запишем.

Мальчик отошёл к окну. Внизу двое конюхов вели лошадей к воротам. Один конь упирался, не желая идти, второй спокойно следовал за человеком. Иван немного постоял, потом повернулся.

— А всё мамино тоже пересматривают?

Ульяна не сразу ответила.

— Кое-что уже убрали.

— Куда?

— В казённые покои.

— А зачем?

— Для хранения.

Иван задумался. Он помнил, как мать сама открывала большие сундуки, выбирая одежду к праздникам. Иногда позволяла сыну рассматривать ткани. Особенно ему нравилась тёмно-красная материя с золотым узором. Он проводил пальцами по вышивке, стараясь понять, как тонкая нить удерживается на плотной ткани.

— Я хочу посмотреть, — сказал он.

— На что, государь?

— На мамины вещи.

Ульяна приблизилась.

— Не сегодня, Иванушка.

— Почему?

— Потому что сейчас их разбирают.

— А когда разберут?

Женщина не знала, что ответить. Разбором ведали дворцовые люди, назначенные новым советом. Она могла попросить, но не могла обещать, что ей разрешат привести мальчика к сундукам покойной княгини.

— Я узнаю, — сказала она наконец.

Иван посмотрел на неё внимательно.

— Ты правда узнаешь?

— Правда.

Он кивнул и вернулся к постели, где Юрий уже проснулся. Младший брат сидел, прижав к себе покрывало, и наблюдал за происходящим. Увидев Ивана, он протянул руку. Старший подошёл, сел рядом и помог ему поправить рубаху, сбившуюся возле плеча. Женщины принесли одежду. Юрий не хотел выпускать покрывало. Когда одна из служительниц попыталась его забрать, мальчик резко отдёрнул руку и отвернулся.

— Дай ему, — сказал Иван.

— Государь, одеваться надобно.

— Пусть держит.

Ульяна осторожно взяла младшего князя за руку, показала приготовленный кафтан и подождала, пока он сам потянется к одежде. Только после этого Юрий позволил снять ночную рубаху. Покрывало осталось возле него. Новая воспитательница наблюдала за происходящим с некоторым неудовольствием. Она не была дурной женщиной. Ей поручили заботиться о детях, и она старалась исполнять службу добросовестно. Но привыкла, что ребёнок должен подчиняться взрослому, а всякая уступка лишь затрудняет воспитание. Она ещё не научилась понимать Юрия. Ей казалось, что мальчик своевольничает, когда не отвечает на вопросы, не поворачивается на зов или долго не может объяснить, чего хочет. Ульяна знала его иначе.

Она привыкла сначала привлекать внимание младшего князя, смотреть ему в лицо, показывать предмет, о котором говорит. Иногда Юрий понимал сразу. Иногда требовалось повторить движение, подождать, позволить ему самому коснуться вещи. Иван тоже постепенно усвоил этот способ общения. С младшим братом он разговаривал иначе, чем с остальными

детьми. Часто садился рядом, показывал руками, переставлял игрушки, менял выражение лица. Юрий охотно подражал ему и сердился, если игра становилась слишком сложной. Когда мальчиков одели, Ульяна повела их к завтраку. Иван по дороге оглянулся. Служитель снова поднял покрывало, но теперь не для того, чтобы унести. Он аккуратно сложил его и положил на братнюю постель. Затем свернул опись и вышел.

Иван проводил его взглядом. Ему понравилось, что на этот раз взрослый исполнил сказанное. Но он всё ещё не понимал, почему для этого понадобилось столько разговоров. В прежние годы достаточно было попросить мать. Теперь приходилось добиваться даже малого.

Изменения в великокняжеском доме происходили не одновременно. Одних людей переводили на другую службу, другим поручали новые обязанности, третьи сами старались держаться подальше от покоев малолетнего государя. При Елене доступ к её сыновьям имели люди, которых она знала и которым доверяла. После её смерти прежняя близость к правительнице уже не считалась достоинством. Некоторых служителей расспрашивали, какие поручения они исполняли, с кем разговаривали, чьи письма передавали. Других оставляли на месте, но предупреждали, чтобы они не вмешивались в дела, выходившие за пределы их службы. Ульяна почувствовала перемену раньше, чем ей сообщили о новом порядке.

Прежде она могла свободно ходить между детскими покоями, хозяйственными комнатами и женской половиной великокняжеского дома. Теперь некоторые двери оказались закрыты. У одной появился служитель, которого она прежде не знала. Когда женщина захотела пройти за нужным бельём, её остановили и потребовали объяснить, зачем она идёт. Она объяснила. Служитель выслушал, но пропустил лишь после того, как спросил разрешения у старшего. В другой раз ей отказались выдавать ткань для починки детского платья, потому что прежний запас был записан за покойной великой княгиней. Пришлось искать человека, который имел право распорядиться выдачей.

Ульяна не привыкла спорить из-за каждой мелочи. Она служила давно и знала цену дворцовым порядкам. Но теперь всё чаще ловила себя на раздражении. Однажды, возвращаясь с бельём, она встретила в переходе знакомого пожилого служителя.

— Что нынче в палатах творится? — спросила она.

Тот оглянулся.

— А что?

— На всякое дело по три дозволения требуют.

— Новые люди порядок наводят.

— Старый чем худ был?

Служитель не ответил сразу.

— Кому как, Ульяна. При прежнем порядке одни люди всё получали, другим к государыне и подойти нельзя было.

Женщина остановилась.

— Так ведь и теперь не всякого пропускают.

— Теперь другие пропускают.

Он произнёс это без насмешки. В его голосе слышалась усталость человека, пережившего несколько перемен при дворе и давно переставшего ожидать, что новая власть непременно окажется справедливее прежней. Ульяна поправила свёрток в руках.

— А дети при чём?

— Дети государевы.

— Оттого они не дети?

Служитель опустил глаза.

— Ты мне этого не говори. Я здесь ничего не решаю.

Он поспешил дальше. Ульяна ещё некоторое время стояла возле окна. Потом направилась к детским покоям, где её уже ждали. Войдя, она увидела, что Иван сидит за столом с

книгой. Юрий устроился на полу возле деревянной крепости. Один из приставленных мужчин пытался показать ему, как следует складывать бруски, но мальчик не понимал объяснений и всё время возвращал детали на прежнее место. Иван поднял голову.

— Ульяна, ты долго.

— За бельём ходила.

— А почему долго?

— Не сразу выдали.

Он хотел спросить ещё, но женщина поставила свёрток на скамью и подошла к Юрию. Несколько движений её рук — и младший князь уже улыбался, показывая, какую башню хочет построить. Иван наблюдал за ними. После смерти матери он стал особенно внимательно относиться к тому, кто умеет обращаться с братом. Если Юрий успокаивался возле человека, Иван тоже чувствовал себя увереннее. Если взрослый раздражался, мальчик настораживался и переставал доверять ему. Ульяна это замечала. И всё чаще опасалась, что однажды её тоже переведут на другую службу.

В начале июля князь Василий Васильевич Шуйский распорядился пересмотреть содержание великокняжеского двора. Дело было обыкновенное. После перемены власти следовало проверить расходы, запасы, количество служителей и прежние назначения. Хлеб, мясо, рыба, воск, свечи, ткани, конское зерно — всё приобреталось за деньги или поступало с государевых земель. За выдачу отвечали разные люди, и далеко не каждый расход был записан одинаково подробно. Шуйский считал, что без такого разбора невозможно управлять большим хозяйством. Ему не нравилась привычка ссылаться на устные распоряжения покойной княгини. Особенно раздражали случаи, когда человек требовал платы, утверждая, что получил обещание от кого-либо из прежних приближённых. Но вскоре обнаружилось, что строгий порядок не всегда облегчает дело.

В казённых палатах начали задерживаться платежи, которые прежде совершались без затруднений. Одним людям требовали новые подтверждения, другим велели дожидаться проверки. Иногда выяснялось, что работу уже сделали, а необходимую запись не сохранили или составили неправильно. Дьяк Матвей Лазарев проводил за такими делами всё больше времени. Его молодой помощник Лука однажды принёс целую связку челобитных и положил на стол.

— Опять по прежним расходам.

Матвей отложил перо.

— Сколько?

— Одиннадцать. И ещё три из дворцового хозяйства.

— Разбирал?

— Разбирал. В двух записи сходятся. В остальных кто во что горазд.

Матвей развернул первую челобитную. Она касалась денег за железные изделия, доставленные для строительства укреплений Китай-города. Заказ был сделан ещё при Елене. Работу приняли, но окончательный расчёт затянулся. Теперь подрядчику предлагали доказать, что он действительно изготовил всё указанное. Матвей прочитал имя.

— Фома-кузнец.

Лука кивнул.

— Он самый. Не впервые к нам приходит.

— А кто железо принимал?

— Мастер Петрок. Есть старая запись.

— Где?

Лука показал другую бумагу. Матвей сверил обе. Слова не вполне совпадали. В одной записи значились железные скобы и крепления, в другой — скобы, полосы и воротные части. Количество изделий было указано по-разному.

— Это не одна поставка, — сказал дьяк.

— Фома говорит, что одна.

— Надобно проверить.

Лука тяжело вздохнул.

— Так ведь проверяли уже.

— Кто?

— Люди прежнего дворцового распорядителя.

— Запись есть?

— Не нашёл.

Матвей посмотрел на него.

— Тогда ищи.

Подьячий хотел возразить, но передумал. Он знал, что старший дьяк не станет платить за работу только потому, что мастер пришёл с убедительным рассказом. Но и отказать без разбора Матвей не позволял. Через некоторое время Фому привели в казённую палату. Кузнец вошёл, сняв шапку. Его лицо загорело, руки были в тёмных следах от работы. Он поклонился и остановился возле двери.

— Долго тебя не было, — заметил Матвей.

— Работы много.

— На стене?

— И на стене, и дома. Только за прежнюю никак не рассчитаются.

Матвей показал две записи.

— Вот здесь число изделий не сходится.

Фома приблизился. Он не сразу разобрал написанное. Читать кузнец умел хуже, чем считать стоимость железа и выполненной работы. Но отдельные слова узнал.

— Здесь всё верно, — сказал он, указав на первую запись. — А это другая выдача.

— Почему же в челобитной вместе?

— Потому что деньги вместе обещали.

Матвей посмотрел на Луку.

— Петрок подтвердить может?

— Может, — ответил Фома. — Только ему нынче тоже не до этого. На стене работы хватает.

— Значит, позовём.

Кузнец помолчал.

— Матвей Иванович, я не за лишним пришёл. Железо покупал за свои деньги. Людям платил. Теперь у меня новый заказ стоит, а за прежний серебра не получил.

— Знаю.

— Если знаешь, чего же ждать?

Дьяк не рассердился. Он понимал раздражение мастера.

— Потому что за казённый расход отвечать мне. А если велю выдать лишнее, завтра меня же спросят.

Фома провёл ладонью по бороде.

— Вот ведь какое дело. Мы железо на стену поставили. Оно там стоит, всякий может посмотреть. А платы нет, потому что на бумаге одно слово не так написано.

Матвей поднял глаза.

— Пойди посмотри сам, сколько людей теперь хотят получить казённое серебро за то, чего вовсе не делали.

Фома не нашёлся сразу с ответом. Он знал таких людей. На большом строительстве всегда появлялись торговцы, посредники и подрядчики, которым удавалось брать деньги за чужую работу. Иногда один и тот же груз записывали дважды. Иногда служители получали плату за материалы, которых никто не видел.

— Я своего не украл, — произнёс кузнец.

— Этого я и не говорю.

Матвей снова взял перо.

— Приведи Петрока. Пусть при нём сверят поставку. Тогда и расплатимся.

Фома хотел спросить, сколько ещё времени займёт проверка, но увидел перед дьяком целую стопку бумаг. Среди них лежали иные просьбы, некоторые уже пожелтели от долгого хранения.

— Ладно, — сказал он. — Приведу.

Когда кузнец ушёл, Лука некоторое время молчал. Потом спросил:

— А нельзя было просто велеть выдать?

Матвей аккуратно сложил обе записи.

— Можно.

— Так почему не велел?

— Потому что завтра придёт другой, а у него и железа не было.

Лука посмотрел на лежащие перед ним бумаги.

— Только этот-то работал.

— Вот и помоги ему доказать.

Дьяк придвинул к помощнику старую книгу приёмных записей. Лука раскрыл её, нашёл нужный год и принялся перелистывать страницы. За окном казённой палаты раздался колокольный звон. Матвей невольно поднял голову. Ему вспомнилась Елена Васильевна, которая не раз требовала разбирать подобные дела без промедления. При ней тоже случались задержки, ошибки и несправедливые решения. Но теперь каждое старое распоряжение приходилось проверять заново. Он вернулся к работе.

В конце связки лежала ещё одна бумага, поступившая из Старицы. Матвей узнал имя Марьи Неверовой. По прежнему распоряжению ей оставили зерно и коня, но сведений о её муже Дмитрии по-прежнему не было. Дьяк отложил челобитную отдельно. Рядом находился список служилых людей, которых разыскивали после военных событий на западной границе. Несколько имён были зачёркнуты после получения известий. Против других оставались пустые места. Среди них значился и Степан Лыков, сын стародубского плотника Антипа. Матвей просмотрел последние поступившие сведения. Ничего нового. Он велел Луке сохранить оба дела среди неоконченных.

В Стародубе лето проходило в непрерывной работе. После военного разорения город медленно возвращался к жизни. Одни жители восстанавливали дома на прежних местах, другие селились у родственников. На улицах ещё попадались обгоревшие брёвна и остатки разрушенных строений. Некоторые дворы стояли пустыми. Возле других уже поднимались новые стены, сушились доски, пахло свежей стружкой. Антип Лыков работал с раннего утра. Повреждённая во время осады рука давно зажила, но в сырую погоду начинала болеть. Когда приходилось поднимать тяжёлое бревно, он всё ещё берег её, стараясь не показывать слабости. Днём занимался плотницкой работой, вечерами поправлял собственный дом.

Дарья держала хозяйство. Настя помогала матери, носила воду, собирала щепу для растопки, иногда подавала отцу небольшие инструменты. О Степане в семье говорили меньше, чем прежде. Не потому, что забывали. Антип уже несколько раз ездил расспрашивать служилых людей, возвращавшихся из пограничных городов. Он беседовал с бывшими пленными, с возчиками, сопровождавшими обозы, с людьми, которые могли что-нибудь знать о судьбе защитников Стародуба. Иногда появлялись новые имена, новые слухи, но ни один не позволял установить, что произошло с сыном. Он всё ещё хранил список, составленный после разорения города. Бумага истёрлась на сгибах. Некоторые пометы сделались почти неразборчивыми. Антип не выбрасывал её, хотя уже знал наизусть каждое имя.

Однажды в город приехал человек, побывавший в западных землях и слышавший разговоры о русских пленниках. Антип узнал о нём на торгу и отправился искать. Человек остановился на постоялом дворе. Он оказался немолодым торговцем, уставшим после дороги. На вопросы отвечал неохотно, потому что за день его уже несколько раз расспрашивали о знакомых и родственниках. Антип дождался, когда тот закончит есть.

— Из литовских земель едешь?

— Оттуда.

— Пленных наших не встречал?

Торговец поднял голову.

— Каких?

— Стародубских.

— Много их было.

— Сына ищу. Степан Лыков. Плотницкий сын. Высокий, волосы русые. На руке ожог старый.

Торговец задумался.

— Лыков не слыхал.

Антип осторожно положил перед ним бумагу.

— Может, среди этих кто знаком?

Человек просмотрел список. Несколько имён прочитал вслух, одно показалось знакомым. Но вскоре выяснилось, что речь шла о другом служилом человеке.

— Нет, хозяин. Не знаю.

Антип забрал бумагу.

— А где спрашивать лучше?

Торговец назвал несколько мест, где могло оказаться полезно искать сведения. Затем пожал плечами.

— Только не обещаю. Людей по разным местам развели.

Антип поблагодарил и вышел. На улице было жарко. Возле колодца две женщины наполняли вёдра. Мальчишки бежали за телегой, поднявшей облако пыли. Плотник остановился под навесом, развернул список и снова просмотрел его. Торговец мог и впрямь ничего не знать. Антип снова сложил список: даже спорить было не с кем, а домой предстояло вернуться без вести о сыне. Домой вернулся позднее обычного. Дарья встретила его возле ворот. По лицу мужа она сразу догадалась, что известий нет.

— Говорил с ним?

Антип кивнул.

— Говорил.

— Что сказал?

— Не знает.

Женщина опустила глаза. Потом спросила, не назвал ли торговец места, куда могли увезти пленных. Антип рассказал всё, что услышал. Дарья слушала внимательно. Она давно научилась отличать сведения от слухов и не позволяла себе радоваться каждому случайному слову. Настя сидела неподалёку. Она уже стала старше и лучше понимала разговоры взрослых.

— Батя, — спросила девочка, — а Степан знает, что мы дом поправили?

Антип посмотрел на неё.

— Откуда же ему знать?

— А если придёт?

— Тогда увидит.

Настя задумалась.

— Надо ему место оставить.

Дарья отвернулась к стене, будто хотела поправить висевшую там ткань. В доме у Степана действительно оставалось место. Не прежнее, возле старой печи, которая сгорела вместе с избой, а новое. Антип сделал для сына широкую лавку у стены и пока не позволял складывать на неё хозяйственные вещи. Он не говорил, что ждёт возвращения Степана именно туда. Но всякий раз, когда Дарья хотела использовать лавку для одежды или посуды, находил другую полку.

Вечером жена достала чистый кусок ткани и попросила мужа ещё раз назвать приметы сына. Она собиралась передать их человеку, который на следующей неделе отправлялся в Москву с торговым обозом. Антип диктовал медленно. Дарья повторяла слова, чтобы ничего не забыть. Когда дошли до старого ожога на руке, она остановилась.

— Скажи ещё, что топор у него был с верёвкой на рукояти.

Антип кивнул.

— Скажу.

Они не знали, остался ли у Степана тот топор. Но других примет у них было немного. Дарья аккуратно сложила запись. В Москве её должны были передать людям, занимавшимся пограничными делами. Сумеют ли они узнать что-нибудь новое, никто не обещал.

Между тем в великокняжеском доме продолжали менять распорядок. Однажды после утренней службы Иван заметил, что дверь в одну из палат, куда прежде часто проходила мать, стоит открытой. Оттуда доносились мужские голоса. Несколько служителей переносили скамьи и сундуки, другие раскладывали на столах книги и грамоты. Иван остановился. Он хорошо помнил эту комнату. Елена иногда принимала здесь дьяков, а в свободное время садилась возле окна с шитьём или книгой. Мальчику разрешалось входить, если мать не была занята важным делом. Возле стены стояла скамья, на которой он однажды долго ждал её, рассматривая рисунок на резной ножке стола. Теперь скамью вынесли. В палате сидели бояре.

Один из служителей заметил мальчика и поспешил поклониться.

— Государь, тебе куда угодно?

— Сюда.

— Здесь нынче дело идёт.

— Я вижу.

Иван шагнул к двери. Служитель отступил, но затем произнёс:

— Лучше сперва доложить, государь.

Мальчик посмотрел на него.

— Кому?

— Князю Василию Васильевичу.

Иван хотел возразить. Но из комнаты вышел сам Шуйский. Он был уже немолод, широк в плечах, с тяжёлым лицом человека, привыкшего переносить ратные труды и повелевать людьми. Князь умел разговаривать спокойно, не повышая голоса, и редко обнаруживал раздражение перед посторонними. Ему приходилось иметь дело с воеводами, послами, дьяками, служилыми людьми, и он хорошо понимал цену внешнему достоинству. Увидев Ивана, Шуйский поклонился.

— Государь, что тебе надобно?

Мальчик показал на комнату.

— Здесь мама сидела.

Князь оглянулся.

— Сидела.

— А теперь вы?

— Теперь государевыми делами здесь занимаемся.

— А почему не в другой палате?

Шуйский немного помолчал.

— Здесь удобнее. Книги и записи рядом.

Иван посмотрел мимо него. В глубине комнаты он увидел знакомый стол. Тот самый, возле которого мать иногда разрешала ему стоять, пока читала грамоты. На столе лежали чужие бумаги. Один из бояр, ожидавших возвращения Шуйского, сидел на месте Елены. Мальчик нахмурился.

— А её вещи где?

— Которые?

— Мамины.

Шуйский понял вопрос.

— Убраны на хранение.

— Я хочу их видеть.

Князь посмотрел на сопровождавшего Ивана служителя.

— Государю нынче занятия положены?

— Положены, княже.

— Вот и проводи.

Иван не двинулся.

— Я спросил про вещи.

Шуйский вновь повернулся к нему. Он не привык к подобной настойчивости детей, особенно когда разговор происходил на виду у бояр. Однако мальчик не кричал и не капризничал. Он ждал ответа.

— Скажу дворцовым людям, чтобы показали тебе то, что можно, — произнёс князь.

— А когда?

— Когда будет время.

Иван посмотрел на стол ещё раз.

— Я тогда пойду.

Шуйский кивнул. Мальчик направился по переходу. Пройдя несколько шагов, он оглянулся. Князь уже вернулся в палату. Дверь за ним закрыли. Иван запомнил, что теперь у этой комнаты спрашивают разрешения не у матери и не у него.

В тот же день после полудня к детям пришла княгиня Анастасия Петровна. Её мать, Евдокия Ивановна, была дочерью Ивана Третьего, так что Анастасия принадлежала к великокняжескому роду. Недавно её выдали замуж за Василия Васильевича Шуйского. Брак этот обсуждали при дворе: князь был значительно старше молодой жены, а родство с великокняжеским домом придавало ему особенное положение. Для самого Ивана свадьба осталась одним из многих церковных и придворных обрядов, к которым его привлекали взрослые. Он видел торжественные одежды, слышал молитвы, принимал поклоны, но мало интересовался тем, почему бояре придают этому браку такое значение. Анастасию он знал не очень близко. Она иногда бывала при Елене, но не принадлежала к кругу женщин, ежедневно окружавших детей.

Теперь молодая княгиня пришла с небольшой корзиной, в которой лежали вышитые платки и несколько детских вещей. Ульяна встретила её у двери.

— Княгиня, проходи.

Анастасия поздоровалась с мальчиками и присела возле Юрия. Тот внимательно рассматривал её украшенный жемчугом головной убор.

— Узнаёшь меня? — спросила она.

Юрий не ответил, но осторожно протянул руку к длинной нити жемчуга, спускавшейся возле щеки. Анастасия улыбнулась и позволила ему коснуться украшения. Иван наблюдал за ними.

— Ты теперь со Шуйским живёшь?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Ульяна подняла голову. Анастасия посмотрела на мальчика.

— Теперь он мой муж.

— А ты его любишь?

Княгиня смутилась. Она не ожидала подобного вопроса от семилетнего ребёнка. Несколько мгновений подбирала ответ, потом произнесла:

— Мы венчаны, Иван Васильевич. Мужу и жене надобно жить в согласии.

Мальчик задумался.

— А если не хочется?

Ульяна поспешила вмешаться.

— Государь, не обо всём так спрашивают.

Но Анастасия остановила её лёгким движением руки.

— Ничего.

Она взглянула на мальчика и ответила уже спокойнее:

— Не всегда человек выбирает, как ему жить.

Иван посмотрел на неё с неожиданным вниманием.

— Тебе тоже велели?

Княгиня не сразу нашлась.

— Брак наш устроили родные.

— А ты?

Она опустила глаза к корзине.

— Я согласилась.

Иван больше не спрашивал. Он вспомнил, как мать иногда разговаривала с придворными женщинами о браках. Елена говорила, что родственные союзы нужны государству, но не всегда приносят счастье людям. Тогда мальчик не вполне понимал её слова. Сейчас ему стало интересно, хотела ли сама Анастасия выходить замуж за человека, которого при дворе все слушались. Княгиня начала показывать принесённые вещи. Среди них оказался небольшой кафтан для Юрия, с аккуратной вышивкой возле ворота. Младший князь заинтересовался яркими нитями и позволил приложить одежду к плечам.

— Впору будет, — сказала Ульяна.

Анастасия улыбнулась.

— Я боялась, что мал окажется.

Иван подошёл ближе.

— Ты сама шила?

— Не всё. Вышивала.

— А мама тоже вышивала.

Княгиня подняла глаза.

— Знаю.

— Она иногда говорила, что у неё неровно выходит.

Анастасия негромко рассмеялась.

— Бывало.

Ивану понравилось, что она помнит Елену живой, а не только покойной великой княгиней, о которой говорят церковными словами. Он сел рядом и начал расспрашивать о прежних встречах. Анастасия отвечала осторожно, но постепенно разговор сделался свободнее. Она вспомнила, как однажды Елена выбирала ткань для праздничного платья и никак не могла решить, какой цвет ей больше нравится. Как смеялась над собственной нерешительностью. Как позволила одной из молодых родственниц примерить дорогой головной убор, хотя та боялась даже прикоснуться к нему. Иван слушал. Ему нравились такие воспоминания. В них мать оставалась человеком, который мог смеяться, ошибаться, сердиться из-за мелочей и радоваться красивой ткани. Когда Анастасия собралась уходить, он неожиданно попросил:

— Приходи ещё.

Княгиня остановилась.

— Приду, если будет можно.

Иван нахмурился. Она заметила перемену в его лице и поняла, что сказала неудачно.

— Постараюсь прийти, — добавила она.

Мальчик кивнул. Анастасия вышла. В переходе её ожидали служительницы. Она направилась к мужниным покоям, но по дороге некоторое время думала о разговоре. Ей казалось, что великий князь должен быть окружён заботой и вниманием. Во всяком случае, так выглядело его положение со стороны. Теперь она увидела двух мальчиков, которым не хватало самых обыкновенных вещей: знакомого голоса, привычной ласки, человека, способного прийти без особого разрешения. Впрочем, сама Анастасия не обладала большой свободой. Её положение определялось мужем, родством, придворным обычаем и обязанностями, которые она получила вместе с новым титулом.

Вернувшись к себе, княгиня велела отложить несколько кусков мягкой ткани для детской одежды. Потом села у окна и занялась шитьём.

Через несколько дней в великокняжеском доме решили изменить размещение детей. Распорядитель дворцового хозяйства считал, что старшему и младшему князьям полезно иметь отдельные помещения. Иван уже занимался чтением и письмом, принимал участие в церковных выходах и иногда присутствовал при государственных делах. Юрий же требовал иного ухода и часто мешал занятиям брата. Предложение выглядело разумным. В большом княжеском доме дети не всегда жили в одной комнате. Для каждого существовали свои служители, одежда, имущество и обязанности. Однако после смерти матери оба мальчика привыкли держаться вместе. Особенно ночью, когда Юрий нередко просыпался и искал старшего брата. Ульяна узнала о распоряжении утром.

Ей велели подготовить соседнюю комнату для младшего князя и перенести туда часть его вещей.

— Зачем? — спросила она.

— Так определено.

— Он ночью один не останется.

— При нём женщины будут.

— Не в том дело.

Распорядитель посмотрел на неё.

— Ульяна, тебе велено приготовить покои, а не спорить о том, где князьям спать.

Она сдержалась.

— Дозволь хоть государю прежде сказать.

— Ему скажут.

— Кто?

— Кому поручено.

Женщина поняла, что разговор окончен. Она начала переносить вещи. Делала это медленно, стараясь не привлекать внимания детей. Но Иван вскоре заметил, что деревянную крепость, которую Юрий собирал на полу, убрали в большой сундук.

— Куда несёте?

Служительница остановилась.

— В другие покои.

— Зачем?

— Князю Юрию там жить назначено.

Иван не сразу понял.

— Как жить?

— Отдельно.

Он подошёл к сундуку.

— Кто назначил?

— Дворцовые люди, государь.

— А меня спросили?

Женщина опустила глаза.

— Мне про то неведомо.

Иван некоторое время смотрел на неё. Потом открыл сундук и стал доставать деревянные фигурки.

— Оставь, — сказал он.

— Государь, велено перенести.

— А я велю оставить.

Служительница не знала, как поступить. Она посмотрела на Ульяну, стоявшую неподалёку. Та осторожно подошла к мальчику.

— Иванушка, комнату рядом приготовят. Будешь к Юре ходить.

— А ночью?

— Ночью он там спать станет.

— Нет.

Ульяна присела перед ним.

— Ты сперва посмотри, как устроят.

— Я уже знаю.

Мальчик крепко держал в руке деревянного всадника.

— Он ночью меня ищет.

Ульяна не стала возражать. Она знала, что Иван говорит правду. Позднее, когда детей повели на занятия, женщина отправилась к дворцовому распорядителю и попросила оставить братьев вместе хотя бы до конца лета. Тот выслушал, но отказался менять решение.

— Государь старший должен к своему положению привыкать.

— Ему ещё восьми лет нет.

— Тем более пора порядок заводить.

Ульяна опустила глаза.

— А младший?

— При нём люди будут.

Она поняла, что дальнейшие просьбы бесполезны. Вечером перенесли постель Юрия. Иван молча наблюдал за приготовлениями. Когда служители закончили, он взял материнскую книгу, лежавшую возле его постели, и отправился вслед за ними. В новой комнате уже горели светильники. Юрий сидел на скамье, окружённый игрушками. Ему показывали новое место, но он почти не обращал внимания на объяснения. Увидев Ивана, младший сразу оживился. Старший положил книгу на стол и сел рядом.

— Я здесь останусь.

Одна из воспитательниц подошла.

— Государь, тебе в свои покои пора.

— Я с Юрой.

— Здесь князь Юрий спать будет.

— И я.

Женщина попыталась объяснить, что так не положено. Иван слушал молча. Затем снял обувь и забрался на братнюю постель. Воспитательница растерялась. Она могла позвать служителей и попросить их увести мальчика. Но перед ней находился великий князь, которому все обязаны были кланяться. Насильно поднять его с постели она не решалась. Пришлось послать за старшим распорядителем. Тот явился уже раздражённым.

— Государь, что за дело?

Иван сидел рядом с братом. Юрий прижимался к нему и рассматривал материнскую книгу.

— Я здесь спать буду.

— Тебе другие покои определены.

— Не хочу.

Распорядитель помолчал.

— Государь, так не годится. У каждого свой порядок должен быть.

Иван поднял голову.

— А почему раньше годилось?

Человек не сразу ответил.

— Раньше иначе было устроено.

— Почему теперь нельзя?

— Для твоего же добра.

Иван сжал губы. Он слишком часто слышал эти слова и всё реже понимал, что именно взрослые называют его добром.

— Тогда пусть Юра ко мне идёт.

— Не велено.

— Кем?

Распорядитель начал объяснять, что новое размещение согласовано со старшими дворцовыми людьми. Но мальчик перестал слушать. Он отвернулся к брату и стал показывать ему картинки в книге. После долгих уговоров решили временно оставить всё как есть, а наутро доложить боярам. В ту ночь оба брата спали в новой комнате. Ульяна сидела неподалёку. Она понимала, что распоряжение не отменено. Утром вопрос возникнет снова.

На следующий день Ивану велели явиться к Василию Шуйскому. Мальчик пришёл в сопровождении двух служителей. Он был одет в лёгкий летний кафтан, волосы ему тщательно расчесали. Перед входом напомнили, как следует держаться и когда можно говорить. Шуйский принимал государя в небольшой палате. На столе лежали бумаги, рядом стоял сосуд с водой. Князь выглядел утомлённым. С утра ему пришлось выслушать несколько донесений, распорядиться отправкой грамот и разобрать спор между служилыми людьми о порядке назначения. Когда Иван вошёл, Шуйский встал и поклонился.

— Государь, садись.

Мальчик сел на приготовленную скамью. Князь некоторое время рассматривал его.

— Говорят, ты вчера в чужих покоях ночевал.

— У Юры.

— Знаю.

— Он мне не чужой.

Шуйский почувствовал раздражение, но постарался не показать.

— Никто и не говорит, что чужой. Только тебе особое помещение положено. Ты великий князь.

Иван посмотрел на него.

— А Юра разве не князь?

— Князь. Но ты старший государь.

— Так зачем нам в разных комнатах спать?

Шуйский отложил лежавший перед ним лист. Он не считал себя жестоким человеком. В годы службы ему приходилось принимать тяжёлые решения, отправлять людей на войну, наказывать виновных, разбирать споры между воеводами. Дворцовый распорядок представлялся ему делом гораздо менее значительным. Он искренне полагал, что дети привыкнут к новым условиям, если взрослые проявят твёрдость. Но теперь перед ним сидел мальчик, который не понимал причин перемены и явно боялся разлуки с братом.

— Для учения удобнее, — ответил князь.

— Я и так учусь.

— Учишься. Только младший тебе мешает.

Иван покачал головой.

— Не мешает.

Шуйский посмотрел на сопровождавшего мальчика служителя.

— А как занятия идут?

Тот ответил, что государь читает прилежно, но иногда отвлекается на брата. Князь снова повернулся к Ивану.

— Вот видишь.

Он вспомнил, как накануне Юрий долго пытался сложить деревянные бруски и не позволял взрослым помогать. Иван несколько раз отвлекался от книги, чтобы показать ему, как поставить башню. Учитель действительно сделал замечание. Но Иван не считал это достаточной причиной для разлуки.

— Он ночью зовёт, — сказал мальчик.

Шуйский не сразу понял.

— Кто?

— Юра. Когда проснётся.

— При нём люди будут.

— Он их не знает.

Князь помолчал. Иван продолжил:

— А меня знает.

Это было сказано без упрямства. Мальчик просто объяснял то, что считал важным. Шуйский медленно провёл ладонью по бороде. Ему вспомнилось собственное детство, давнее и почти забытое. В большом княжеском доме тоже существовали строгие порядки. Детей воспитывали под наблюдением старших, учили повиноваться и не жаловаться на неудобства. Однако при нём всегда находились люди, которых он знал с младенчества. Даже когда отец отсутствовал, жизнь дома оставалась привычной. У Ивана такой опоры почти не осталось. Князь позвал распорядителя.

— Пусть младшему покои рядом приготовят, а дверь между ними на ночь не запирают.

Иван поднял голову.

— Мы вместе будем?

— Пока вместе. Только занятия твои от того страдать не должны.

Мальчик кивнул. Шуйский указал ему на приготовленную скамью.

— Теперь иди. И слушайся тех, кому поручено о тебе заботиться.

Иван поднялся. Он хотел поблагодарить, но вспомнил, что никто не спрашивал его согласия, когда затевали переселение. Вместо этого поклонился и направился к двери. Уже у выхода остановился.

— Василий Васильевич.

— Что ещё?

— А Ульяну не уберут?

Князь посмотрел на него внимательнее.

— Отчего спрашиваешь?

— Она Юру понимает.

Шуйский немного подумал.

— Пока пусть остаётся.

— Надолго?

— Как служба потребует.

Иван понял, что другого ответа не получит. Он вышел. В переходе мальчик ускорил шаг. Ему хотелось поскорее вернуться к брату и рассказать, что теперь они смогут спать рядом. Однако радость оказалась неполной. Он не знал, что означает слово «пока», и слишком хорошо помнил, как часто взрослые меняли свои решения.

В эти дни при дворе всё заметнее становилось противостояние людей, прежде скрывавших взаимное недоверие. Шуйские укрепляли своё положение. Василий Васильевич распоряжался важнейшими делами, его брат Иван Васильевич также занимал влиятельное место при великокняжеском совете. Люди, вернувшиеся из прежней опалы, надеялись восстановить утраченные должности и имущество. Но единства среди них не было. Князь Иван Фёдорович Бельский, освобождённый после смерти Елены, не собирался довольствоваться положением человека, которому позволили вернуться ко двору. Он принадлежал к знатному роду, имел опыт службы и собственное представление о том, как следует управлять государством.

В разговорах бояр всё чаще возникали вопросы о назначениях, пожалованиях и праве представлять малолетнего государя. Матвей Лазарев замечал эту перемену по тому, как изменилось прохождение грамот. Прежде спорные документы могли задерживаться у одного человека. Теперь их иногда несколько раз переносили между палатами, потому что один боярин считал необходимым согласие другого. Случалось, что дьяку возвращали уже подготовленную запись с требованием изменить порядок имён. Для служилых людей подобные изменения имели большое значение. От места в записи зависело, кто будет командовать полком, кто окажется под началом другого воеводы, чьё достоинство признают старшим. Для маленького Ивана эти споры пока оставались непонятными.

Однажды он услышал, как двое бояр в переходе спорят о каком-то назначении. Один говорил, что решение следует согласовать с Бельским. Другой отвечал, что князь Василий Васильевич уже всё определил. Мальчик остановился. Оба боярина заметили его, поклонились и замолчали. Иван посмотрел на них.

— Вы чего спорили?

Один ответил:

— О государевой службе.

— А кто прав?

Бояре переглянулись.

— Разберём, государь.

Иван немного подождал.

— А мне расскажете?

Старший из них поклонился.

— Когда дело решится, тебе доложат.

Иван пошёл дальше, но у следующей двери остановился и снова оглянулся на боярский переход. Служитель уже разговаривал с другим человеком, словно вопрос мальчика не требовал ответа. Иван с досадой сжал деревянную фигурку, которую нёс Юрию: готовое решение взрослые объявляли охотно, а имя того, кто его принял, всякий раз приходилось выспрашивать.

В один из жарких июльских дней Иван потерял Юрия. Это случилось после полудня, когда дети находились в переходе между своими покоями и небольшой комнатой, где хранились игрушки и учебные принадлежности. Ульяну ненадолго позвали к дворцовому распорядителю. Новая воспитательница осталась с мальчиками. Она велела Ивану заняться чтением, а Юрию предложила деревянные фигурки. Старший сел за стол. Младший некоторое время играл на полу, затем поднялся и подошёл к двери. Женщина заметила это не сразу. Она была занята приготовлением одежды к вечернему выходу и разговаривала со служительницей, которой поручили принести чистое бельё. Когда Иван оторвался от книги, брата в комнате уже не было.

— А Юра где?

Воспитательница обернулась.

— Здесь был.

Иван посмотрел на пол. Деревянные фигурки лежали возле стены. Одна была перевёрнута.

— Его нет.

Женщина быстро прошла к двери. В переходе никого не оказалось. Она позвала младшего князя, затем спросила у стоявшего дальше служителя, не видел ли тот ребёнка. Служитель покачал головой. Воспитательница побледнела.

— Государь, ты здесь побудь. Я сейчас найду.

Но Иван уже поднялся.

— Я с тобой.

— Не надо. Ты останься.

Он не послушался. В переходе было прохладнее, чем в комнате. Свет падал через узкие окна, оставляя на полу длинные светлые полосы. Из соседней палаты доносился стук переставляемой мебели. Иван заглянул туда. Юрия не было. Он пошёл дальше. Служитель, встретивший мальчика, остановился и поклонился.

— Государь, куда идёшь?

— Юру ищу.

— А где он?

— Не знаю.

Человек сразу насторожился. Через несколько минут поисками занимались уже несколько придворных. Одни проверяли соседние комнаты, другие отправились к лестницам, третьи спрашивали женщин, занятых в хозяйственной части дворца. Иван ходил вместе с ними. Сначала он был уверен, что брат найдётся сразу. Юрий мог спрятаться за сундуком, забраться под стол или отправиться вслед за служителем, который нёс какую-нибудь интересную вещь. Но время проходило. В одной комнате его не оказалось. Во второй тоже. На лестнице никто не видел младшего князя. Иван почувствовал, как у него холодеют руки. Он вспомнил, как однажды искал Аграфену и никак не мог понять, почему её нет. Потом взрослые объяснили, что она уехала. Теперь ему стало страшно, что и Юрия кто-нибудь увёл, не спросив разрешения.

— Проверьте ворота, — потребовал он.

Служитель постарался успокоить мальчика.

— Государь, он из дворца не выйдет. Стража стоит.

— Тогда где он?

Ответа не было. Иван побежал по переходу, не обращая внимания на оклики. У дальней лестницы его остановил один из дворцовых людей.

— Государь, туда нельзя.

— Юра там?

— Не видал.

— Пусти.

Человек колебался. Он не хотел пропускать ребёнка в хозяйственную часть дворца, но и силой удерживать великого князя не решался. В этот момент появилась Ульяна. Ей уже сообщили о случившемся. Она шла быстро, тяжело дыша. Увидев Ивана, сразу подошла к нему.

— Где ты его последний раз видел?

— В комнате.

— Он один вышел?

— Не знаю.

Ульяна присела, чтобы видеть лицо мальчика.

— Подумай. Что он перед тем делал?

Иван попытался вспомнить. Юрий играл. Потом подошёл к двери. Кажется, он несколько раз смотрел в сторону перехода. Утром там переносили большие сундуки, и младший князь долго наблюдал за работой.

— Сундуки, — сказал Иван.

— Что сундуки?

— Их уносили. Юра смотрел.

Ульяна поднялась.

— Куда уносили?

Служитель показал на хозяйственную часть дворца. Женщина сразу направилась туда. В комнате, где временно поставили несколько больших сундуков, было полутемно. Часть окон закрывали деревянные ставни. На полу лежали свёрнутые ткани, у стены стояли разобранные скамьи. Ульяна осторожно позвала:

— Юрочка.

Ответа не последовало. Иван прошёл за ней. Он увидел в глубине комнаты знакомый сундук. Тот самый, который прежде стоял на женской половине великокняжеского дома. На крышке сохранилась металлическая накладка с растительным узором. Мальчик узнал его. Ему вспомнилось, как мать однажды открывала этот сундук и доставала одежду. Юрий тогда был совсем маленьким и пытался забраться внутрь, пока Елена смеялась и оттаскивала его за рубаху. Иван быстро подошёл. За сундуком что-то шевельнулось.

— Юра!

Младший брат сидел на полу между стеной и большой деревянной коробкой. Рядом лежал небольшой кусок ткани, выпавший из одного из свёртков. Юрий держал его обеими руками и внимательно рассматривал вышивку. Увидев Ивана, он улыбнулся. Старший мальчик бросился к нему, присел и крепко обнял.

— Ты куда ушёл?

Юрий не ответил. Он показал брату ткань. Иван узнал знакомый узор. Такой же был на одной из материнских одежд. Возможно, именно его Юрий запомнил и теперь хотел рассмотреть.

— Это мамино? — спросил Иван.

Младший снова показал вышивку. Ульяна подошла и опустилась рядом с детьми. Она почувствовала облегчение, но не сразу смогла заговорить. Перед ней сидели два мальчика возле сундука покойной матери. Старший всё ещё крепко обнимал младшего, словно боялся, что тот снова исчезнет.

— Юрочка, нельзя одному уходить, — сказала женщина.

Младший поднял голову. По её лицу он, кажется, понял, что она встревожена, но не мог объяснить, зачем пришёл сюда. Иван наконец отпустил брата.

— Он сундук нашёл.

Ульяна кивнула.

— Вижу.

Воспитательница, прибежавшая следом, начала оправдываться. Она говорила, что отвернулась всего на несколько мгновений, что мальчик прежде никогда так далеко не уходил, что двери должны были быть закрыты. Ульяна остановила её.

— Потом поговорим.

Она подняла Юрия, помогла ему отряхнуть одежду и осторожно взяла из его рук ткань. Младший сразу потянулся за ней. Иван заметил.

— Отдай ему.

Ульяна посмотрела на вышивку. Вещь действительно принадлежала к прежнему женскому убору. Она не знала, позволено ли брать её из казённых сундуков. Но Юрий продолжал тянуть руку.

— Возьмём пока с собой, — сказала женщина.

Она сложила ткань и передала младшему князю. По дороге обратно Иван держал брата за руку так крепко, что тот несколько раз пытался освободиться.

— Не уходи больше, — повторял старший.

Юрий смотрел на него с удивлением. Когда вернулись в покои, Иван сел на скамью и долго не выпускал братнюю ладонь. Воспитательница принесла воду. Ульяна велела мальчикам умыться и немного отдохнуть. Только теперь Иван почувствовал, насколько сильно испугался. Он пытался скрыть слёзы, но глаза сами наполнились влагой. Ульяна села рядом.

— Нашли ведь.

Он кивнул.

— А если бы не нашли?

Женщина поправила ему волосы.

— Стали бы искать дальше.

Иван некоторое время молчал.

— Аграфену тоже искали?

Ульяна почувствовала, как тяжело стало отвечать.

— Аграфену увезли, Иванушка.

— А если бы я сам пошёл?

— Ты бы не нашёл дороги.

— А Юру нашёл.

Женщина посмотрела на него.

— Юра здесь был.

Иван опустил голову. Он понимал разницу, но принимать её не хотел. Через некоторое время младший брат придвинулся к нему и положил на колени тот самый кусок ткани. Иван развернул его, рассмотрел вышивку и осторожно сложил обратно. Юрий улыбнулся. Старший мальчик провёл ладонью по его волосам.

О происшествии доложили Василию Шуйскому. Князь разгневался. Не столько из-за самого ухода ребёнка, сколько из-за беспорядка, который обнаружился в великокняжеском доме. Если пятилетний князь способен незаметно покинуть покои и пройти через несколько дверей, значит, приставленные люди плохо исполняют службу. Он велел привести дворцового распорядителя и воспитательницу. Разговор был неприятным. Шуйский требовал объяснить, кто оставил двери открытыми, почему никто не заметил ухода младшего князя и кто отвечал за надзор. Воспитательница пыталась оправдаться. Распорядитель ссылался на перенос имущества. Оба говорили правду лишь отчасти. Действительно, в тот день служители много ходили между комнатами. Двери открывали для переноски тяжёлых сундуков. Однако никто не позаботился о том, чтобы дети не могли свободно пройти вслед за взрослыми.

Шуйский выслушал и распорядился установить постоянный надзор у выхода из детских покоев. Затем велел позвать Ульяну. Женщина пришла с опасением. Она знала, что князь может обвинить её в недостаточном внимании, хотя в момент происшествия она исполняла другое поручение. Но Шуйский начал не с обвинений.

— Ты давно при государевых детях?

— Давно, княже.

— Младшего хорошо знаешь?

— С младенчества.

— Почему он ушёл?

Ульяна рассказала о сундуках и найденной ткани. Шуйский внимательно слушал.

— Значит, за материной вещью пошёл?

— Возможно, княже. Он и прежде к знакомым вещам тянулся.

— А почему никто не догадался?

Женщина немного помолчала.

— Не всякий знает, на что князь Юрий внимание обращает.

Шуйский посмотрел на неё.

— А ты знаешь?

— Не всегда. Но чаще других.

Князь задумался. Он уже слышал, что младший сын Василия Ивановича отличается от старшего. Юрий не всегда отвечал на обращённую к нему речь, медленнее осваивал некоторые занятия, часто предпочитал показывать желаемое движениями рук. При этом он узнавал близких, любил игры, радовался знакомым людям и сильно привязывался к привычным предметам. Шуйский не знал, как следует понимать эти особенности. Дворцовые женщины говорили о них по-разному. Одни считали, что мальчик со временем выправится, другие опасались, что ему потребуется особенный уход. Но теперь князь увидел практическую сторону дела.

— Ты при младшем останешься, — сказал он.

Ульяна подняла голову.

— Благодарствую, княже.

— Только смотри, чтобы впредь такого не было.

— Постараюсь.

Шуйский немного помолчал.

— И государю старшему скажи, чтобы один по переходам не бегал.

Ульяна поклонилась. Она уже собиралась уходить, когда князь неожиданно спросил:

— А он сильно испугался?

Женщина остановилась.

— Иван Васильевич?

— Он.

— Сильно.

Ульяна не рассказала о самом страшном: пока они искали Юрия, ей пришлось выбирать, кому первой сообщить о пропаже. Позови она стражу — поднимут шум и будут искать виноватых среди детских служителей; не позови — ребёнок мог уйти за ворота. Она решилась поднять людей, рискуя службой. Теперь князь спрашивал о страхе старшего мальчика, но не о том, как его самого заставили прожить целый час в неизвестности.

— Я распорядилась искать, не дожидаясь старшего, — сказала она.

Шуйский оторвался от грамоты. Впервые за разговор его заинтересовало не нарушение порядка, а то, что женщина взяла на себя право приказать.

— Кто тебе дозволил?

— Никто. Я князя Юрия искала.

Князь подержал её взгляд и не повторил вопроса. Ульяна поняла, что наказания может и не быть, но позволения на подобный поступок тоже никто не даст. Ей оставалось надеяться, что впредь такого выбора не потребуется.

Шуйский опустил глаза к лежавшей перед ним грамоте.

— Понятно.

Больше ничего не сказал. Ульяна вышла с облегчением. Она не знала, насколько прочно её положение, но теперь получила ясное распоряжение оставаться возле младшего князя. Для неё это было важнее всяких иных пожалований.

На следующий день Иван снова увидел Матвея Лазарева. Дьяк пришёл с несколькими документами, которые следовало представить великому князю для установленного оформления. Бояре уже согласовали их содержание. Матвею оставалось прочесть нужные места и

проследить, чтобы все записи были сделаны правильно. Иван сидел за столом. Ульяна находилась возле Юрия, который пытался сложить деревянную крепость. После недавнего происшествия младшего князя больше не оставляли без присмотра даже на короткое время. Матвей поклонился и развернул грамоту. Мальчик слушал внимательнее, чем прежде. Он уже знал, что взрослые могут быстро читать длинные слова, смысл которых ему непонятен. Поэтому несколько раз просил остановиться и объяснить названия. Дьяк терпеливо отвечал.

Когда работа закончилась, Иван неожиданно спросил:

— Матвей, а у тебя люди пропадают?

Дьяк поднял голову.

— Какие люди, государь?

— Которых ищут.

Матвей не сразу понял, откуда возник вопрос.

— Бывает, — ответил он осторожно. — На войне, в дороге. Иные без вести остаются.

— А как их находят?

— Расспрашивают. Пишут в города. Сверяют имена.

Иван задумался.

— А если имя забыли?

Матвей посмотрел на мальчика.

— Тогда труднее.

— А если записали?

— Тогда можно искать по записи.

Иван некоторое время водил пальцем по краю стола.

— Юру вчера потеряли.

Дьяк уже слышал об этом.

— Знаю, государь.

— А потом нашли.

— Слава Богу.

Мальчик поднял глаза.

— А других тоже находят?

Матвей вспомнил старицкие дела, челобитные о пропавших служилых людях, списки пленных, которые составляли после военных походов.

— Иных находят, — ответил он. — О других долго известий нет.

— Почему?

— Потому что люди далеко бывают. А иной раз никто не знает, куда человек ушёл.

Иван задумался. Он ещё не представлял расстояний между русскими городами, чужими землями и местами, куда могли уводить пленных. Но уже понимал, что потеряться можно не только в большом дворце. Матвей хотел собрать бумаги, однако мальчик остановил его.

— А ты всех записываешь?

— Не всех. Только тех, о ком дело приходит.

— А кто не пришёл?

Дьяк помолчал.

— О тех нам неведомо.

Иван снова опустил глаза. Затем взял лежавшую возле него восковую дощечку и начал медленно выводить буквы. Матвей наблюдал, не вмешиваясь. Мальчик написал имя брата. Буквы получились неровными. Одну пришлось поправить. Но слово можно было прочесть.

— Правильно? — спросил Иван.

— Правильно, государь.

Он положил дощечку на стол.

— Теперь не забудут.

Матвей осторожно кивнул. Он не стал объяснять ребёнку, что жизнь человека не зависит от того, записано ли его имя на воске. Мальчику сейчас было важно другое: он нашёл способ удержать хоть что-нибудь из мира, в котором люди исчезали слишком быстро. Дьяк собрал грамоты и поклонился. На выходе он встретил Луку. Тот ожидал возле двери с новой связкой бумаг.

— Всё прочёл? — спросил подьячий.

Матвей кивнул.

— Прочёл.

— Государь опять спрашивал?

— Спрашивал.

Лука посмотрел на старшего.

— О чём нынче?

— О людях, которых ищут.

Подьячий некоторое время молчал.

— У нас таких дел довольно.

Матвей посмотрел на принесённые бумаги.

— Вот и разбирай внимательно.

Они направились к казённым палатам.

В последние дни июля Москва снова ожила после сильной жары. Прошёл продолжительный дождь, смыл пыль с кровель и улиц. На строительстве Китайгородской стены рабочим пришлось очищать настилы от грязи, а возчики жаловались на размокшие дороги. Фома пришёл к Петроку ещё до полудня. Мастер осматривал воротные крепления. Возле него стояли несколько каменщиков и плотников, которым предстояло закончить очередной участок. Фома принёс старую запись и попросил ещё раз подтвердить количество поставленного железа. Петрок выслушал и нахмурился.

— Опять за платой ходишь?

— Опять.

— Не рассчитались?

— Сказали, пока ты не подтвердишь, не дадут.

Петрок тяжело вздохнул. Он помнил поставку. Железо действительно получили, часть употребили на воротные работы, остальное распределили по другим участкам. Но теперь требовалось найти людей, которые принимали отдельные изделия, и сверить записи.

— Пойдём, — сказал он.

Они обошли несколько мест, где уже установили крепления. Петрок показал старые скобы, назвал количество использованного железа и велел одному из помощников принести свою рабочую запись. Фома наблюдал за проверкой с возрастающим нетерпением. Работа была сделана давно. Он помнил каждую крупную деталь, потому что сам следил за её изготовлением. Теперь же несколько взрослых людей тратили полдня, чтобы подтвердить то, что стояло перед глазами. Наконец Петрок составил нужную бумагу.

— Передай Матвею Лазареву.

Фома взял её.

— Благодарствую.

— А мне за что?

— Что не поленился.

Петрок посмотрел на него.

— Коли за всяким железом так ходить станем, нам и стену некогда будет достраивать.

Фома усмехнулся.

— Зато записи все правильные будут.

Мастер покачал головой. Они немного постояли возле воротного проезда. Каменщики продолжали работу. На деревянный настил поднимали известковый раствор, внизу складывали подготовленные камни. Фома вспомнил, как Елена Васильевна приезжала смотреть строительство. Тогда она задавала мастерам множество вопросов, иногда мешала своими расспросами, но старалась понять, какие трудности возникают у рабочих. Теперь сюда приходили другие распорядители. Одни были внимательны, другие торопились, третьи прежде всего интересовались расходами. Стена от этого не переставала строиться. Фома попрощался с Петроком и отправился к казённым палатам. На этот раз у него была бумага, которую требовали.

Через несколько дней долг наконец выдали. Кузнец пересчитал серебро, проверил монеты и отправился домой. Никита встретил его возле горна.

— Ну что?

Фома показал мошну. Подмастерье улыбнулся.

— Значит, теперь за новую работу возьмёмся?

Мастер кивнул.

— Возьмёмся.

Он не стал рассказывать, сколько пришлось ходить и просить. Никита и сам всё видел. Вечером в кузнице снова горел огонь. Фома стоял возле наковальни, придерживая клещами раскалённую полосу. Никита поднимал молот, стараясь попадать точно по указанному месту. За открытой дверью темнела улица. Возчики возвращались с торга, женщины несли воду, мальчишки играли возле забора. Москва жила дальше.

К концу месяца Иван привык к новому размещению покоев. Братняя постель стояла в соседней комнате, но дверь между помещениями теперь оставляли открытой. Иногда мальчики засыпали каждый у себя. Иногда Юрий ночью приходил к Ивану, и тогда Ульяна осторожно укладывала его рядом или переносила обратно, если оба уже крепко спали. Новая воспитательница постепенно научилась лучше понимать младшего князя. Она перестала раздражаться, когда он не отвечал на первый зов. Чаще подходила ближе, показывала нужную вещь и ждала, пока мальчик сам обратит на неё внимание. Однажды Иван заметил, как она помогает Юрию надеть кафтан, терпеливо расправляя рукава. Младший больше не сопротивлялся. Иван подошёл.

— Теперь он тебя слушается.

Женщина улыбнулась.

— Привык понемногу.

— А ты его понимаешь?

Она посмотрела на Юрия.

— Не всегда, государь. Учусь.

Мальчик кивнул. Такой ответ понравился ему больше, чем прежние уверения взрослых, будто они всё знают и всегда поступают правильно. Вечером Ульяна снова принесла материнскую книгу. Иван сел возле окна, раскрыл знакомую страницу и принялся читать. Юрий устроился рядом с небольшим куском вышитой ткани, который нашли возле материнского сундука. Его разрешили оставить в детских покоях после того, как Ульяна попросила об этом дворцовых людей. Младший иногда прикладывал ткань к лицу, иногда гладил пальцами вышивку. Иван не мешал. За окнами медленно угасал летний день. Солнце освещало верхушки кремлёвских стен, крыши домов за Москвой-рекой, дальние колокольни.

Из соседнего перехода доносились голоса бояр. Кто-то говорил о предстоящей поездке, другой требовал принести грамоту. Потом голоса удалились. Иван продолжал читать. На одной из страниц он остановился и попросил Ульяну объяснить незнакомое слово. Женщина подошла, посмотрела и призналась, что сама не вполне понимает написанное.

— Матвея спросим, — предложила она.

— Или владыку Даниила, — сказал Иван.

— Можно и владыку.

Мальчик задумался.

— Мама бы знала?

Ульяна немного помолчала.

— Может, знала бы. А может, тоже спросила.

Иван посмотрел на неё.

— Она ведь не всё знала?

— Не всё.

Он снова склонился над книгой. Раньше ему казалось, что мать понимает любые слова и умеет отвечать на любые вопросы. Теперь постепенно выяснялось, что взрослые тоже многого не знают. Одни признавались в этом спокойно. Другие сердились, когда их спрашивали. Третьи говорили так уверенно, что становилось трудно понять, действительно ли они знают ответ. Иван начал читать следующую строку. Юрий придвинулся ближе и положил голову ему на плечо. Старший мальчик не отстранился. Он осторожно перевернул страницу, стараясь не задеть брата локтем. Через некоторое время Ульяна велела готовиться ко сну.

Иван закрыл книгу, вложил на прежнее место материнскую закладку и поднялся. Юрий тоже встал, продолжая держать вышитую ткань. Женщина повела их к постелям. Когда оба мальчика уже лежали, Иван попросил не закрывать дверь между комнатами.

— Не закроем, — ответила Ульяна.

Он некоторое время прислушивался к шагам служителей, потом тихо позвал:

— Юра.

Младший повернул голову. Иван протянул руку через край постели, но брат находился слишком далеко, чтобы дотянуться до него. Тогда мальчик улыбнулся.

— Спи.

Юрий ещё немного смотрел в его сторону, затем лёг удобнее и укрылся своим старым шерстяным покрывалом. Ульяна погасила лишний светильник. В открытом дверном проёме оставалась видна соседняя комната. Иван различал очертания братней постели, тёмный сундук у стены и слабый свет лампады перед образом. Он несколько раз просыпался за ночь, но больше не звал служителей. Достаточно было посмотреть в открытую дверь и убедиться, что Юрий на месте. Перед рассветом младший зашевелился, сел и некоторое время смотрел в сторону старшего брата. Иван проснулся от тихого шороха.

— Что, Юра?

Тот протянул руку. Иван поднялся, прошёл в соседнюю комнату и сел возле него. Юрий положил ему на колени край своего покрывала. Мальчик поправил ткань и помог брату снова лечь. Когда он вернулся к себе, за окном уже начинало светлеть. Внизу открывали ворота, на двор выходили служители, в конюшнях готовили лошадей. В большом великокняжеском доме начинался новый день. Иван лежал с открытыми глазами, ожидая, когда придёт Ульяна и велит вставать. Он помнил, что сегодня ему предстоят занятия, а после них, возможно, придётся идти к боярам. На столе лежала недочитанная книга. В соседней комнате спал Юрий.

Мальчик повернулся на бок, откуда было видно братнюю постель, и ещё немного полежал так. Потом в переходе послышались знакомые шаги. Ульяна осторожно открыла дверь.

— Пора вставать, Иванушка.

Он сел, откинул покрывало и первым делом спросил:

— А Юра проснулся?

— Ещё нет.

— Пусть поспит.

Женщина улыбнулась.

— Пусть.

Иван спустил ноги с постели. Служители уже приготовили ему одежду. За дверью ожидал учитель. В соседних палатах собирались дворцовые люди, начиналась работа казённых служителей, а в других покоях бояре готовились решать дела от имени великого князя. Иван умылся, позволил одеть себя и подошёл к образам. Когда он закончил молитву, Ульяна принесла книгу. Мальчик взял её обеими руками и направился к столу. Юрий продолжал спать.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ХОЗЯЕВА КРЕМЛЯ

Москва. Август — октябрь 1538 года.

В конце августа Ивану исполнилось восемь лет. Утро началось с церковной службы. Мальчика разбудили раньше обычного, одели в праздничный кафтан, расшитый золотой нитью, и повели в Благовещенский собор. Юрий шёл рядом, держась за руку Ульяны. Младший князь не любил долгих служб, уставал стоять и начинал беспокоиться, когда вокруг собиралось слишком много людей. Сегодня он держался спокойно, хотя несколько раз оборачивался к брату, словно проверяя, не собирается ли тот уходить. После службы Иван принимал поздравления.

Бояре подходили по старшинству, кланялись, произносили положенные слова и желали государю долгих лет, крепкого здоровья и благополучного правления. Некоторые приносили подарки. Один поднёс серебряную чашу, другой — дорогой пояс с золочёными накладками. Среди подарков оказались украшенная ножнами небольшая сабля, несколько богато переплетённых книг и искусно изготовленный деревянный конь. Иван благодарил, как его учили. Он знал, когда следует подняться, кому поклониться в ответ и кого разрешено приветствовать сидя. Однако довольно скоро устал. Люди сменяли друг друга, поздравления звучали почти одинаково, а подарки служители немедленно уносили и раскладывали на отдельном столе.

При жизни Елены такие дни проходили иначе. Государственная церемония оставалась обязательной, но после неё мать непременно находила время для сыновей. Иван помнил, как однажды она принесла ему небольшой свёрток и велела самому развернуть ткань. Внутри оказался искусно вырезанный деревянный всадник. Елена смотрела, как сын рассматривает игрушку, и смеялась, когда тот попытался немедленно посадить всадника на настоящую лошадь. Сегодня никто не спросил, чего ему хочется. Когда поздравления закончились, князь Василий Васильевич Шуйский подошёл к мальчику и положил перед ним узкий кожаный футляр.

— Прими, государь. Тебе уже восьмой год миновал. Пора и к мужскому делу понемногу привыкать.

В футляре лежал небольшой нож с богато украшенной рукоятью. Иван осторожно вынул его.

— Настоящий?

— Настоящий. Только пока без старших не бери.

Мальчик провёл пальцем по ножнам.

— А зачем мне?

Шуйский немного удивился.

— Государю всякое оружие знать надобно.

Иван посмотрел на нож, потом на боярина.

— А ты воевал?

— Воевал.

— С татарами?

— И с татарами, и с литовскими людьми.

Мальчик задумался. Он слышал рассказы о походах ещё от Овчины, который иногда показывал ему конское снаряжение и объяснял, зачем всаднику различные части вооружения.

— А страшно было?

Шуйский не ожидал вопроса. Он посмотрел на стоявших поблизости бояр. Некоторые прислушивались к разговору. Князь не любил рассказывать о собственном страхе, особенно при людях, знавших его как опытного воеводу.

— На войне всякое бывает, государь.

— А ты боялся?

Василий Васильевич помолчал.

— Случалось.

Такой ответ понравился ему больше, чем торжественные поздравления. Он хотел спросить ещё, но старший придворный служитель осторожно напомнил, что мальчику надлежит перейти к праздничной трапезе. Шуйский убрал нож обратно в футляр и передал его человеку, приставленному к государевым вещам.

— До времени поберегите.

Иван хотел возразить. Подарок ему понравился, и он собирался показать его Юрию. Но футляр уже унесли. За столом мальчик почти не ел. Среди присутствующих находилась княгиня Анастасия Петровна, молодая жена Василия Шуйского. Она заметила, что Иван несколько раз оглядывается на подарки, и после трапезы подошла к нему.

— Что тебе больше всего понравилось?

Он немного подумал.

— Конь.

— Который деревянный?

— Да.

Анастасия улыбнулась.

— Хорошая работа.

— Я Юре покажу.

— Покажи.

Иван посмотрел на неё.

— А ты завтра придёшь?

Княгиня не сразу ответила. После замужества её жизнь проходила среди новых родственников, обязанностей и придворных церемоний. Муж был значительно старше, занимал важнейшее положение в государстве, постоянно принимал людей и редко оставался свободным от дел. Анастасия старалась привыкнуть к своему положению, но иногда чувствовала себя скорее гостьей в чужом доме, чем его хозяйкой.

— Постараюсь, Иван Васильевич.

Он нахмурился.

— Ты всё стараешься.

Княгиня осторожно коснулась его плеча.

— Завтра у меня самой могут быть дела.

— Какие?

— Домашние.

Иван посмотрел на неё с сомнением. В его представлении домашние дела заключались в приготовлении еды, одежды и содержании комнат. Он не понимал, почему ради них нельзя прийти к родственнику хотя бы ненадолго. Анастасия словно угадала его мысль.

— Если сумею освободиться, приду после службы.

Мальчик кивнул. Вечером он сидел с Юрием возле окна и показывал брату подаренного коня. Младший сразу заинтересовался игрушкой, долго рассматривал колёса небольшой подставки, на которой стояла фигурка, затем попытался снять коня и поставить рядом с другими деревянными животными. Иван помог ему. Ульяна принесла ужин и хотела убрать праздничную одежду, но мальчик попросил оставить новый пояс возле постели.

— А зачем? — спросила она.

— Красивый.

Женщина улыбнулась.

— Красивый. Только спать с ним неудобно.

Иван позволил снять пояс, но попросил положить его на скамью. Когда Ульяна уже собиралась уходить, он неожиданно спросил:

— А мама помнила, когда я родился?

Женщина остановилась.

— Конечно, помнила.

— Всегда?

— Всегда.

Иван некоторое время молчал.

— А я не помню.

Ульяна подошла и села рядом.

— Тебе и нельзя помнить. Ты тогда только на свет появился.

Мальчик посмотрел на Юрия. Тот продолжал заниматься игрушкой, не обращая внимания на разговор.

— А кто маме сказал, что я родился?

Ульяна невольно улыбнулась.

— Никто не должен был говорить. Она сама тебя родила.

Иван смутился. Он уже слышал подобные объяснения, но всё ещё не вполне представлял, как происходит рождение ребёнка. Обычно взрослые отвечали уклончиво, а иногда начинали смеяться над его вопросами. Ульяна не смеялась. Она немного рассказала о том августовском дне, когда в великокняжеском доме ожидали появления наследника. О волнении служительниц, о радости Василия Ивановича, о том, как Елена долго не выпускала сына из рук. Иван слушал внимательно. Потом попросил рассказать ещё раз, как отец увидел его впервые. Ульяна повторила то, что знала. В этот вечер мальчик заснул поздно. Подаренный конь стоял возле постели, рядом лежала материнская книга. На скамье поблёскивал новый пояс.

За стенами детских покоев продолжались разговоры, перемещения служителей и ночные приготовления к следующему дню. Восьмилетний великий князь спал, а взрослые уже составляли распоряжения, которые утром должны были исходить от его имени.

Василий Васильевич Шуйский не любил беспорядка. Он прожил долгую жизнь на государевой службе, участвовал в походах, командовал полками, управлял городами и привык к тому, что всякое дело должно иметь начальника, а всякий человек — определённое место. Ему не нравились внезапные решения, принимаемые по личному расположению, и ещё меньше нравилось, когда служилый человек пытался обойти старшего, обращаясь непосредственно к государю. Однако теперь сам Шуйский оказался в положении, к которому не вполне привык. При Василии Ивановиче последнее решение принадлежало великому князю. При Елене его принимала правительница, опираясь на своих советников. Теперь государю исполнилось восемь лет, а значит, каждое важное дело приходилось решать среди бояр, чьи интересы далеко не всегда совпадали.

Формально все служили Ивану Васильевичу. На деле каждый имел собственные владения, родственников, сторонников и давние обязательства. Один добивался возвращения имущества, отнятого во время прежней опалы. Другой хотел назначить родственника воеводой. Третий требовал пересмотреть старый земельный спор. Четвёртый напоминал об обещании, полученном ещё от покойного Василия Ивановича. Шуйский понимал, что уступить всем невозможно. Но и отказывать каждому было опасно.

В конце августа ему пришлось разбирать спор о назначении воевод на южных рубежах. Два знатных служилых человека не желали подчиняться один другому. Оба ссылались на прежние разрядные записи и достоинство своих родов. В палате собрались несколько бояр,

среди которых находился князь Иван Фёдорович Бельский. После освобождения из заключения Бельский постепенно возвращал своё влияние. Он не скрывал, что считает себя вправе участвовать в решении важнейших дел. По происхождению, служебному опыту и положению в Думе он не уступал многим из тех, кто сейчас распоряжался государством. Шуйский не любил его независимости.

Бельский, со своей стороны, не собирался признавать за князем Василием право единолично распоряжаться всеми назначениями. Спор начался с разрядных записей. Один из служителей развернул книгу и прочитал, кто прежде стоял в большом полку, кто командовал передовым, кто назначался в сторожевой. Затем назвал имена людей, которых предполагалось отправить теперь. Шуйский слушал внимательно. Бельский попросил показать прежнюю запись.

— Здесь иной порядок был, — сказал он.

Василий Васильевич поднял голову.

— Потому и пересматриваем.

— Пересматривать можно. Только служилому человеку честь тоже надобно сохранить.

— А государево дело?

— Государево дело от боярской чести не отделишь.

Шуйский посмотрел на него. Они оба знали, что речь идёт не только о двух воеводах. Тот, чьё предложение будет принято, приобретёт сторонника. Тот, чьё отвергнут, потеряет влияние. После долгого обсуждения нашли решение, позволявшее сохранить внешнее достоинство обоих претендентов. Но Шуйский заметил, что часть бояр всё чаще прислушивается к Бельскому. Когда совещание закончилось, князь Иван Фёдорович задержался у стола.

— Василий Васильевич, ещё одно дело есть.

Шуйский уже собирался уходить.

— Какое?

— О пожалованиях.

— Кому?

Бельский назвал несколько имён. Василий Васильевич выслушал без видимого раздражения, но внутри насторожился. Он хорошо понимал, что пожалование думным чином означает не только возвышение одного человека. За ним стоят родственники, служилые люди, возможности влиять на государственные решения.

— Сперва другие дела закончим, — ответил Шуйский.

Бельский посмотрел на него.

— Давно уже ждут.

— Иные дольше ждут.

— Потому и говорю, что надобно решить.

Василий Васильевич медленно сложил лежавшую перед ним запись.

— Решим. Только не торопись.

Бельский поклонился и вышел. Шуйский некоторое время оставался у стола. Он знал Ивана Фёдоровича много лет. Тот обладал опытом военной службы, был достаточно осторожен, чтобы не высказывать намерений прямо, и достаточно честолюбив, чтобы не довольствоваться второстепенным положением. Василий Васильевич подозревал, что вокруг Бельского постепенно собираются люди, недовольные возвышением Шуйских. Однако пока ничего открыто враждебного не происходило. Всякий боярин имел право предлагать назначения, обсуждать пожалования и добиваться справедливого решения для своих родственников. Именно поэтому Шуйскому было трудно определить, где заканчивается обыкновенная придворная борьба и начинается опасность для его собственного положения. Он позвал служителя.

— Князь Иван Васильевич где?

— В своих покоях, княже.

— Скажи, чтобы ко мне пришёл.

Служитель поклонился и вышел. Через некоторое время появился младший брат Шуйского. Иван Васильевич отличался от Василия характером. Он был резче в разговоре, легче раздражался и не любил долгих объяснений там, где считал возможным принять решение немедленно. Старший брат нередко останавливал его, опасаясь ненужных столкновений. Но теперь всё чаще находил его решительность полезной.

— Бельский опять людей своих проталкивает, — сказал Василий Васильевич.

Иван Шуйский сел напротив.

— Кого нынче?

Старший назвал имена. Младший усмехнулся.

— Не успели из темницы выпустить, уже в Думе тесно стало.

Василий Васильевич поморщился.

— Не надо так говорить. Он князь знатный.

— Тем хуже. Простой человек без нашей воли ничего не сделает. А у этого половина двора знакомых.

— Потому и смотреть надобно.

Иван Васильевич некоторое время молчал, затем спросил:

— А государь?

— Что государь?

— Бельский к нему ходит?

— При положенных случаях.

— Надо и это знать.

Старший брат поднял глаза.

— Государю восемь лет.

— А имя его на всякой грамоте стоит.

Василий Васильевич не ответил. Младший говорил о том, что тревожило и его самого. Пока великий князь был ребёнком, взрослые могли обращаться к нему с просьбами, добиваться благосклонности, убеждать в необходимости того или иного назначения. Мальчик не понимал всех последствий собственных слов, но эти слова при желании можно было представить как государево решение.

— При детях должны быть надёжные люди, — сказал Василий Васильевич.

— Поставим.

— Только без лишнего шума.

Иван Шуйский кивнул. Они ещё некоторое время обсуждали дворцовые дела, затем младший брат ушёл. Василий Васильевич остался один. За окном садилось солнце. Внизу на дворе готовили лошадей для вечернего выезда, служители переносили воду, сторожа сменяли друг друга у ворот. Князь посмотрел на лежавшие перед ним записи. Все они были составлены от имени великого князя Ивана Васильевича. Ни одного решения мальчик самостоятельно принять не мог. Но всякое решение взрослых требовало его имени.

Матвей Лазарев заметил усиление придворной борьбы по изменениям, которые происходили в казённых палатах. Прежде достаточно было получить распоряжение от определённого боярина и представить его на проверку. Теперь некоторые документы возвращались по нескольку раз. Одни требовали согласования с Шуйским, другие — с Бельским, третьи задерживались из-за споров между людьми, представлявшими разные боярские дома. Матвей старался держаться в стороне от этих разногласий. Он служил ещё при Василии Ивановиче, пережил правление Елены и хорошо знал, что открытое участие в придворной борьбе может стоить дьяку должности, имущества, а иногда и свободы. Но оставаться совершенно в стороне было невозможно.

Каждая грамота имела свою историю. За ней стоял человек, получивший обещание, землю, должность или право на определённые доходы. Изменение одного имени иногда означало потерю службы для целой семьи.

В начале сентября Матвею принесли две записи, касавшиеся одного земельного владения. Обе были составлены от имени великого князя. В первой подтверждались прежние права служилого человека на небольшой участок земли. Во второй тот же участок передавался другому владельцу в связи с новым пожалованием. Матвей долго сравнивал документы. Лука стоял рядом.

— Что здесь не так? — спросил подьячий.

— Оба распоряжения исполнить нельзя.

— Значит, одно отменить.

— Какое?

Лука посмотрел на записи.

— Которое позднее.

— А если прежнее уже подтверждено?

Подьячий пожал плечами.

— Тогда пусть бояре решают.

Матвей положил бумаги рядом.

— Они уже решили. Каждый по-своему.

Лука нахмурился.

— И что делать?

— Снова представить.

— Кому?

Дьяк некоторое время молчал.

— Тем, кто велел.

Подьячий тяжело вздохнул. Он ещё не привык к тому, что правильно составленная запись может оказаться бесполезной лишь потому, что за ней стоят противоречащие друг другу распоряжения.

В тот же день пришёл человек из Старицких земель с новой челобитной Марьи Неверовой. Женщина по-прежнему не имела известий о муже. После прежнего государева распоряжения ей удалось сохранить часть имущества, необходимого для хозяйства. Но неопределённость положения Дмитрия мешала спокойно жить и обрабатывать землю. Местные служители не знали, считать ли его человеком, остающимся под следствием, пропавшим без вести или уже освобождённым от прежних подозрений. Одни требовали новых подтверждений, другие ссылались на отсутствие окончательного решения. Матвей прочитал челобитную и велел принести прежнее дело. Лука нашёл нужную книгу.

— Вот запись Елены Васильевны.

Дьяк осторожно развернул лист. Он помнил эту женщину. Помнил, как она стояла перед покойной правительницей, пытаясь добиться известий о муже. Елена тогда велела сохранить семье необходимое для жизни и продолжить розыск. Теперь государыня была мертва. Но её распоряжение оставалось в книге.

— Выписку сделай, — сказал Матвей.

— Для чего?

— Чтобы местные люди знали, что прежнее решение не отменено.

Лука поднял голову.

— А если потребуют нового?

— Тогда пусть потребуют письменно.

Подьячий задумался.

— Ты всё прежние грамоты бережёшь.

Матвей посмотрел на него.

— А как иначе?

— Некоторые говорят, что теперь всё заново решать надо.

Дьяк аккуратно сложил челобитную.

— Если всякий новый боярин начнёт прежние решения отменять, люди из Москвы не вылезут.

Он велел подготовить выписку и представить её на утверждение. Вечером Матвей долго сидел над делами. В соседнем помещении Лука перебирал книги, стараясь найти недостающие записи. Когда работа почти закончилась, пришёл дьяк Фёдор Мишурин. Матвей знал его много лет. Мишурин принадлежал к числу наиболее опытных государевых дьяков. Ему приходилось участвовать в важных переговорах, работать с посольскими документами, разбирать дела, затрагивавшие интересы знатнейших людей государства. Он умел составлять грамоты, знал придворный порядок и пользовался влиянием, которого редко достигал человек незнатного происхождения. Однако именно это влияние раздражало некоторых бояр.

Мишурин вошёл быстро, снял шапку и попросил показать записи о нескольких прежних пожалованиях. Матвей принёс нужную книгу. Они некоторое время работали молча. Затем Мишурин спросил:

— Как нынче дела идут?

— По-разному.

— Задержек много?

— Хватает.

Фёдор Мишурин просмотрел записи.

— Теперь всякий боится подписать лишнее.

— И правильно делает.

Собеседник поднял глаза.

— Отчего правильно?

— Потому что сегодня велят одно, завтра другое. А отвечать тому, кто записал.

Мишурин немного усмехнулся.

— Так можно вовсе ничего не делать.

— Можно. Только тогда и служба ни к чему.

Фёдор закрыл книгу.

— Вот потому я и говорю: надобно установить, кто имеет право решать.

Матвей посмотрел на него внимательно.

— Государь имеет.

— Государю восемь лет.

— Знаю.

— Значит, при нём должны быть люди, которым доверяют.

— И их назначают другие люди.

Мишурин некоторое время молчал. Он понимал смысл сказанного. Теперь даже назначение советников малолетнего государя становилось предметом борьбы. Каждый новый боярин мог усилить одну сторону и ослабить другую.

— Не всякое дело можно оставлять Шуйским, — произнёс он наконец.

Матвей опустил глаза к книге.

— Это ты не мне говори.

— А кому?

— Тем, кто решает.

Мишурин некоторое время рассматривал старшего дьяка.

— Осторожным стал, Матвей.

— Давно таким был.

— При Елене Васильевне не боялся спорить.

— При ней знал, кому спорить.

Фёдор ничего не ответил. Он взял нужные выписки, поблагодарил за работу и ушёл. Матвей долго смотрел на закрывшуюся дверь. Лука, слышавший последние слова, осторожно подошёл.

— Фёдор Михайлович чем недоволен?

— Многим.

— А ты?

Матвей начал складывать книги.

— Мне бы нынешние дела закончить.

Подьячий понял, что разговор продолжать не следует.

В начале сентября Ивану впервые позволили присутствовать при осмотре дворцового хозяйства. Решение принял Василий Шуйский. Он считал полезным, чтобы великий князь постепенно знакомился с тем, как содержатся его палаты, конюшни, хлебные запасы и многочисленные службы. Мальчику объяснили, что всё это принадлежит государеву двору и требует постоянного надзора. Иван охотно согласился. Сидеть в палатах и слушать долгие разговоры ему было скучно. Гораздо интереснее было увидеть, как работают люди, которые готовят пищу, чинят повозки, заботятся о лошадях и содержат многочисленные кремлёвские постройки.

В тот день его сопровождали несколько служителей и один из дворцовых распорядителей. Начали с хлебных помещений. Иван увидел большие закрома, мешки с зерном, деревянные лари, мерные сосуды. Ему показали, как учитывают поступления, сколько хлеба требуется для дворцового стола и почему нельзя оставлять зерно в сыром месте. Мальчик внимательно рассматривал всё, что ему показывали. Особенно его заинтересовали большие деревянные меры.

— А если насыпать не доверху?

Распорядитель улыбнулся.

— Тогда меньше выйдет.

— А записать как полную?

Человек перестал улыбаться.

— Так делать нельзя, государь.

— А делают?

Распорядитель немного помолчал.

— Всякие люди бывают.

Иван посмотрел на меру. Он вспомнил, как мать объясняла ему денежную реформу и показывала разные монеты. Тогда речь тоже шла о том, что люди иногда пытаются получить больше, чем положено, уменьшая количество серебра. Мальчик взял небольшую деревянную мерку и поставил её рядом с большой.

— А эту кто проверяет?

— Старший кладовщик.

— А его?

— Дворцовый распорядитель.

— А тебя?

Служитель неожиданно смутился. Он посмотрел на сопровождавших людей. Один из них едва заметно улыбнулся.

— Меня бояре проверяют, государь.

Иван подумал.

— А бояр?

Распорядитель не нашёлся с ответом. Он поспешил предложить перейти в другое помещение. В конюшнях мальчик оживился. Лошади всегда нравились ему больше, чем хозяйственные записи. Он охотно подходил к животным, расспрашивал конюхов, рассматривал

сбрую и просил объяснить назначение различных ремней и металлических частей. Один из старых конюхов узнал его и низко поклонился. Иван тоже узнал человека. Тот служил ещё при Овчине и иногда показывал мальчику молодых жеребят.

— Ты здесь остался? — спросил Иван.

— Остался, государь.

— А других куда дели?

Конюх опустил глаза.

— Кого на иную службу перевели, кого со двора отпустили.

— А лошади те же?

— Не все.

Иван подошёл к знакомому гнедому коню. Животное повернуло голову и осторожно потянулось к его руке. Мальчик погладил тёплую шею.

— А этот остался.

— Остался.

Иван улыбнулся. Конь был одним из немногих существ в Кремле, которые не изменились после смерти матери. Он по-прежнему стоял в знакомом стойле, узнавал конюха и охотно брал корм из ладони. Пока мальчик рассматривал животных, возле дверей возникло небольшое замешательство. Двое служителей спорили с молодым конюхом. Тот утверждал, что ему недодали корм для порученных лошадей. Старший отвечал, что выдача произведена по записи. Иван прислушался.

— Что случилось?

Люди сразу замолчали. Распорядитель поспешил объяснить:

— Небольшое хозяйственное дело, государь.

Но молодой конюх, не успевший скрыть раздражения, вдруг произнёс:

— Коням есть нечего.

Старший резко повернулся к нему.

— Молчи!

Иван посмотрел на обоих.

— Почему нечего?

Распорядитель нахмурился.

— Разберём.

— А сейчас?

Никто не ответил. Молодой конюх стоял, опустив голову. Он уже понял, что заговорил лишнее и теперь может пострадать за дерзость. Иван посмотрел на кормушки. В одной действительно оставалось немного овса. Он не знал, сколько положено выдавать каждому животному, но помнил, как прежние конюхи объясняли ему необходимость правильного кормления.

— Пусть принесут, — сказал он.

Распорядитель поклонился.

— Проверим и принесём, если положено.

Мальчик нахмурился.

— Они же есть хотят.

Старый конюх осторожно вмешался.

— Государь, не всякая лошадь одинаково ест. Одной больше надобно, другой меньше.

Иван повернулся к нему.

— А ты знаешь сколько?

— Знаю.

— Тогда скажи им.

Конюх поклонился. Распорядитель не стал спорить при мальчике. Он велел проверить выдачу и продолжил осмотр. Но когда Иван вышел из конюшни, старшему служителю прика-

зали разобраться, почему молодой человек позволил себе жаловаться непосредственно государю. Конюх испугался. Он не ожидал, что короткий разговор может обернуться неприятностями. Ему хотелось лишь получить необходимый корм, а теперь приходилось объяснять, не пытался ли он выставить дворцовое хозяйство в дурном свете перед малолетним великим князем. Старый конюх попытался заступиться за товарища.

— Молодой ещё. Не подумал.

— Государю жаловаться вздумал, — ответил распорядитель.

— Так ведь корму и правда не хватало.

Человек нахмурился.

— Проверим.

К вечеру выяснилось, что ошибка произошла при записи числа лошадей, переведённых из одного помещения в другое. Выдачу исправили. Молодому конюху сделали строгое предупреждение. Иван об этом не узнал. Он вернулся в свои покои довольный прогулкой и долго рассказывал Ульяне, сколько лошадей видел и как устроены большие хлебные закрома.

Осенью княгиня Анастасия всё чаще замечала, насколько изменился её муж. Василий Шуйский и прежде был человеком занятым. Но теперь государственные дела почти не отпускали его. С утра к нему являлись бояре, дьяки, служилые люди. После полудня приносили новые записи, вечером обсуждали посольские и военные известия. Иногда он возвращался в покои утомлённым, почти не разговаривал за столом и долго сидел возле окна, перебирая бумаги. Анастасия старалась не мешать. Она понимала, что муж занимает важное положение, однако не всегда могла разобраться, почему одни и те же люди, ещё недавно разговаривавшие дружелюбно, теперь избегают встреч или обращаются друг к другу с подчёркнутой холодностью.

Однажды вечером она спросила:

— Иван Фёдорович Бельский нынче у тебя был?

Шуйский поднял голову.

— Был.

— И что?

— О делах говорили.

Княгиня некоторое время молчала.

— Говорят, вы не ладите.

Василий Васильевич нахмурился.

— Кто говорит?

— При дворе много говорят.

— Меньше слушай.

Анастасия опустила глаза. Она уже привыкла к тому, что муж не любит обсуждать с ней государственные дела. Однако сегодня его ответ задел сильнее обычного.

— Я ведь не чужая тебе, — произнесла она.

Шуйский посмотрел на неё.

— Знаю.

— Тогда почему всякий разговор кончается тем, что мне велят молчать?

Он некоторое время молчал. Василий Васильевич женился на молодой родственнице великокняжеского дома не только из желания устроить семейную жизнь. Брак укреплял его положение при малолетнем государе, приближал к семье покойного Василия Ивановича и давал дополнительные основания считать себя главным опекуном Ивана. Но семейная жизнь не ограничивалась политическими расчётами. Теперь рядом с ним находилась молодая женщина, у которой были собственные желания, привычки и страхи. Шуйский иногда обнаруживал, что не умеет разговаривать с ней иначе, чем с людьми, состоящими у него на службе.

— Не хочу, чтобы тебя в наши споры втягивали, — сказал он наконец.

Анастасия подняла голову.

— А меня уже втянули.

Князь посмотрел на неё внимательнее.

— Кто?

— Ты сам.

Он хотел возразить, но передумал. Анастасия сидела прямо, сложив руки на коленях. Она не плакала и не упрекала его. Только ждала ответа.

— Ты теперь княгиня Шуйская, — произнёс он.

— Знаю.

— Значит, и положение своё беречь надобно.

— Я берегу.

Василий Васильевич устало провёл ладонью по лицу.

— Тогда не тревожься понапрасну.

Анастасия поняла, что большего сегодня не добьётся. Она заговорила о другом: о хозяйстве, о слугах, о необходимости починить крышу над одним из помещений. Муж выслушал и распорядился передать дело дворцовому человеку. Но когда княгиня уже собиралась уходить, он неожиданно спросил:

— Ты к государевым детям ходила?

— Ходила.

— Как они?

Анастасия немного удивилась.

— Иван Васильевич читает, занимается. Юрий при нём.

— Старший по-прежнему всё спрашивает?

— Спрашивает.

Шуйский едва заметно улыбнулся.

— Весь в мать.

Княгиня посмотрела на него.

— Ты её хорошо знал?

— Достаточно.

— Какая она была?

Василий Васильевич задумался. Он помнил Елену разной. Молодой женщиной, неожиданно получившей огромную власть. Правительницей, которая не всегда умела отличить преданность от угодливости. Человеком решительным, иногда чрезмерно доверявшим избранным советникам и столь же резко отвергавшим тех, кому не верила. Он спорил с ней, иногда тяжело. Считал некоторые её решения ошибочными. Но не мог отрицать, что Елена обладала характером и умела заставить людей считаться с собой.

— Упрямая была, — ответил он.

Анастасия улыбнулась.

— Иван тоже упрямый.

— Вижу.

— Только он ещё маленький.

Князь посмотрел на жену.

— Потому и надобно его учить.

Анастасия ничего не сказала. Она вспомнила, как Иван однажды спросил, любит ли она своего мужа, и как трудно оказалось ответить на простой детский вопрос.

В середине сентября Матвей Лазарев получил распоряжение подготовить несколько записей о возможных новых пожалованиях. В числе названных лиц были князь Юрий Михайлович Голицын-Булгаков и Иван Иванович Хабаров. Дело представлялось значительным. Пожалование боярством или окольничеством меняло положение человека при дворе. Оно

определяло место в государевой Думе, круг служебных обязанностей, право участвовать в решении важных вопросов. За подобными назначениями стояли не только личные заслуги, но и интересы родов, давно соперничавших между собой. Матвей внимательно выслушал человека, принесшего поручение.

— От кого велено?

Тот назвал князя Ивана Бельского. Дьяк немного помолчал.

— А бояре все согласны?

— Князь Иван Фёдорович сказал, что дело будет представлено государю.

Матвей посмотрел на принесённую запись.

— Представить можно. Только прежде надобно знать, кто решение поддерживает.

Посланный явно не ожидал затруднения.

— Государь пожалует.

— Государю восемь лет.

— Тем более бояре при нём.

Матвей поднял глаза.

— Какие бояре?

Человек замолчал. Дьяк не стал продолжать разговор. Он велел оставить запись и обещал подготовить необходимые выписки. Когда посланный ушёл, Лука подошёл к столу.

— Что думаешь?

— Думаю, что дело опасное.

— Из-за пожалований?

— Из-за того, кто их просит.

Подьячий посмотрел на имена.

— А разве люди недостойные?

— Может, и достойные.

— Тогда отчего спор?

Матвей медленно сложил лист.

— Потому что одним их пожалование полезно, другим нет.

Лука задумался. Он уже привык к тому, что придворная жизнь редко определяется одним лишь достоинством человека. Но теперь впервые почувствовал, как опасно бывает даже правильно составить грамоту.

На следующий день Матвей встретил Фёдора Мишурина. Тот уже знал о готовившихся пожалованиях.

— Выписки нашёл? — спросил он.

— Нашёл.

— Хорошо. Надо без задержки.

Матвей посмотрел на него.

— Василий Васильевич знает?

Мишурин немного помолчал.

— Не всякое дело через него решать.

— Он так не считает.

— Его право.

— А наше?

Фёдор Мишурин устало вздохнул.

— Матвей, не могу я всю жизнь только прежние записи переписывать. Государю служим. При нём совет должен быть не из одного рода.

Дьяк не стал спорить. За словами собеседника стояли и личный расчёт, и тревога за положение митрополичьего двора. Мишурин действительно считал опасным чрезмерное воз-

вышение Шуйских. Но вместе с тем участие в подготовке новых назначений открывало перед ним возможность сохранить влияние, которое после смерти Елены стало непрочным.

— Береги себя, Фёдор Михайлович, — сказал Матвей.

Мишурин посмотрел на него.

— От кого?

Старший дьяк не ответил. Фёдор немного усмехнулся.

— Всем теперь страшно.

— Не всем.

— Тем хуже.

Он забрал выписки и ушёл. Матвей ещё некоторое время сидел неподвижно. Позднее Лука спросил, почему старший дьяк не захотел продолжать разговор.

— Потому что иной раз человеку уже не нужен совет, — ответил Матвей. — Он решение принял.

Подьячий посмотрел на дверь, за которой исчез Мишурин. Ему стало тревожно.

Митрополит Даниил тоже чувствовал приближение нового столкновения. После смерти Елены его положение сделалось значительно сложнее. При покойной правительнице он пользовался влиянием, участвовал в важных государственных делах и мог обращаться к ней непосредственно. Теперь главные решения принимались боярами, которые всё чаще старались ограничить участие духовного главы в придворных вопросах. Даниил не был человеком, привыкшим отступать. Он давно занимал митрополичий престол, знал государственных людей, имел собственные связи и убеждения. Его служение не ограничивалось церковными обрядами. Он участвовал в решении вопросов о монастырских землях, поддерживал определённые политические решения и нередко вмешивался в дела, которые бояре считали своими. Теперь ему приходилось выбирать между влиятельными придворными людьми.

Василий Шуйский не скрывал стремления сосредоточить управление в руках своего круга. Бельский выступал против такого порядка и искал поддержки среди тех, кто не желал возвышения одного боярского рода. Даниил видел недостатки обеих сторон. Он знал честолюбие Бельского и понимал, что за разговорами о согласии бояр могут скрываться интересы его собственных сторонников. Но ещё больше опасался положения, при котором один княжеский дом будет распоряжаться всеми важнейшими назначениями. В один из сентябрьских дней Иван Бельский приехал на митрополичий двор. Разговор происходил без большого числа свидетелей. Даниил выслушал князя и попросил подробнее объяснить, почему тот считает необходимым новые пожалования.

— Думе люди нужны, владыка, — ответил Бельский. — Не все же дела двум братьям решать.

Митрополит некоторое время молчал.

— А государю какая польза?

— Будет больше людей, которые могут совет дать.

— И спорить между собой.

Бельский посмотрел на него.

— Спорить лучше, чем молчать перед одним человеком.

Даниил опустил глаза. Даниил не мог отвергнуть сказанного, однако видел другую сторону: каждое новое назначение способно обострить борьбу, а пострадать могут не только сами бояре.

— Ты с Василием Васильевичем говорил?

— Говорил.

— И что?

— Отложить велит.

Митрополит немного помолчал.

— Может, стоит подождать?

Бельский покачал головой.

— Сколько ждать? Пока вся Дума его людьми станет?

Даниил не ответил сразу. Перед ним стоял человек, недавно освобождённый из заключения и хорошо помнивший, как быстро придворное влияние может смениться опалой. Бельский не желал снова оказаться беззащитным перед чужим решением. Но и уступать он не собирался. Разговор продолжался долго. В конце концов митрополит согласился содействовать делу. Когда князь уехал, Даниил остался один. Он подошёл к окну, из которого открывался вид на кремлёвские постройки. На дворе проходили служители, у ворот ожидали люди, прибывшие с церковными просьбами. Митрополит видел, как изменилась Москва после смерти Елены. Внешне всё оставалось прежним. Церкви служили, бояре собирались на советы, дьяки составляли грамоты. Но исчез человек, способный окончательно разрешить спор между крупнейшими придворными родами.

Теперь каждое важное решение становилось испытанием их взаимного доверия. Даниил вспомнил маленького Ивана, который недавно спрашивал его, почему взрослые не всегда исполняют обещания. Тогда митрополит старался утешить мальчика. Теперь сам не был уверен, что сможет исполнить сказанное ему.

В первых числах октября в Кремле всё заметнее ощущалось напряжение. Люди, ещё недавно свободно посещавшие одни и те же палаты, начали избегать встреч. Боярские слуги внимательно следили, кто к кому приходит. На дворах некоторых князей собиралось больше вооружённых людей, чем обычно. Василий Шуйский получал известия о приготовлениях Бельского и его сторонников. Ему сообщили, что обсуждаются пожалования Юрию Голицыну и Ивану Хабарову. Среди тех, кто поддерживал это дело, называли митрополита Даниила и Фёдора Мишурина. Шуйский воспринял известие как попытку обойти его. Он считал себя главным опекуном великого князя и не собирался допускать, чтобы важнейшие придворные назначения происходили без его ведома. Однажды вечером он собрал нескольких близких людей.

Иван Шуйский присутствовал с самого начала. Разговор был коротким, но напряжённым. Одни предлагали потребовать объяснений у Бельского. Другие считали, что достаточно отложить пожалования и предупредить дьяков, чтобы они не составляли соответствующих грамот. Младший Шуйский настаивал на более решительных мерах.

— Сегодня они боярство без нас жалуют, завтра воевод поставят, послезавтра нас самих от двора отведут.

Василий Васильевич выслушал.

— Пока государь мал, такого допустить нельзя.

Один из бояр осторожно заметил, что открытое столкновение может вызвать недовольство других знатных родов. Иван Шуйский резко повернулся к нему.

— А если не тронем, они сами нас тронут.

Старший брат поднял руку, останавливая спор. Он не любил принимать решения под влиянием раздражения. Но теперь понимал, что уступка будет воспринята как слабость.

В конце совещания распорядились усилить надзор за людьми Бельского и подготовить меры против тех, кто участвовал в неугодных пожалованиях. На другой день в дворцовых палатах стало больше сторожей. Никто не объявлял тревоги. Ворота открывали в положенное время, службы проходили как обычно, государь занимался чтением. Однако придворные люди уже чувствовали, что прежняя осторожность сменилась ожиданием открытого столкновения. Матвей Лазарев заметил это, когда одного из его помощников остановили возле входа в казённые палаты и потребовали назвать, какие бумаги тот несёт. Лука вернулся раздражённым.

— Теперь и собственную книгу без расспроса не пронесёшь.

Матвей посмотрел на него.

— Кто спрашивал?

Подьячий назвал служителя. Дьяк немного подумал.

— Не спорь с ним.

— Так я же на службу шёл.

— Ему тоже велено.

Лука опустился на скамью.

— А если завтра велят всех проверять?

Матвей не ответил. Он уже подозревал, что дело не ограничится проверкой бумаг.

В это время Иван готовился к осеннему церковному выходу. Ему принесли новый тёплый кафтан и велели примерить. Мальчик не любил примерок, особенно когда несколько служительниц одновременно поправляли одежду, проверяли длину рукавов и спорили о том, какой пояс лучше подходит. Он терпел некоторое время, затем попросил отпустить его к Юрию. Ульяна разрешила. Младший князь сидел на полу, разбирая небольшую деревянную повозку. Одно колесо плохо держалось на оси, и Юрий снова и снова пытался поставить его на место. Иван присел рядом.

— Дай посмотрю.

Юрий не сразу выпустил игрушку. Потом протянул брату. Иван осмотрел колесо и заметил, что деревянный штырь надломился. Он попробовал укрепить его, но повозка снова развалилась.

— Надо новый.

Юрий нахмурился. Старший взял небольшой обломок дерева, лежавший возле игрушек, и попытался подогнать его по размеру. Работа оказалась труднее, чем он ожидал. Кусок не входил в отверстие. Мальчик посмотрел на лежавший рядом нож, которым служители иногда подрезали деревянные детали. Он потянулся к нему, но Ульяна сразу остановила.

— Иванушка, не бери.

— Я колесо починю.

— Дай мастеру.

— Я сам хочу.

Женщина присела возле него.

— С ножом осторожно надо. Можешь руку порезать.

Иван посмотрел на инструмент. Ему вспомнился подарок Шуйского, который так и не разрешили брать без старших. Он уже несколько раз просил показать нож, но служители отвечали, что тот хранится среди государевых вещей.

— Мне же восемь лет, — сказал мальчик.

— Знаю.

— Василий Васильевич сказал, что пора учиться.

— Учиться надобно. Только не всему сразу.

Иван нахмурился, но спорить не стал. Он положил нож обратно и продолжил разглядывать сломанную игрушку. Вскоре пришёл человек, занимавшийся починкой дворцовых вещей. Он осмотрел повозку, подобрал новый деревянный штырь и за несколько минут укрепил колесо. Юрий радостно взял игрушку. Иван наблюдал за работой мастера.

— А меня научишь?

Человек поклонился.

— Научу, государь, коли дозволят.

Мальчик уже хотел возразить против привычных слов о дозволении, но в этот момент из перехода донёсся шум. Несколько человек быстро прошли мимо двери. Слышались металлический звон оружия, торопливые шаги и негромкие голоса. Ульяна подняла голову. Один из служителей заглянул в комнату и сообщил, что государю надлежит оставаться в покоях.

— Почему? — спросил Иван.

— Так велено.

— Кем?

— Старшими боярами.

Мальчик посмотрел на Ульяну. Она тоже не знала, что произошло. Через некоторое время шум стих. Иван вернулся к игрушкам, но уже не мог сосредоточиться. Он несколько раз подходил к двери, прислушивался и спрашивал, не пришёл ли кто-нибудь с известиями. Взрослые отвечали, что всё спокойно. Но их лица говорили иное.

Двадцать первого октября события развивались быстро. Князя Ивана Фёдоровича Бельского взяли под стражу. Его сторонников начали удалять от двора. Михаила Васильевича Тучкова отправили в его владения. Люди, ещё недавно рассчитывавшие на новые пожалования, теперь старались не попадаться на глаза Шуйским. Особенно тяжёлой оказалась судьба Фёдора Мишурина. Дьяк, много лет служивший Василию Ивановичу, а затем Елене Глинской, оказался среди тех, кого обвинили в участии в неугодных приготовлениях. Его схватили люди, действовавшие по воле Шуйских. Мишурин не ожидал, что дело закончится столь быстро. Он привык к придворным столкновениям, видел опалы и возвращения на службу, знал, как меняются отношения между боярами. Но рассчитывал, что прежняя государева служба, опыт и положение позволят ему хотя бы объяснить свои действия.

Ему не дали такой возможности. Расправа произошла в тот же день. Фёдора Мишурина казнили, отсекши ему голову. В Кремле известие распространилось быстро, хотя люди старались говорить о случившемся вполголоса. Одни были потрясены. Другие считали, что дьяк сам навлёк на себя беду, вмешавшись в борьбу знатных родов. Третьи молчали, опасаясь, что любое высказанное мнение может быть истолковано как сочувствие опальному. Матвей Лазарев узнал о казни от человека, прибежавшего в казённые палаты. Он сначала не поверил.

— Кто сказал?

Служитель назвал имя очевидца. Матвей медленно опустился на скамью. Перед ним лежала книга, в которой ещё недавно Фёдор Мишурин искал записи о пожалованиях. На полях сохранились пометы, сделанные его рукой. Лука стоял возле двери. Он тоже слышал известие, но не решался заговорить. В комнате некоторое время было тихо. Потом Матвей поднялся, подошёл к столу и начал собирать бумаги.

— Что делаешь? — спросил Лука.

— Убираю.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы чужие руки всё растащили.

Подьячий посмотрел на старшего. Матвей говорил спокойно, но пальцы его заметно дрожали. Он отложил одну книгу, затем другую. Некоторые записи относились к прежнему правлению, другие были составлены совсем недавно. Среди них находились документы, с которыми работал Мишурин. Лука спросил:

— Его бумаги тоже уберут?

— Вероятно.

— А дела?

Матвей остановился.

— Дела останутся.

Подьячий не сразу понял.

— Как останутся?

— Грамоты, выписки, посольские записи. Всё, что он делал по государевой службе. Без них нельзя.

Лука опустил глаза. Он вспомнил Фёдора Мишурина, который ещё недавно приходил в их палату, разговаривал уверенно, требовал срочно приготовить документы и не сомневался,

что завтра снова сможет заниматься делами. Теперь его не было. Подьячий неожиданно почувствовал страх.

— Матвей Иванович, а нас не тронут?

Старший дьяк посмотрел на него.

— Не знаю.

Лука побледнел.

— Мы ведь ничего не делали.

— Делали. Служили.

— За это же нельзя…

Он не договорил. Матвей закрыл книгу.

— Иди домой, Лука.

— А ты?

— Я останусь.

Лука дважды оглянулся у двери, но Матвей уже разворачивал книги. После его ухода дьяк заметил на полу несколько сухих чернильных крошек, просыпавшихся из треснувшей песочницы Мишурина. Матвей принёс тряпицу, собрал их с доски и только тогда снова сел. Они с Мишуриным часто спорили и не всегда доверяли друг другу, но теперь никто не мог спросить у покойного, какой из последних записей он считал особенно важной.

Матвей достал одну из старых записей. На полях стояла короткая помета Мишурина. Он провёл по ней пальцем. Потом аккуратно закрыл книгу.

Снаружи послышались шаги. Лука вернулся, хотя Матвей уже отпустил его домой. Молодой подьячий стоял у порога и держал деревянный пенал Мишурина, забытый тем в соседней комнате.

— Это ему принадлежало. Куда деть?

Матвей взял пенал. На крышке виднелась зарубка, сделанная, вероятно, ещё много лет назад; сам он не раз подтрунивал над старым товарищем, который никак не желал заменить потёртую вещь. Теперь этот пустяк показался невыносимо тяжёлым.

— В опись внесём. Родным передадим, если дозволят.

— А если не дозволят?

Матвей поставил пенал рядом с книгой и закрыл его ладонью. Лука ждал. Ни один из них не был готов обещать то, что зависело от людей, только что отправивших Мишурина на казнь.

— Тогда сохраним, — сказал дьяк.

Вечером о случившемся узнал митрополит Даниил. Известие принёс один из церковных служителей, вернувшийся из Кремля. Даниил выслушал его стоя.

— Бельского где держат?

Человек рассказал то, что знал.

— А Фёдор Мишурин?

Служитель опустил глаза. Митрополит понял ответ прежде, чем тот успел заговорить. Он медленно перекрестился. Затем попросил оставить его одного. В комнате было прохладно. За окном начинался осенний вечер. По двору проходили монастырские служители, в отдалении слышались голоса. Даниил сел возле стола. Ещё недавно он полагал, что участие в придворных делах позволяет ему удерживать равновесие между влиятельными княжескими родами. Теперь один из его союзников оказался под стражей, другой погиб. Он понимал, что Шуйские не простят ему поддержки Бельского. Но отказаться от прежних слов было уже невозможно.

Митрополит вспомнил собственные решения, принимавшиеся в годы правления Елены. Тогда и он нередко считал необходимым сурово поступать с людьми, которых признавал опасными для государственного порядка. Он не всегда задумывался, что подобная строгость может однажды обратиться против него самого. Теперь ему предстояло встретиться с людьми, уже показавшими, насколько далеко они готовы идти. Даниил долго сидел неподвижно. Потом

велел принести книгу для вечернего чтения. Он открыл её, но некоторое время не мог сосредоточиться на строках.

Великому князю Ивану о казни Мишурина сообщили не сразу. Взрослые считали, что ребёнку незачем знать подробности придворной расправы. Ему велели заниматься обычными делами, читать, молиться и не выходить без сопровождения. Однако скрыть происшедшее полностью было невозможно.

На следующий день Иван заметил, что служители разговаривают тише обычного. Некоторые люди, прежде часто появлявшиеся в палатах, исчезли. У дверей стояли новые сторожа. Мальчик спросил Ульяну, что случилось. Женщина попыталась ответить уклончиво.

— Боярские дела, Иванушка.

— Какие?

— Между ними несогласие вышло.

— Из-за чего?

Она не знала, как объяснить. Иван некоторое время смотрел на неё, затем спросил:

— Опять кого-нибудь увели?

Ульяна побледнела. Он заметил.

— Кого?

Женщина осторожно присела перед ним.

— Князя Бельского под стражу взяли.

Иван нахмурился. Он помнил Бельского. Тот несколько раз приходил к боярам, кланялся государю и разговаривал с ним о занятиях. Мальчик не испытывал к нему особенной привязанности, но знал, что это знатный князь, которого недавно освободили из прежнего заключения.

— За что?

— С боярами поссорился.

— А теперь?

— Теперь его стерегут.

Иван некоторое время молчал.

— Как дядю Ивана?

Ульяна поняла, кого он имеет в виду. Она ответила:

— Иначе всё было.

— А почему?

Женщина не смогла объяснить разницу. Мальчик поднялся и подошёл к окну. За двором стояли люди с оружием. Один разговаривал с конюхом, другой проверял ремень у ножен. Иван долго смотрел на них. Потом повернулся.

— А Фёдор Мишурин где?

Ульяна замерла. Она не ожидала, что мальчик вспомнит дьяка. Иван видел Мишурина ещё при матери. Тот иногда приносил бумаги, разговаривал с Еленой, помогал готовить государственные грамоты. В последние месяцы появлялся реже, но мальчик узнавал его по голосу и привычке держать документы под левой рукой.

— Его тоже увели? — спросил Иван.

Ульяна медленно опустилась на скамью. Она не хотела лгать.

— Фёдора Михайловича больше нет, Иванушка.

Мальчик посмотрел на неё.

— Умер?

Женщина кивнула.

— Умер.

— Болел?

Ульяна не ответила. Иван подошёл ближе.

— Его убили?

Она подняла глаза. Мальчик уже видел, как изменилось её лицо.

— Убили, — тихо сказала женщина.

Он долго молчал. Потом спросил:

— А кто велел?

Ульяна почувствовала страх. Она понимала, что ребёнок может повторить её слова перед любым боярином. Даже правдивый ответ способен навлечь беду на неё и на тех, кто находится возле государя.

— Так бояре решили, — произнесла она.

Иван нахмурился.

— Какие бояре?

Ульяна не ответила. Он подошёл к столу, взял материнскую книгу и некоторое время держал её закрытой. Потом тихо спросил:

— А меня спрашивали?

Женщина покачала головой. Мальчик посмотрел на неё.

— Я бы не велел.

Ульяна не нашла слов. Она осторожно положила руку ему на плечо, но Иван отстранился. Не резко, без злости. Ему просто не хотелось, чтобы его сейчас трогали. Он сел возле окна и раскрыл книгу. Некоторое время смотрел на строки, не читая. Юрий подошёл и попытался показать ему деревянную повозку, которую накануне починили. Иван не сразу обратил внимание. Потом взял игрушку, покатал её по столу и вернул брату. Младший улыбнулся. Иван тоже попытался улыбнуться, но не смог.

После октябрьских событий Василий Шуйский распорядился пересмотреть круг людей, допускаемых к великокняжеским покоям. Теперь придворным служителям приходилось точнее сообщать, кто и по какому делу желает видеть государя. Дьякам велели представлять документы через определённых лиц. Некоторые бояре, прежде свободно приходившие на приёмы, больше не появлялись. Шуйский считал эти меры необходимыми. Он понимал, что устранение Бельского и его сторонников вызовет недовольство. Ему требовалось удержать управление, не допустить новых попыток изменить состав Думы и сохранить привычный порядок государственной службы. Однако события последних недель тяжело сказались на нём.

Князь стал быстрее уставать. Иногда испытывал головную боль, чаще оставался в покоях и откладывал некоторые встречи. Он не любил жаловаться на здоровье, поэтому служители замечали его состояние главным образом по тому, как долго приходилось ждать распоряжений. Однажды вечером к нему пришёл Иван Шуйский. Младший брат выглядел довольным.

— Теперь поспокойнее будет.

Василий Васильевич сидел возле стола.

— Посмотрим.

— Бельский под стражей. Люди его разъехались.

— Не все.

Иван Васильевич нахмурился.

— Остальных тоже разошлём.

Старший брат посмотрел на него.

— Не всякого, кто с Бельским говорил, можно в темницу сажать.

— А кто за него держится?

— Иного надо убедить. Иного оставить в покое.

Младший некоторое время молчал.

— Ты слишком долго думаешь.

Василий Васильевич поднял глаза.

— Потому и жив до сих пор.

Иван Шуйский усмехнулся, но спорить не стал. Они ещё некоторое время обсуждали государственные дела, затем младший брат ушёл. Василий Васильевич остался один. За окном было темно. В комнате горела свеча. На столе лежали новые записи о назначениях, посольские известия и несколько челобитных. Князь взял одну из них. Проситель жаловался на насилие местного служилого человека, который захватил имущество и отказался явиться для разбора. В прежнее время подобные дела также случались нередко. Но теперь князь всё чаще замечал, что люди, пользуясь придворной борьбой, пытаются добиться разрешения собственных споров силой. Он велел приготовить ответ и вызвать названного человека на разбирательство. Потом отложил бумагу.

За дверью послышались шаги. Вошла Анастасия. Она заметила усталость мужа.

— Ты опять целый день за делами.

— Работы много.

— Поел бы.

— Потом.

Княгиня подошла к столу и осторожно убрала несколько бумаг в сторону, освобождая место для поданного ужина. Василий Васильевич хотел возразить, но промолчал. Анастасия села напротив.

— Сегодня Иван Васильевич спрашивал про Фёдора Мишурина.

Шуйский поднял голову.

— Кто ему сказал?

— Не знаю.

Князь нахмурился.

— Детям такие разговоры ни к чему.

— Он сам спрашивает.

— Пусть занимается учением.

Анастасия некоторое время молчала.

— Он ведь помнит, как людей уводили.

Василий Васильевич посмотрел на неё.

— Государю нельзя расти среди одних ласк. Ему надобно знать, что за неверную службу наказывают.

Княгиня опустила глаза.

— Он пока спрашивает, почему умер человек, которого знал.

Шуйский не ответил сразу. Он не считал нужным объяснять ребёнку придворные столкновения. Но теперь впервые задумался, как выглядит произошедшее с той стороны, с которой видит его маленький Иван. Мальчик не знал сложных отношений между боярскими родами. Не понимал, что означает пожалование думным чином и почему оно способно изменить равновесие сил. Для него существовали знакомые люди, которые приходили во дворец, разговаривали с матерью, показывали книги, приносили подарки. Потом эти люди исчезали.

— Пусть ему скажут, что государев порядок нарушать нельзя, — произнёс наконец князь.

Анастасия посмотрела на него.

— Он и спросит, кто его нарушил.

Василий Васильевич устало вздохнул.

— Тогда пусть спрашивает, когда подрастёт.

Княгиня больше не спорила.

В казённых палатах после гибели Мишурина несколько дней почти не разговаривали о придворных делах. Люди приходили на службу, садились за столы, готовили выписки и грамоты. Однако прежней свободы в разговорах уже не было. Подьячие внимательно следили, кто входит в комнату. Некоторые старались не оставлять без присмотра собственные записи. Матвей Лазарев работал по-прежнему. Он велел Луке закончить выписку по делу Марьи Неверо-

вой, затем подготовить ответ на просьбу о розыске людей, пропавших во время войны с Литвой. Среди присланных имён снова встретился Степан Лыков. Матвей остановился на записи.

— По этому человеку ничего нового?

Лука просмотрел бумаги.

— Нет. Из западных городов ответов ещё не пришло.

— Пошли повторную запись.

— Куда?

Матвей назвал места, откуда прежде поступали сведения о пленных. Лука начал писать. За окном шёл дождь. Вода стекала с кровли, капала на каменный выступ под окном. В соседнем помещении кто-то громко кашлянул. Матвей поднял голову. Подьячий продолжал работу. Через некоторое время он спросил:

— А если Степана не найдут?

Матвей посмотрел на него.

— Тогда будем искать дальше.

— Сколько?

— Пока есть кого расспрашивать.

Лука опустил глаза к записи. Он ещё не знал, сколько времени способны тянуться подобные дела. Но теперь старался особенно внимательно выводить имена и приметы людей. После гибели Мишурина он впервые по-настоящему почувствовал, насколько непрочной может оказаться человеческая жизнь при дворе. И как важно бывает сохранить хотя бы точную запись, когда самого человека рядом уже нет.

К концу октября ночи стали холоднее. В Кремле раньше зажигали светильники, служители готовили тёплую одежду, в печах разводили огонь. Во дворах пахло мокрым деревом, дымом и осенней землёй. Иван продолжал заниматься. Ему исполнилось восемь лет, и учителя постепенно усложняли уроки. Теперь мальчик не только читал знакомые молитвы, но и старался разбирать более трудные тексты. Иногда его заставляли переписывать отдельные строки, следить за правильным начертанием букв и запоминать новые слова. Однажды он попросил Матвея принести старую грамоту, составленную ещё при матери. Дьяк удивился.

— Зачем тебе, государь?

— Хочу посмотреть.

— Какую?

Иван задумался. Он не помнил точного названия, но знал, что Елена однажды показывала ему документ с большим печатным знаком и длинной записью о государевом деле. Матвей принёс несколько подходящих грамот. Мальчик рассматривал их долго. В одной узнал знакомое имя. В другой — название города. Третья оказалась слишком трудной.

— А это всё мама велела писать?

— Не всё, государь. Иное бояре советовали, иное дьяки готовили.

— А она читала?

— Читала.

— И исправляла?

— Бывало.

Иван посмотрел на запись.

— А сейчас кто исправляет?

Матвей немного помолчал.

— Бояре велят. Мы записываем.

Мальчик провёл пальцем вдоль строки.

— А если неправильно?

— Тогда переписываем.

— А если человек неправильно велел?

Дьяк поднял глаза. Он видел перед собой ребёнка, который ещё плохо понимает устройство государственных дел. Но вопрос был задан не из праздного любопытства. Иван пытался разобраться в том, что наблюдал последние месяцы. Матвей ответил:

— Тогда надобно сказать, что дело худо.

— Кому?

Дьяк немного подумал.

— Тому, кто велел.

Иван нахмурился.

— А если он не послушает?

Матвей не нашёл простого ответа. В такие минуты он особенно остро ощущал, насколько трудно объяснять мальчику порядок, который и взрослые не всегда соблюдают.

— Бывает, что не слушают, — произнёс он наконец.

Иван некоторое время молчал. Потом отложил грамоту и попросил показать, как правильно выводить длинное слово, которое никак не удавалось написать. Матвей охотно согласился. Они занимались почти час. Когда дьяк ушёл, мальчик продолжал сидеть за столом. Юрий находился рядом с Ульяной и рассматривал деревянные фигурки. Иногда младший подходил к брату, заглядывал в книгу и пытался повторить отдельные движения руки. Иван показал ему несколько букв. Юрий смотрел внимательно, но вскоре потерял интерес и вернулся к игрушкам. Старший не рассердился. Он уже знал, что брату трудно долго заниматься тем, чего нельзя потрогать или передвинуть. Поэтому отложил перо и предложил сложить из деревянных брусков небольшую крепость.

Юрий оживился. Они начали строить. Сначала всё шло хорошо. Иван поставил две башни и соединил их стеной. Юрий принёс новые бруски и начал складывать рядом собственную постройку. Но вскоре младший нечаянно задел одну из башен. Несколько деталей упали, потянув за собой соседнюю стену. Иван резко обернулся.

— Юра!

Младший испугался и отдёрнул руку. Мальчик уже хотел рассердиться, но увидел выражение братнего лица. Юрий смотрел на разрушенную постройку с таким огорчением, что Ивану стало стыдно. Он опустился на пол.

— Ничего. Поправим.

Юрий осторожно придвинулся. Старший начал собирать упавшие детали. Младший помогал, подавая ему бруски. Через некоторое время обе башни снова стояли. Иван взял деревянного всадника и поставил его у ворот.

— Вот. Теперь можно ехать.

Юрий улыбнулся. Он провёл всадника через ворота и поставил внутри крепости. Ульяна наблюдала за мальчиками из своего угла. Ей вспомнилось, как Елена однажды говорила, что Иван слишком быстро сердится, когда у него что-нибудь не получается, но столь же быстро забывает обиду, если видит чужое огорчение. Теперь женщина замечала, что мальчик всё чаще сдерживается не из-за замечания взрослого, а потому, что не хочет обидеть брата.

В тот вечер они долго играли. За дверью проходили служители. Кто-то приносил дрова, кто-то спрашивал о завтрашних занятиях. Иногда слышались шаги вооружённой стражи. Иван несколько раз поднимал голову, прислушиваясь. Потом возвращался к игре. Перед сном он попросил Ульяну принести материнскую книгу. Женщина подала её. Мальчик раскрыл знакомую страницу, но читать не стал. Он достал сложенное письмо, которое когда-то велел написать Аграфене, и осторожно разгладил его на коленях. Ответа на письмо так и не пришло. Иван долго смотрел на строчки. Он уже умел прочитать большую часть написанного. Некоторые слова по-прежнему давались трудно, но теперь он понимал их лучше. Потом сложил письмо обратно.

— Ульяна.

— Что, Иванушка?
— Аграфена жива?
Женщина подняла голову.
— Насколько известно, жива.
— А где она?
— В Каргополе.
— Далеко?
— Далеко.
Иван немного подумал.
— Она знает, что я вырос?
Ульяна улыбнулась.
— Наверное, знает, что ты уже большой.
— Мне восемь.
— Знаю.
Он посмотрел на письмо.
— А я ещё напишу.
Женщина не стала возражать.
— Напиши.

Мальчик осторожно вложил лист между страницами. Потом закрыл книгу и поставил её возле постели. Юрий уже спал в соседней комнате. Дверь между покоями оставалась открытой. Иван погасил светильник и лёг. Сквозь приоткрытую дверь доносились шаги стражи. В отдалении закрывали ворота, по двору проходили сторожа, в соседних палатах ещё разговаривали взрослые. Теперь здесь распоряжались Шуйские. Мальчик знал это по тому, как люди называли их имена, кому приносили бумаги, у кого спрашивали дозволения, перед кем старались не говорить лишнего. Он не понимал, почему недавно освобождённого князя Бельского снова заключили под стражу и за что умер Фёдор Мишурин. Не знал, какие решения принимались за закрытыми дверями и почему взрослые, называвшие его государем, не считали нужным спрашивать его самого.

Отсутствие одних людей замечалось по пустым местам в привычном распорядке; о других напоминали самые простые звуки за стеной. Ульяна осторожно заглянула в комнату, проверила, укрыт ли мальчик, и направилась к Юрию. Иван притворился спящим. Он услышал, как женщина поправила брату покрывало, затем вернулась и тихо закрыла наружную дверь. В открытом проходе между комнатами продолжала гореть лампада. Мальчик повернулся на бок и посмотрел туда, где спал Юрий. Потом протянул руку к лежавшей возле постели материнской книге. Пальцы коснулись переплёта. Он немного подержал ладонь на книге и наконец закрыл глаза.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ДВА БРАТА

Москва. Октябрь — ноябрь 1538 года.

Первые заморозки пришли в Москву неожиданно. Ещё накануне во дворах стояла грязь после продолжительных дождей, а утром лужи затянуло тонким льдом. На деревянных ступенях белел иней, и служители посыпали их песком, чтобы люди не поскользнулись. В конюшнях раньше обычного начали закрывать двери, на кухнях растапливали дополнительные печи, а торговцы поспешно убирали товары под навесы, опасаясь нового ненастья. В великокняжеских покоях тоже готовились к холодам. Из кладовых доставали тёплую одежду, проверяли меховые подкладки, перебирали обувь. Для Ивана приготовили новый кафтан, сшитый ещё летом, но теперь оказавшийся немного тесным в плечах. Ульяна велела распороть подкладку и переделать рукава, пока мальчик занимался чтением.

С Юрием хлопот оказалось больше. Младшему князю не нравились тяжёлые зимние одежды. Когда ему надевали подбитый мехом кафтан, он сердился, пытался освободить руки и отталкивал служительницу. Женщина несколько раз начинала одевать его заново, но всякий раз мальчик выворачивался и тянулся к своему старому, лёгкому платью. Иван наблюдал за ними из-за стола.

— Не так, — сказал он наконец.

Служительница подняла голову.

— Что не так, государь?

— Ему рукав мешает.

Она осмотрела одежду.

— Рукав как рукав.

— А ты посмотри внутри.

Женщина вывернула кафтан и обнаружила возле подмышки грубый шов. При движении тот натирал кожу, и Юрий, не умея объяснить причину неудобства, пытался избавиться от неприятной одежды. Ульяна подошла ближе, потрогала шов и нахмурилась.

— Переделывать надобно.

Кафтан сняли. Юрий сразу успокоился и вернулся к игрушкам. Иван снова склонился над книгой, но некоторое время продолжал наблюдать за братом. Ему нравилось, когда удавалось понять то, чего не замечали взрослые. С Юрием это случалось часто. Младший мог долго сердиться из-за вещи, причины недовольства которой никто не понимал, а потом внезапно успокоиться, едва Иван показывал ему знакомое движение или убирал мешавший предмет. В последние месяцы братья стали проводить вместе больше времени. После смерти матери Юрий особенно сильно привязался к Ивану. Он охотно следовал за старшим, внимательно наблюдал за его занятиями, пытался повторять движения рук. Иногда мешал, забирая лежавшие на столе вещи, но Иван уже научился устраивать ему место рядом, чтобы тот мог заниматься собственным делом.

Сегодня Юрий старательно складывал небольшую деревянную повозку. Одно колесо, недавно починенное дворцовым мастером, теперь держалось хорошо. Младший князь катил игрушку по полу, останавливал возле сложенных из брусков ворот, затем разворачивал и возвращал к исходному месту. Иван читал, время от времени поднимая голову. За дверью послышались шаги. В комнату вошёл дворцовый служитель и объявил, что старшего государя ожидают на коротком приёме. Ульяна помогла Ивану подняться, поправила пояс и проверила, чисты ли рукава. Юрий заметил приготовления и сразу оставил игрушку. Он подошёл к брату, взял его за руку и попытался идти следом.

— Ты здесь побудь, — сказал Иван.

Младший нахмурился.

— Я скоро.

Юрий не отпускал руку. Иван посмотрел на Ульяну.

— Можно его со мной?

Служитель, ожидавший у двери, осторожно покачал головой.

— Велено одному, государь.

Мальчик опустил глаза. Он не любил оставлять брата, особенно теперь, когда вокруг происходили непонятные перемены. Но спорить не стал. Вместо этого отвёл Юрия к окну, поставил перед ним деревянную повозку и показал, как можно провести её между двумя скамьями, не задев колёсами ножки. Младший заинтересовался. Когда Иван направился к двери, Юрий уже занимался новой дорогой. В переходе мальчик обернулся. Ульяна стояла рядом с братом и внимательно следила, чтобы тот не ударился о край скамьи. Иван немного успокоился и пошёл за служителем. Его вели к князю Василию Васильевичу Шуйскому.

Василий Шуйский в последние дни чувствовал себя нездоровым. Сначала он не придавал этому значения. Осень всегда приносила ему неприятности: начинали болеть старые раны, по утрам с трудом разгибались пальцы, а после долгого сидения за столом тяжело было сразу подняться. В молодости князь переносил подобные недомогания без особого внимания, но теперь возраст всё чаще напоминал о себе. На этот раз слабость оказалась необычной. Он проснулся среди ночи от озноба, хотя в комнате было тепло. Некоторое время лежал неподвижно, затем позвал служителя и велел принести воды. Утром почувствовал себя лучше и отправился заниматься делами, но к полудню снова разболелась голова. Анастасия Петровна заметила, что муж почти ничего не съел за завтраком.

— Ты заболел?

Шуйский отложил ложку.

— Простыл, должно быть.

— Лекаря позвать?

— Не надо.

Княгиня посмотрела на него с тревогой. Она ещё плохо знала привычки мужа, хотя после свадьбы прошло несколько месяцев. Василий Васильевич редко жаловался на здоровье, не любил, когда ему советовали отдыхать, и считал, что человек, способный стоять на ногах, должен заниматься положенным делом.

— У тебя лицо горячее, — сказала Анастасия.

— Пройдёт.

Он поднялся из-за стола, но на мгновение остановился, придерживаясь за край скамьи. Княгиня заметила.

— Василий Васильевич…

— Всё хорошо.

Она не стала спорить. Однако, когда муж ушёл в соседнюю палату, велела одному из служителей найти человека, сведущего в лечении болезней. Ей не хотелось действовать против воли мужа, но ещё больше она опасалась, что тот слишком поздно обратит внимание на недомогание. К полудню к Шуйскому явился брат. Иван Васильевич вошёл быстро, не дожидаясь долгого приглашения. Он принёс несколько известий о государевых делах и сразу начал рассказывать о новых распоряжениях. Василий слушал, сидя возле стола.

— Бельского люди опять хлопочут, — сказал младший брат. — Не все разъехались. Иные по Москве сидят, ждут, что дело переменится.

— Кто именно?

Иван назвал несколько имён. Василий нахмурился.

— Не всякого, кто Бельского знал, надо гнать.

— Я и не говорю всякого.

— Говоришь.

Младший брат усмехнулся.

— Ты всегда так. Сперва велишь смотреть, потом сам же останавливаешь.

Василий Васильевич не ответил сразу. Он знал характер брата. Тот предпочитал быстрые решения и считал, что снисхождение к недругу редко приносит пользу. Однако старший не раз убеждался, что излишняя поспешность может создать больше врагов, чем первоначальная обида.

— Бельский под стражей, — произнёс он наконец. — Мишурина больше нет. Остальным надобно дать время понять, что дело кончилось.

Иван посмотрел на него.

— А если не поймут?

— Тогда будем решать.

— Опять ждать.

Василий поднял глаза.

— Ты думаешь, легко людей под стражу сажать?

Младший брат некоторое время молчал.

— Легко или нет, а приходится.

Он произнёс это без злорадства. В годы службы ему доводилось видеть, как быстро меняется положение влиятельного человека. Сегодня тот распоряжается чужими судьбами, завтра сам ищет защиты у родственников. Иван Шуйский не желал снова оказаться среди проигравших и считал всякое промедление опасным. Василий знал эти страхи. Оба брата принадлежали к одному роду, вместе переносили опалы, возвращались на службу, участвовали в походах. Между ними случались разногласия, но родственная близость оставалась прочнее многих придворных союзов. Теперь они распоряжались государственными делами от имени восьмилетнего князя. И каждый понимал, насколько непрочно это положение. Василий придвинул к себе чашу с водой.

Иван заметил, что брат пьёт медленно, словно каждое движение даётся ему с трудом.

— Ты нездоров?

— Немного.

— Лекаря позвал?

— Анастасия хлопочет.

Младший нахмурился.

— Надо бы отдохнуть.

Василий усмехнулся.

— Это ты мне говоришь?

— Говорю.

— А кто только что требовал новых распоряжений?

Иван хотел ответить резко, но неожиданно улыбнулся.

— Распоряжения я и сам приготовлю.

Старший брат некоторое время смотрел на него.

— Вот этого я и опасаюсь.

Они оба негромко рассмеялись. На мгновение исчезла придворная настороженность, с которой им приходилось жить последние месяцы. Перед Василием сидел не влиятельный боярин, способный по собственному решению отправить человека в ссылку, а младший брат, которого он помнил ещё мальчишкой, нетерпеливым и уверенным, будто всякую трудность можно преодолеть одной решительностью. Однако Василий вскоре снова почувствовал слабость. Он откинулся на спинку скамьи. Иван заметил, как изменилось его лицо.

— Всё-таки ложись.

— После государя.

— Что с государем?

— Сегодня прийти должен.

Младший брат нахмурился.

— Отложи.

Василий покачал головой.

— Обещал.

Он не объяснил, что именно обещал. Иван Васильевич не стал расспрашивать. Ему казалось странным, что старший брат, распоряжавшийся столь важными делами, придаёт значение короткой встрече с ребёнком. Но Василий помнил, как Иван недавно спрашивал его о прежних войнах. Мальчик хотел увидеть старый походный доспех, который князь хранил среди своих вещей. Василий пообещал показать. Сегодня он собирался исполнить обещание.

Ивана привели в небольшую палату, где возле стены стояли два сундука. Один был открыт. Внутри лежали старые части вооружения, ремни, металлические накладки и несколько

потемневших от времени предметов. Мальчик сразу заинтересовался. Василий Шуйский сидел возле окна. Увидев государя, он попытался подняться, но Иван поспешно остановился.

— Сиди. Мне сказали, ты болеешь.

Князь немного удивился.

— Кто сказал?

— Служитель.

— Небольшая хворь.

Иван подошёл ближе.

— Мама тоже говорила, что небольшая.

Василий почувствовал, как неприятно сжалось сердце. Он не ожидал этого воспоминания.

— Болезни разные бывают, государь.

Мальчик посмотрел на него внимательно, но расспрашивать не стал. Шуйский показал на сундук.

— Вот, хотел тебе кое-что показать.

Служитель достал старый шлем. Металл местами потемнел, на поверхности виднелись небольшие вмятины. Подкладка внутри давно истёрлась, ремни заменяли уже не однажды. Иван осторожно взял шлем обеими руками.

— Тяжёлый.

— На голове тяжелее.

Мальчик попытался поднять его выше. Служитель помог примерить. Шлем оказался слишком большим. Край сполз почти до глаз, и Иван рассмеялся. Василий улыбнулся.

— Расти ещё надобно.

Мальчик снял шлем и внимательно осмотрел вмятину возле края.

— Это от чего?

— От удара.

— Саблей?

— Может, саблей. Давно было.

— А тебя ранили?

Шуйский показал на старый рубец возле запястья.

— Случалось.

Иван придвинулся ближе.

— Больно было?

— Больно.

— А ты плакал?

Князь посмотрел на него. При дворе подобные вопросы обычно вызывали улыбки. Однако Иван спрашивал серьёзно. Он хотел знать, могут ли взрослые, которых все считают сильными, испытывать такую же боль и страх, как дети.

— Не помню, — ответил Василий.

Мальчик задумался.

— А я бы плакал.

— Возможно.

— И Юра тоже.

— Юра ещё мал.

Иван поднял глаза.

— Он не такой уж маленький. Ему скоро шесть.

Шуйский кивнул.

— Верно.

Мальчик снова взял шлем. Некоторое время они рассматривали старое вооружение. Василий показывал, как крепились ремни, зачем нужны были отдельные части защиты, почему в походе приходилось заботиться не только об оружии, но и о состоянии коней. Иван слушал с интересом. Он любил такие рассказы гораздо больше длинных бесед о порядке боярских назначений. Когда служитель убрал шлем, мальчик заметил на столе несколько грамот.

— Ты опять работаешь?

— Работаю.

— А болеть тебе можно?

Василий невольно улыбнулся.

— Можно, государь. Только дела ждать не любят.

Иван немного подумал.

— А когда мама болела, к ней тоже приходили с делами.

Князь опустил глаза. Мальчик продолжил:

— Она иногда сердилась.

— На кого?

— На тех, кто долго говорил.

Шуйский усмехнулся.

— Это я помню.

Иван посмотрел на него.

— Ты с ней часто спорил?

— Часто.

— Она на тебя сердилась?

— Бывала сердита.

— А ты?

Василий не сразу ответил. Он вспомнил Елену в годы её правления. Молодую женщину, вынужденную постоянно доказывать своё право принимать решения перед людьми, многие из которых считали себя опытнее и знатнее. Он действительно спорил с ней, иногда резко. Считал её чрезмерно доверчивой к некоторым советникам, не соглашался с отдельными назначениями и мерами против удельных князей. Но теперь, когда её больше не было, многие прежние столкновения представлялись иначе.

— И я сердился, — признался он.

Иван задумался.

— А потом мирились?

— Иногда.

— А когда не мирились?

Шуйский посмотрел на мальчика.

— Тогда дело оставалось спорным.

Иван ещё немного помолчал. Потом спросил:

— А с дядей Иваном вы тоже спорите?

Василий поднял голову.

— С каким?

— С твоим братом.

Князь улыбнулся.

— Спорим.

— А он тебя слушается?

Василий хотел ответить привычной шуткой, но почувствовал новый приступ слабости. Он осторожно положил ладонь на стол. Иван заметил.

— Тебе плохо?

— Немного устал.

Мальчик сразу отступил.

— Я пойду.

— Посиди ещё.

— Нет. Тебе надо лежать.

Князь посмотрел на него с удивлением. Иван говорил так, как когда-то говорила Ульяна, заботясь о заболевшем ребёнке. Василий медленно кивнул.

— Что ж, ступай.

Мальчик поклонился. У самой двери остановился.

— А шлем ещё покажешь?

— Покажу.

Иван ушёл. Шуйский проводил его взглядом. Затем попросил служителя убрать сундук. Когда дверь закрылась, князь ещё некоторое время сидел неподвижно. Потом с трудом поднялся и направился к постели.

Тридцатого октября Юрию исполнилось шесть лет. Праздник младшего князя проходил гораздо скромнее, чем августовские торжества старшего брата. Юрий не любил большого скопления людей, быстро уставал от непривычной обстановки и не понимал большей части обращённых к нему поздравлений. Ульяна заранее попросила, чтобы после церковной службы мальчика не заставляли долго сидеть перед боярами. На этот раз её просьбу удовлетворили.

Утром Юрия одели в красивый кафтан с мягкой подкладкой. Шов на рукаве исправили, и теперь мальчик позволял надевать одежду без прежнего сопротивления. Иван помог ему застегнуть пояс, затем показал небольшую деревянную коробку, которую приготовил в подарок. Внутри лежали новые фигурки. Один конь был светлым, другой тёмным. Рядом находились маленькая повозка и несколько деревянных брусков, из которых можно было сложить ворота. Юрий сразу потянулся к коробке. Иван осторожно закрыл крышку.

— После службы.

Младший нахмурился.

— Потом, — повторил Иван и показал рукой в сторону двери.

Юрий посмотрел на него, затем на коробку. Он не вполне понял, сколько придётся ждать, но позволил убрать подарок. После службы мальчики вернулись в покои. Ульяна велела принести угощение. На стол поставили пироги, сладкие печёные изделия, мёд и несколько блюд, которые особенно нравились детям. Юрий почти не обращал внимания на еду. Его интересовала коробка. Иван наконец отдал подарок. Младший сел на ковёр и принялся доставать фигурки. Каждую он долго рассматривал, поворачивал в руках, ставил на пол. Особенно ему понравился светлый конь с тонко вырезанной гривой. Иван сел рядом.

— Это тебе.

Юрий улыбнулся. Он взял тёмного коня и неожиданно протянул его брату. Иван понял приглашение. Они начали играть. Ульяна наблюдала из-за стола. Ей нравилось видеть мальчиков спокойными. После смерти Елены подобные часы стали редкими. Чаще приходилось заниматься одеждой, распоряжениями, уроками, церковными обязанностями или объяснять, почему тот или иной знакомый человек больше не приходит. Сегодня никто не тревожил детей. Даже дворцовые служители старались входить тише обычного. После полудня пришла Анастасия Петровна. Она выглядела утомлённой. Ульяна заметила это сразу.

— Княгиня, здорова ли ты?

— Здорова.

— А Василий Васильевич?

Анастасия немного помолчала.

— Всё ещё нездоров.

Иван поднял голову.

— Он лежит?

— Лежит.

— А лекарь приходил?

— Приходил.

— Помог?

Княгиня не сразу ответила.

— Надеемся.

Мальчик посмотрел на неё внимательно. Он вспомнил, как недавно видел старый шлем и разговаривал с Шуйским о войне. Тогда князь уже выглядел утомлённым, но мог сидеть, рассказывать и даже улыбаться.

— Я к нему пойду, — сказал Иван.

Анастасия покачала головой.

— Не сегодня, Иван Васильевич. Ему покой нужен.

— А завтра?

— Посмотрим.

Мальчик нахмурился. Он снова услышал ответ, который взрослые произносили, когда не хотели обещать. Но сегодня спорить не стал. Анастасия присела возле Юрия и подарила ему небольшой вышитый платок. Младший сначала рассматривал узор, затем положил платок рядом с новыми фигурками. Княгиня улыбнулась.

— Нравится?

Юрий провёл пальцами по вышивке. Иван объяснил:

— Ему нравится, когда нитки выпуклые.

Анастасия посмотрела на младшего князя.

— Вижу.

Они немного посидели вместе. Потом княгиня собралась уходить. Иван проводил её до двери.

— Анастасия, — тихо сказал он.

Она остановилась.

— Что, государь?

— Ты за ним смотри.

Княгиня не сразу поняла.

— За кем?

— За Василием Васильевичем. Он болеет.

Анастасия почувствовала, как подступают слёзы.

— Смотрю, Иван Васильевич.

Она осторожно коснулась его волос и вышла.

Болезнь Василия Шуйского усиливалась. Князь уже не мог ежедневно заниматься делами. Сначала он пытался принимать людей возле постели, затем велел ограничить посещения. Приходили лекари, готовили различные снадобья, советовали покой. Священник совершал молитвы. Ничто не приносило заметного облегчения. Анастасия почти не отходила от мужа. Она ещё недавно чувствовала себя чужой в большом доме Шуйских, не знала всех родственников и боялась сказать лишнее слово при старших служителях. Теперь эти заботы отступили. Её занимало только состояние больного. Иногда Василий приходил в себя и разговаривал спокойно. Спрашивал о государственных делах, о письмах, о назначениях. Потом снова слабел, надолго закрывал глаза и просил воды. В один из таких дней приехал Иван Шуйский.

Он вошёл в комнату, где стоял запах лекарственных трав и нагретого воска. Василий лежал на высокой постели, укрытый тёплым покрывалом. Возле изголовья горела лампада. Анастасия сидела рядом. Увидев деверя, она поднялась.

— Он тебя ждал.

Иван подошёл ближе. Старший брат открыл глаза.

— Пришёл?

— Пришёл.

Василий попытался приподняться, но младший остановил его.

— Лежи.

Иван Васильевич никогда не любил видеть брата слабым. С детства Василий представлялся ему человеком, способным справиться с любыми трудностями. Старший первым отправился на большую службу, раньше приобрёл военную славу, чаще участвовал в решении государственных дел. Иван нередко сердился на его осторожность, но привык полагаться на него. Теперь перед ним лежал тяжело больной человек.

— Что говорят лекари? — спросил младший.

Василий слабо усмехнулся.

— Много говорят.

— Помогают?

— Не очень.

Иван опустил глаза. Он хотел спросить ещё, но не находил слов. Василий некоторое время наблюдал за ним.

— Дела как?

— Идут.

— Кто нынче в Думе был?

Иван назвал нескольких бояр. Старший слушал внимательно, хотя было видно, что разговор требует усилия.

— Не ссорься со всеми, — сказал он наконец.

Младший нахмурился.

— Я и не ссорюсь.

Василий едва заметно улыбнулся.

— Знаю тебя.

Иван хотел возразить, но промолчал. Брат продолжил:

— Государь мал. Ему люди нужны. Не одни наши.

— А Бельского люди?

— Иных можно оставить на службе.

Младший посмотрел на больного.

— Ты опять за старое.

Василий закрыл глаза. Некоторое время казалось, что он задремал. Но затем тихо произнёс:

— Государство большое, Иван. Одной роднёй не управишь.

Младший не ответил. Ему не нравилось, что брат даже теперь возвращается к придворным разногласиям. Однако он понимал, что Василий говорит о деле, которому посвятил большую часть жизни. Через некоторое время больной снова открыл глаза.

— А мальчики?

Иван Васильевич удивился.

— Какие?

— Государь с братом.

— Живут. Учатся.

— Старший спрашивает всё?

— Спрашивает.

Василий чуть заметно улыбнулся.

— Пусть спрашивает.

Младший хотел сказать, что мальчик слишком часто вмешивается в дела, которых не понимает. Но посмотрел на измученное лицо брата и промолчал. Василий снова закрыл глаза.

Анастасия подошла к постели и поправила покрывало. Иван понял, что разговор окончен. Он осторожно поднялся. У двери остановился и оглянулся. Старший брат лежал неподвижно. Тогда Иван вернулся, сел рядом и некоторое время держал его за руку. Они не говорили. За окном медленно темнело. Служитель принёс свечу, поставил её на стол и бесшумно вышел. Анастасия сидела возле другой стороны постели. В комнате слышалось только тяжёлое дыхание больного.

В те же дни дьяк Матвей Лазарев занимался подготовкой очередных грамот. После гибели Фёдора Мишурина работа в казённых палатах не уменьшилась. Напротив, некоторые дела пришлось перераспределить между оставшимися дьяками. Требовалось проверить прежние записи, установить, какие документы находились у покойного, и продолжить начатые им распоряжения. Матвей старался выполнять эту работу без лишних разговоров. Однако теперь даже обыкновенные служебные вопросы вызывали тревогу. Однажды Лука обнаружил среди бумаг Мишурина незавершённую запись о земельном пожаловании.

— Что с ней делать?

Матвей просмотрел лист.

— Пока отложить.

— Почему?

— Нет окончательного решения.

— А если человек придёт требовать?

— Скажешь, что дело не завершено.

Лука задумался.

— А он ведь будет говорить, что Фёдор Михайлович обещал.

Матвей поднял глаза.

— Обещание и утверждённая грамота не одно.

Подьячий кивнул. Он уже хорошо усвоил это различие, но теперь оно казалось особенно жестоким. Человек мог месяцами добиваться обещанного, получить согласие влиятельного дьяка, а затем в один день лишиться всякой надежды, потому что покровителя больше не было. Матвей заметил выражение его лица.

— Что задумался?

— О Фёдоре Михайловиче.

Старший дьяк некоторое время молчал.

— И я думаю.

Лука поднял голову.

— Ты ведь его давно знал?

— Давно.

— Хороший был человек?

Матвей не ответил сразу. Вопрос показался ему слишком простым для человека, которого он помнил много лет. Мишурин был умён, честолюбив, трудолюбив. Умел добиваться своего, иногда слишком резко разговаривал с подчинёнными, не любил признавать ошибки. Но государеву службу знал хорошо и относился к ней серьёзно.

— Разный был, — сказал Матвей наконец.

Лука немного удивился.

— Как это?

— Как все люди. И доброе делал, и ошибался.

Подьячий задумался. Матвей вернулся к бумагам. Через некоторое время принесли новую челобитную из Старицы. Марья Неверова просила сообщить, найдено ли хоть какое-нибудь известие о её муже Дмитрии. Она писала, что хозяйство держится с трудом, ребёнок растёт, а положение семьи остаётся неопределённым. Коня и часть зерна ей прежде позволили сохранить, но теперь местные люди снова требовали подтвердить, что имущество не подлежит

изъятию. Матвей внимательно прочитал просьбу. Он помнил прежнее решение Елены. Велел принести копию грамоты, составленной ещё при покойной правительнице. Лука нашёл запись.

— Вот.

Матвей сверил её с новой челобитной.

— Надо снова подтвердить.

Подьячий посмотрел на него.

— А кто нынче подтвердит?

Вопрос был неприятным. Василий Шуйский болел. Иван Васильевич занимался важнейшими придворными делами. Другие бояре неохотно брали на себя ответственность за старые распоряжения.

— Подготовь выписку, — сказал Матвей. — Представим.

Лука начал писать. Дьяк некоторое время смотрел на него. Потом придвинул другую бумагу. Это было очередное сообщение о людях, пропавших во время войны на западной границе. Среди имён снова значился Степан Лыков. Поиски продолжались, но определённых известий не поступало. Матвей сделал помету, чтобы следующее письмо отправили вместе с другими пограничными делами. Он понимал, что родные пропавшего ждут ответа и что никакая правильная запись не заменит им самого человека.

В Стародубе наступали холода. Антип Лыков успел закончить крышу над новым домом, но хозяйство ещё не было устроено полностью. Возле стены лежали приготовленные доски, под навесом хранились инструменты, а в углу двора стояли старые обгоревшие брёвна, которые Антип всё не находил времени разобрать. Дарья занималась зимними запасами. Настя помогала матери, хотя часто отвлекалась, наблюдая за работой отца. В один из вечеров Антип принёс домой небольшую деревянную коробку.

— Что это? — спросила дочь.

— Для мелочей.

Он поставил коробку на стол и открыл крышку. Внутри находились несколько железных гвоздей, старый нож и небольшая металлическая пряжка, найденная среди обломков прежнего дома. Дарья сразу узнала пряжку. Она принадлежала Степану. Когда-то сын долго просил отца позволить ему носить широкий пояс, как у взрослых служилых людей. Антип не хотел тратиться на новую вещь, но потом всё же купил недорогую пряжку и сам укрепил её на ремне. Позднее пояс износился, и Степан заменил его другим. Пряжка осталась в доме. Теперь Антип нашёл её среди старых вещей. Дарья осторожно взяла металл.

— Где была?

— Под лавкой.

Женщина некоторое время рассматривала пряжку. Настя подошла ближе.

— Степанова?

Мать кивнула. Девочка протянула руку, но Дарья сначала не отдала. Потом всё же положила вещь ей на ладонь.

— Береги.

Настя внимательно посмотрела на пряжку.

— А когда он придёт, отдадим?

Дарья не ответила сразу.

— Отдадим.

Антип сел возле стола и начал чинить старый инструмент. Он слышал разговор, но не вмешивался. В последние месяцы семья жила между работой и ожиданием. Каждый день требовал обычных забот: заготовить дрова, починить крышу, приготовить пищу, найти заработок. И каждый день мог принести известие о Степане. Но известий не было.

Вечером Дарья убрала пряжку в коробку. Антип закрыл крышку и поставил её на полку. Никто больше не заговорил о сыне.

Болезнь Василия Шуйского продолжалась недолго, но развивалась тяжело. В последние дни князь почти не вставал. Служители старались говорить тише, в доме чаще появлялись духовные лица. Анастасия сидела возле постели, иногда выходила ненадолго, чтобы отдать распоряжения, и снова возвращалась. Иван Шуйский приезжал каждый день. Он уже почти перестал обсуждать с братом государственные дела. Теперь спрашивал о здоровье, разговаривал с лекарями, требовал принести новые снадобья. Иногда сердился на служителей, если те медлили с исполнением поручений. Однажды Василий открыл глаза и увидел, как младший брат спорит с человеком, готовившим лекарство.

— Иван, — тихо позвал он.

Младший сразу повернулся.

— Что?

— Не кричи.

— Он ничего толком сказать не может.

Василий едва заметно покачал головой.

— От крика лучше не станет.

Иван замолчал. Он подошёл к постели и сел рядом. Старший брат некоторое время смотрел на него.

— Помнишь, как отец нас в поход провожал?

Иван удивился.

— Помню.

— Ты тогда всё спрашивал, почему тебя не берут.

Младший невольно улыбнулся.

— А ты говорил, что мал ещё.

— Был мал.

— И всё равно взяли потом.

Василий прикрыл глаза. Он словно снова увидел давний двор, лошадей, готовых к отъезду, молодых служилых людей, которых манили походы и слава.

— Ты всегда торопился, — произнёс он.

Иван немного помолчал.

— А ты всегда удерживал.

— Не всегда удержал.

Младший посмотрел на него. Василий больше ничего не сказал. Через некоторое время он попросил воды. Анастасия помогла ему напиться. Потом больной снова задремал. Иван Васильевич долго сидел возле постели. Он понимал, что брат может умереть, но всё ещё не хотел принимать эту мысль. Смерть он видел много раз. На войне, во время походов, среди родственников и знакомых. Однако смерть старшего брата представлялась чем-то иным. С Василием была связана значительная часть его собственной жизни. Они вместе возвышались и терпели неудачи, спорили и поддерживали друг друга. Даже когда расходились во мнениях, Иван знал, что может прийти к брату и услышать ответ. Теперь эта возможность исчезала.

Он взял руку Василия. Пальцы были горячими.

— Поправляйся, — сказал он негромко.

Старший не ответил. Иван ещё некоторое время сидел рядом. Потом осторожно отпустил руку.

Князь Василий Васильевич Шуйский умер поздней осенью 1538 года. Весть быстро распространилась по Кремлю. Для одних она означала потерю влиятельного покровителя. Другие надеялись, что после смерти старшего Шуйского придворное положение изменится. Третьи опасались новых столкновений, потому что теперь главная власть переходила к Ивану Васильевичу, человеку более решительному и менее склонному к длительным соглашениям. Но в доме покойного в первые часы никто не говорил о государственном управлении. Анастасия сидела

возле постели. Она не плакала сразу. Смотрела на лицо мужа, которое после смерти стало неподвижным и непривычно спокойным. Ещё утром она поправляла ему подушку и надеялась, что слабость отступит. Теперь рядом находились женщины, готовившие всё необходимое, и духовные лица, читавшие молитвы.

Княгиня слышала их голоса, но не сразу понимала обращённые к ней слова. Ей было трудно поверить, что брак, заключённый всего несколько месяцев назад, уже закончился. Она вспомнила день свадьбы. Большую церковную службу, праздничные одежды, множество людей, обсуждавших её новое положение. Тогда ей казалось, что впереди лежит долгая жизнь рядом с человеком, которого она ещё только начинала узнавать. Теперь этого человека не было. Одна из служительниц осторожно попросила княгиню перейти в соседнюю комнату. Анастасия покачала головой.

— Я здесь побуду.

Женщина не стала настаивать. Когда пришёл Иван Шуйский, младший брат некоторое время стоял у двери. Он видел покойного ещё вчера. Тогда Василий был слаб, но дышал, иногда открывал глаза, узнавал окружающих. Теперь перед ним лежало тело. Иван медленно подошёл. Он перекрестился, поклонился и некоторое время смотрел на брата. Анастасия подняла голову.

— Не уберегли.

Иван посмотрел на неё. Он хотел сказать, что сделано всё возможное, что приходили лекари, что болезнь оказалась сильнее человеческого старания. Но увидел лицо молодой вдовы и не стал произносить привычных слов утешения. Вместо этого сел рядом. Потом Анастасия неожиданно спросила:

— А теперь мне куда?

Иван не сразу понял.

— Что?

— Где мне жить?

Он посмотрел на неё внимательнее. Княгиня была совсем молода. Родные выдали её за Василия, рассчитывая устроить её положение и укрепить семейные связи. Теперь она овдовела, и её дальнейшая судьба вновь должна была определяться старшими родственниками и придворными решениями.

— Пока здесь останешься, — сказал Иван.

— А потом?

Он немного помолчал.

— Потом разберём.

Анастасия опустила глаза. Она уже знала, что подобный ответ ничего не обещает. Иван заметил её тревогу.

— Тебя не оставят без содержания, — добавил он. — Я прослежу.

Княгиня кивнула. Он ещё некоторое время сидел рядом, затем поднялся. Ему предстояло множество дел. Необходимо было распорядиться погребением, известить родственников, решить вопросы о служителях, владениях и имуществе покойного. Одновременно требовалось обеспечить непрерывность государственного управления. Но прежде Иван снова подошёл к брату. Осторожно коснулся его руки. Потом перекрестился и вышел.

О смерти Василия Шуйского Ивану сообщили после утренних занятий. Мальчик сидел возле окна с книгой. Юрий находился рядом, занимаясь деревянными фигурками. Пришла Анастасия Петровна. Она была одета в тёмное платье, лицо выглядело осунувшимся. Ульяна сразу поняла, что произошло. Княгиня поздоровалась с детьми и некоторое время не могла начать разговор. Иван заметил её состояние.

— Василий Васильевич умер?

Анастасия подняла глаза.

— Умер, Иван Васильевич.

Мальчик опустил книгу. Он не удивился так сильно, как ожидала княгиня. В последние месяцы смерть слишком часто появлялась в его жизни. Простыня на постели и молчавшие взрослые заставили вспомнить недавние похороны. Однако теперь ему стало особенно неприятно оттого, что совсем недавно он разговаривал с Шуйским и держал в руках его старый походный шлем.

— А он мне обещал, — тихо сказал Иван.

Анастасия не сразу поняла.

— Что обещал?

— Ещё шлем показать.

Княгиня почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Она села рядом.

— Он тебя помнил, Иван Васильевич.

Мальчик смотрел на неё.

— А ты теперь одна?

Анастасия опустила голову.

— Одна.

Иван немного подумал. Он вспомнил, как после смерти матери не хотел оставаться в комнате без Ульяны. Как Юрий ночью искал его. Как трудно было привыкнуть к тому, что знакомый человек больше не придёт.

— Ты можешь к нам приходить, — сказал он.

Княгиня подняла глаза. Мальчик продолжил:

— У нас Юра. И Ульяна. И книги есть.

Анастасия попыталась улыбнуться.

— Благодарствую, Иван Васильевич.

Он немного помолчал.

— А если тебе грустно будет, приходи.

Княгиня не выдержала и заплакала. Ульяна осторожно подошла, но Анастасия остановила её движением руки. Она не хотела, чтобы мальчик испугался слёз. Иван сидел неподвижно. Потом придвинул к ней небольшую деревянную фигурку коня, лежавшую на столе.

— Это мне подарили, — сказал он. — Можешь посмотреть.

Анастасия взяла игрушку. Она долго рассматривала тонко вырезанную гриву, маленькое седло, аккуратные ноги. Потом вернула коня.

— Очень красивый.

Иван кивнул. Они ещё немного посидели вместе. Когда княгиня собралась уходить, мальчик проводил её до двери. Уже в переходе он спросил:

— А Иван Васильевич теперь один?

Анастасия поняла, кого он имеет в виду.

— Брата у него больше нет.

Иван задумался. Он посмотрел в сторону детских покоев, где оставался Юрий. Потом тихо сказал:

— Это плохо.

Княгиня не ответила. Она осторожно погладила мальчика по голове и ушла.

После смерти Василия Васильевича государственные дела постепенно сосредоточились в руках его брата Ивана. Перемена происходила без особой торжественности. Не требовалось объявлять нового государя: великим князем оставался Иван Васильевич, сын Василия Ивановича. Но при дворе все понимали, что теперь главным распорядителем становится другой человек. Иван Шуйский не собирался отказываться от положения, которое приобрёл вместе со старшим братом. Он хорошо знал людей, служивших при дворе, имел собственные связи

среди бояр и воевод, участвовал в важнейших решениях последних месяцев. Однако теперь ему приходилось действовать без Василия. Это ощущалось с первого дня.

Прежде многие спорные вопросы он передавал старшему брату, иногда раздражаясь из-за его осторожности. Теперь окончательное решение требовали от него самого. На одном из первых совещаний после смерти Василия Шуйского возник спор о прежних пожалованиях. Двое бояр ссылались на распоряжения покойного. Третий требовал пересмотреть дело, считая себя несправедливо обойдённым. Иван слушал некоторое время, затем резко остановил спор.

— Старое решение без нужды трогать не станем.

Один из бояр возразил:

— Князь Василий Васильевич обещал разобраться.

— Разберём.

— Когда?

Иван поднял глаза.

— Когда государевы дела позволят.

Боярин замолчал. После совещания князь долго сидел над бумагами. Он впервые почувствовал, сколько различных просьб и обязательств сходилось к старшему брату. Василий не всегда исполнял обещания быстро, но умел помнить, кто чего добивается и каким решением можно удержать равновесие между соперничающими людьми. Иван привык действовать иначе. Он считал, что ясное распоряжение лучше долгих переговоров. Теперь ему предстояло проверить это убеждение на деле.

Вечером он приказал пересмотреть круг людей, имеющих доступ к великокняжеским покоям. Среди прочего велел установить, кто сопровождает Ивана и Юрия во время занятий, церковных выходов и прогулок по Кремлю. Распорядитель принёс список. Иван внимательно просмотрел имена.

— Ульяна кто?

— При детях служит, княже.

— Давно?

— Ещё при Елене Васильевне.

Князь нахмурился. После смерти правительницы он не любил оставлять возле государя людей, чьё положение прежде зависело от её личного доверия.

— Надёжная?

Распорядитель немного помолчал.

— За князем Юрием хорошо смотрит.

— Я про другое спрашиваю.

Человек опустил глаза.

— В государственные дела не вмешивается.

Иван ещё раз посмотрел на имя.

— Пока оставь.

Он перевернул лист. Среди прочих значилась молодая женщина, недавно назначенная воспитательницей. Распорядитель объяснил, что она исполняет службу добросовестно, но не всегда умеет обращаться с младшим князем. Иван нахмурился.

— Так зачем держите?

— Других надо подобрать.

— Подбирайте.

Он отложил список. В отличие от старшего брата, Иван не считал необходимым подробно разбирать бытовые особенности жизни детей. Его интересовало прежде всего, чтобы возле государя находились люди, не связанные с враждебными боярскими домами. Но в тот же вечер ему пришлось столкнуться с обстоятельством, которое не укладывалось в подобный порядок.

В детских покоях Юрий разбил небольшую глиняную чашу. Это произошло во время ужина. Мальчик потянулся к стоявшей на столе деревянной фигурке, задел рукавом чашу, и та упала на пол. Раздался резкий треск. Несколько осколков разлетелись возле скамьи. Юрий испугался. Он резко отдёрнул руки, потом закрыл уши ладонями. Ульяна поспешила к нему, но младший князь отвернулся и начал плакать. Иван сразу поднялся.

— Не трогайте его!

Служительница, уже собиравшая осколки, остановилась. Мальчик подошёл к брату. Юрий сидел, прижавшись к стене. Он не смотрел на окружающих и продолжал плакать. Иван осторожно присел рядом.

— Юра.

Младший не поднял головы. Иван не стал повторять. Он взял знакомую деревянную фигурку, положил её перед братом и немного подождал. Юрий наконец посмотрел. Старший медленно передвинул игрушку по скамье, остановил возле края и снова вернул назад. Младший следил за движением. Плач постепенно стих. Иван осторожно положил фигурку ему в руку. Юрий взял её и прижал к груди. Ульяна наблюдала за мальчиками. Она давно заметила, что младший князь особенно сильно пугается внезапных резких звуков, хотя не всегда откликается на обычную речь. Сегодня испуг оказался сильнее привычного. Когда Юрий успокоился, Иван помог ему спуститься со скамьи. Служительница уже убрала осколки.

Юрий вдруг вытащил из-под себя ладонь и указал не на разбитую чашу, а на опрокинутую игрушку. Иван поднял её. Младший повернул фигурку правильной стороной, провёл ею по скамье и остановил перед братом. Он ещё дрожал, но уже сам выбрал, чем заняться. Иван не стал ни обнимать его против воли, ни звать кого-нибудь на помощь: просто повторил движение. Тогда Юрий придвинул к нему вторую фигурку, как приглашение продолжать.

Но в комнату вошёл человек, приставленный новым распорядителем для наблюдения за порядком. Он услышал шум и теперь требовал объяснений.

— Что здесь случилось?

Ульяна рассказала. Человек посмотрел на Юрия.

— Чашу разбил?

— Нечаянно, — ответила женщина.

— Государевы вещи беречь надобно.

Иван резко повернулся.

— Он нечаянно.

Служитель поклонился.

— Ведомо, государь. Только порядок соблюдать следует.

Мальчик нахмурился.

— Ты его не ругай.

— Не ругаю.

— Ругаешь.

Человек поискал глазами Ульяну, надеясь, что она остановит старшего мальчика. Но женщина стояла возле осколков, всё ещё не поднимая их: если сейчас вступить в спор, Юрий снова испугается. Служитель понял, что проще уйти, чем заставить восьмилетнего государя подтвердить дворцовое правило.

— Я только сказал, что вещи беречь надобно, — произнёс служитель осторожнее.

Иван посмотрел на него.

— Я слышал.

Некоторое время они молчали. Потом мальчик взял Юрия за руку и повёл к игрушкам. Человек решил не продолжать спор. Но на следующий день сообщил Ивану Шуйскому, что старший государь слишком часто вмешивается в распоряжения приставленных людей. Князь выслушал.

— В чём вмешивается?

Распорядитель рассказал о разбитой чаше. Иван Васильевич некоторое время молчал.

— Из-за чаши спорили?

— Государь за брата заступился.

Князь нахмурился. Ему не понравилось, что взрослый человек счёл нужным докладывать о такой мелочи.

— А ты сам что сделал?

— Порядок объяснил.

— Кому?

— Государю.

Иван Шуйский посмотрел на него.

— Чаша дорогая была?

— Нет, княже.

— Тогда иди и займись делом.

Распорядитель смутился. Он ожидал поддержки, но получил резкий ответ. Когда человек ушёл, Иван Васильевич некоторое время сидел неподвижно. Ему вспомнился старший брат. Василий, вероятно, тоже счёл бы подобный спор недостойным внимания. Но затем непременно начал бы расспрашивать о детях, о воспитателях, о том, почему мальчик испугался. Сам Иван не имел желания разбираться в таких подробностях. Однако теперь у него не было старшего брата, которому можно было передать неприятный вопрос.

В один из ноябрьских дней Иван Шуйский пришёл в великокняжеские покои. Мальчик занимался чтением. Юрий сидел рядом с Ульяной, перебирая деревянные фигурки. Князь остановился у двери, некоторое время наблюдая за детьми. Иван заметил его и поднялся.

— Здравствуй, Иван Васильевич.

Шуйский поклонился.

— Здравствуй, государь.

Мальчик посмотрел на него.

— Ты теперь вместо брата?

Вопрос прозвучал так прямо, что князь невольно нахмурился.

— В каких делах?

— В тех, что Василий Васильевич делал.

Иван Шуйский немного помолчал.

— Пока мне поручено о государевых делах заботиться.

Мальчик задумался.

— А кто поручил?

Князь посмотрел на него внимательнее.

— Бояре согласились.

— А меня спросили?

Иван почувствовал раздражение. Он уже слышал, что мальчик часто задаёт подобные вопросы. Старший брат относился к этому спокойнее, иногда даже находил полезным объяснять ребёнку отдельные решения. Младший Шуйский не видел в этом особенной необходимости.

— Ты ещё мал, государь. Тебе учиться надобно.

Иван опустил глаза. Он снова услышал знакомые слова. Но сегодня не стал спорить. Вместо этого спросил:

— А ты с Василием Васильевичем часто ссорился?

Князь удивился.

— Случалось.

— Сильно?

— По-разному.

Мальчик немного подумал.

— А потом мирились?

Иван Шуйский посмотрел на него. Перед ним стоял ребёнок, которому ещё не исполнилось девяти лет. Он не понимал придворных споров, но знал, что братья могут сердиться друг на друга, а потом продолжать жить вместе. Князь вспомнил последний разговор с Василием. Вспомнил, как старший просил не ссориться со всеми и не торопиться с наказаниями.

— Мирились, — ответил он.

Мальчик кивнул. Потом повернулся к Юрию.

— Мы тоже ссоримся.

Иван Шуйский посмотрел на младшего князя. Юрий держал деревянного коня и внимательно рассматривал резную гриву.

— Из-за чего?

— Из-за игрушек. Иногда он мои берёт.

Князь невольно улыбнулся.

— А ты?

— Я сержусь. Потом отдаю.

Иван Шуйский некоторое время смотрел на мальчиков. Он хотел сказать что-нибудь о необходимости старшему быть снисходительным к младшему, но остановился. Вспомнил, как сам в молодости сердился на Василия за его наставления. Как спорил с ним, доказывая, что давно способен принимать решения самостоятельно. Теперь старшего брата больше не было. Князь подошёл к Юрию.

— Что у тебя?

Младший не ответил. Иван Васильевич наклонился и осторожно показал на игрушку. Юрий поднял голову. Князь протянул руку. Младший сначала прижал коня к себе, затем посмотрел на Ивана. Старший брат кивнул. Юрий осторожно передал игрушку Шуйскому. Князь рассмотрел фигурку.

— Добрая работа.

Он вернул её мальчику. Юрий улыбнулся. Иван Шуйский выпрямился.

— Ну, государь, занимайся.

Он направился к двери. Уже выходя, услышал, как Иван говорит брату:

— Видишь, он не сломал.

Князь невольно остановился. Потом пошёл дальше. В переходе его ожидали два боярина и служитель с грамотами. Едва увидев Шуйского, они начали докладывать о новых делах. Князь выслушал первую просьбу, приказал принести нужную книгу и направился в палату, где собирался совет. Детские голоса остались за закрытой дверью.

К концу ноября в Москве установились устойчивые холода. Снег ещё не лежал постоянно, но по утрам земля белела от инея. На улицах стало меньше торговых телег, зато чаще встречались люди с дровами, сеном и зимними припасами. Кузнец Фома готовился к новым заказам. После завершения части работ на Китайгородской стене он чаще занимался обычным ремеслом. Чинил замки, подковы, железные части повозок. Иногда поступали заказы от служилых людей, которым требовалось подготовить снаряжение к зимней дороге. Никита помогал ему. Однажды утром в кузницу пришёл человек с большой связкой старых железных деталей.

Среди них оказались крепления от телеги, несколько повреждённых подков и сломанный замок. Фома начал разбирать вещи.

— Чья работа?

— Государева.

Кузнец поднял голову.

— Откуда?

— С дворцового двора.

Человек объяснил, что часть имущества после смерти Василия Шуйского переводят на другие места хранения. Некоторые старые повозки решили починить, другие разобрать на пригодные детали. Фома слушал, перебирая железо.

— И всё теперь через новые записи?

Посланный усмехнулся.

— А как же.

Никита, стоявший возле горна, спросил:

— Опять хозяева переменились?

Фома посмотрел на него.

— Хозяин в Кремле один.

— Государь?

— Государь.

— А распоряжается кто?

Кузнец не ответил сразу. Он взял старый замок, осмотрел повреждённую скважину и положил рядом с инструментами.

— Нам своё дело делать надобно.

Никита кивнул. Он уже привык, что мастер не любит долгих разговоров о боярах. Впрочем, Фома сам иногда задумывался о происходящем в Кремле. Он помнил Елену, приезжавшую на строительство, знал о её смерти и слышал об арестах, случившихся после. Теперь говорили, что умер Василий Шуйский, а его место занял брат. Для московских мастеровых подобные перемены прежде всего означали новые распоряжения, задержки платежей и необходимость снова доказывать, что работа действительно выполнена. Но Фома понимал и другое.

В Кремле жил маленький государь, которого он однажды видел возле строительства. Мальчик тогда с любопытством рассматривал каменную кладку и спрашивал, зачем нужны железные крепления. Теперь тому мальчику было восемь лет. Фома подумал, знает ли он вообще, сколько людей трудится в Москве от его имени. Потом взял клещи.

— Никита, железо грей.

Подмастерье повернулся к горну. Работа продолжилась.

Вечером Иван долго не мог заснуть. В соседней комнате Юрий уже спал. Ульяна сидела возле стола с шитьём. Светильник горел негромко, отбрасывая тени на деревянные стены. Мальчик лежал и прислушивался к звукам за дверью. Несколько раз проходили служители. Потом кто-то остановился возле входа, негромко поговорил со стражником и ушёл. Иван повернулся на бок.

— Ульяна.

Женщина подняла голову.

— Что, Иванушка?

— Ты спишь?

Она улыбнулась.

— Нет.

— А почему?

— Дело заканчиваю.

Мальчик немного помолчал.

— У тебя брат есть?

Ульяна удивилась.

— Был.

— Умер?

Она осторожно отложила шитьё.

— Давно уже.

Иван посмотрел на неё.

— Ты его помнишь?

— Помню.

— А какой он был?

Женщина задумалась. Она давно не рассказывала о собственном детстве. Придворная служба занимала почти всю её жизнь, и воспоминания о родительском доме постепенно отступили перед заботами о чужих детях.

— Весёлый был, — сказала она наконец. — Всё чего-нибудь мастерил. То свистульку вырежет, то маленькую тележку.

Иван заинтересовался.

— Как Юре?

— Похоже.

— А вы ссорились?

— Конечно.

— Из-за чего?

Ульяна улыбнулась.

— Из-за всякой мелочи. Я у него игрушку возьму, он у меня что-нибудь спрячет.

Мальчик немного подумал.

— А потом?

— Потом мирились.

Он посмотрел в сторону открытой двери. Юрий лежал неподвижно, укрытый старым шерстяным покрывалом. Иван тихо спросил:

— А когда брат умирает, его больше никогда не увидишь?

Ульяна почувствовала боль.

— На этом свете — нет, Иванушка.

Мальчик долго молчал. Потом спросил:

— А в церкви говорят, что увидимся?

— Говорят.

— Значит, увидимся?

Женщина осторожно подошла к постели. Она не хотела давать ребёнку обещаний, которые сама не могла объяснить.

— Мы молимся об этом, — сказала она.

Иван кивнул. Он ещё некоторое время смотрел в темноту. Потом неожиданно спросил:

— А если я умру, Юра один останется?

Ульяна опустилась рядом.

— Зачем ты об этом думаешь?

— Василий Васильевич умер. У него брат был. Теперь один.

Женщина осторожно погладила мальчика по волосам.

— Ты здоров, Иванушка. И Юра здоров.

— Мама тоже была здорова.

Ульяна не нашла ответа. Мальчик отвернулся к стене. Она немного посидела рядом, затем поднялась и вернулась к шитью. Через некоторое время Иван снова позвал её.

— Можно Юру сюда?

— Он спит.

— Я тихо.

Ульяна посмотрела на младшего князя. Потом осторожно подошла, подняла его вместе с покрывалом и перенесла в комнату старшего брата. Юрий проснулся лишь на мгновение. Увидев знакомое лицо Ивана, он снова закрыл глаза. Ульяна уложила его рядом. Мальчик осторожно придвинулся к брату.

— Спи, Юра.

Младший пошевелился и положил руку поверх его ладони. Иван не стал освобождать пальцы. Ульяна поправила покрывало, погасила лишний светильник и вернулась на своё место. Некоторое время в комнате было тихо. Потом Иван попросил:

— Ульяна, расскажи ещё про своего брата.

Женщина подняла голову. Она начала вспоминать старый родительский дом, зимние вечера, когда дети сидели возле печи, и маленькие деревянные игрушки, которые брат вырезал из обрезков досок. Рассказала, как однажды они вместе отправились за ягодами, заблудились возле лесной дороги и долго боялись возвращаться домой, потому что знали: мать будет сердиться. Иван слушал внимательно. Некоторые подробности заставили его улыбнуться. Особенно история о том, как брат Ульяны пытался поймать гуся, а тот неожиданно бросился за ним и прогнал через весь двор. Мальчик негромко засмеялся. Юрий пошевелился во сне. Иван сразу замолчал. Ульяна закончила рассказ и снова взялась за шитьё. Через некоторое время она заметила, что оба мальчика спят.

Иван лежал на боку, лицом к брату. Одна его рука оставалась поверх покрывала, и Юрий всё ещё держал её пальцами. Женщина осторожно поднялась, поправила сползшую ткань и немного постояла возле постели. Затем вернулась к своему месту. В переходе прошёл стражник. Его окликнули, назвали имя нового распорядителя, и шаги удалились. Ульяна не стала прислушиваться. Младшие наконец уснули. В комнате мальчиков было тепло. Ульяна отложила шитьё и погасила последний светильник. Перед образом продолжала гореть лампада.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

СЛОВА И КНИГИ

Москва. Декабрь 1538 — январь 1539 года.

Снег выпал ночью, и к утру Кремль сделался непривычно светлым. Белыми стали кровли хозяйственных построек, выступы каменных стен, широкие подоконники. На дворах ещё не успели расчистить дорожки, и первые служители оставляли глубокие следы, направляясь к конюшням, кухням и воротам. Возчики осторожно вели лошадей по замёрзшей земле, а возле колодцев люди сбивали лёд с деревянных желобов. Иван проснулся раньше, чем пришла Ульяна. Он некоторое время лежал, прислушиваясь к звукам за окном, потом поднялся и подошёл к узкому оконному проёму. Внизу двое служителей пытались передвинуть тяжёлые сани. Полозья застряли между камнями, один человек тянул за оглоблю, другой толкал сзади. Наконец сани сдвинулись, и оба едва удержались на ногах.

Мальчик улыбнулся. Ему нравился первый снег. В прежние зимы мать иногда разрешала выходить во двор после утренних занятий. Там устраивали небольшие горки, катали деревянные санки, лепили снежные стены. Однажды Иван с Юрием построили возле крыльца целую крепость, которую потом разрушили проходившие люди, не заметившие детской постройки. Теперь подобных развлечений стало меньше. После октябрьских событий дворцовые распорядители гораздо внимательнее следили за передвижениями великого князя. Его сопровождали даже на коротких прогулках. В некоторых переходах появились новые служители, а возле дверей чаще спрашивали, куда и по какому делу идёт человек.

Иван уже перестал удивляться каждому такому распоряжению. Но иногда ему хотелось просто выйти во двор и побежать по снегу, не дожидаясь, пока взрослые решат, где это можно сделать. Он вернулся к постели. Юрий ещё спал в соседней комнате. Дверь между покоями оставалась открытой, и Иван видел край его покрывала. Младший брат лежал, повернувшись к стене, прижимая к себе деревянного коня. На столе возле окна находились приготовленные для занятий книги. Иван взял верхнюю. Это была Псалтырь в тёмном кожаном переплёте. Книга уже не была новой. Углы обложки потёрлись, на корешке виднелись следы прежнего ремонта, некоторые страницы потемнели от частого перелистывания. Её принесли для занятий после того, как мальчик достаточно освоился с более простыми молитвенными текстами.

Он осторожно раскрыл книгу. Красная начальная буква занимала несколько строк. Вокруг неё тянулся тонкий растительный узор. Остальные буквы были написаны чёрными чернилами, ровно и плотно. Иван начал читать вполголоса. Некоторые слова давались легко. Он давно слышал их во время церковных служб и узнавал почти сразу. Другие приходилось разбирать по складам, возвращаясь к началу строки. Особенно трудно было там, где над буквами стояли сокращения или встречались непривычные написания. Он уже дошёл до середины страницы, когда вошёл учитель. Пожилой человек, служивший при дворцовом духовенстве, остановился у двери и поклонился.

— Рано поднялся, государь.

Иван обернулся.

— Снег выпал.

— Вижу.

— Я читал.

Учитель подошёл к столу.

— Что прочёл?

Мальчик показал строку. Старик присел рядом и выслушал. Иван начал уверенно, но на длинном слове запнулся. Попробовал ещё раз, переставил два звука и раздражённо захлопнул книгу.

— Не получается.

Учитель не стал его торопить. Он снова раскрыл страницу и указал на знакомые буквы.

— Вот это ты знаешь.

— Знаю.

— И это.

— Знаю.

— А теперь соединяй.

Иван медленно повторил слово. На этот раз получилось правильно.

— Видишь? — сказал учитель.

Мальчик нахмурился.

— Когда ты показываешь, легко.

— Потому и учимся.

Иван посмотрел на раскрытую страницу.

— А почему здесь буквы не такие, как у Матвея?

Учитель понял, о чём речь. Деловые грамоты писались иначе, чем церковные книги. У дьяков почерк был более беглым, отдельные буквы соединялись, некоторые слова сокращались. Книжный писарь заботился о ровности строк и красоте письма, а государеву дьяку приходилось составлять множество документов, иногда в большой спешке.

— Здесь книжное письмо, — объяснил учитель. — У дьяков другое.

— А какое правильное?

— Оба правильные, коли без ошибки написаны.

Иван задумался.

— А как узнать, что ошибка?

Старик придвинул книгу.

— Для того надобно грамоту хорошо знать.

Он предложил мальчику прочитать следующую строку. Иван начал снова. За окном продолжали скрипеть сани. В соседней комнате проснулся Юрий и негромко позвал Ульяну. Служительница подошла к нему, помогла подняться и стала готовить одежду. Иван на мгновение отвлёкся, но учитель осторожно коснулся страницы.

— Дочитывай.

Мальчик вернулся к книге. Сегодня ему впервые удалось без подсказки разобрать длинное незнакомое слово. Он повторил его несколько раз, довольный тем, что сумел справиться самостоятельно. Но когда учитель попросил объяснить прочитанное, Иван снова растерялся. Он знал каждую букву. Слово тоже сумел прочитать. А смысл оставался непонятным.

Учитель не считал подобное затруднение необычным. В его собственной юности учение грамоте начиналось с долгого заучивания букв. Потом следовали склады, молитвы, Часослов, Псалтырь. Человек мог годами читать знакомые тексты, не всегда понимая каждое выражение. Постепенно память, привычка и объяснения наставника помогали разбираться в прочитанном. С Иваном дело осложнялось тем, что мальчик не желал довольствоваться правильным произношением. Если он узнавал новое слово, то почти непременно спрашивал, что оно означает. Если учитель приводил пример из Священного Писания, Иван пытался представить, как происходило описанное событие. Иногда вопросы оказывались простыми, иногда неудобными, а иной раз такими, на которые старому наставнику приходилось отвечать очень осторожно.

Сегодня мальчик захотел узнать, почему одно слово в церковном тексте означает не совсем то же самое, что в обыкновенной речи. Учитель начал объяснять. Иван слушал, потом попросил привести другой пример. Старик назвал несколько слов, которые в книгах употреблялись иначе, чем в повседневном разговоре. Мальчик задумался.

— А если я слово знаю, но неправильно понимаю?

— Тогда спрашивай.

— А если рядом никого нет?

— Читай дальше. Иное из соседних слов понятно станет.

— А если не станет?

Учитель улыбнулся.

— Тогда оставь до другого раза.

Иван нахмурился. Он не любил оставлять дело незаконченным. Впрочем, продолжить разговор не удалось. Пришла Ульяна и сообщила, что мальчикам пора завтракать. Учитель закрыл книгу, вложил между страницами тонкую закладку и поднялся. Иван посмотрел на него.

— А завтра будем читать?

— Будем.

— И другое тоже?

— Что именно?

Мальчик немного подумал.

— Про князей. Которые давно жили.

Старик внимательно посмотрел на него. Иван уже видел летописные книги. Иногда мать показывала ему отдельные изображения и рассказывала о прежних русских государях. Но до самостоятельного чтения подобных текстов мальчик ещё не дорос. В летописях встречались незнакомые имена, древние названия городов, сложные обороты речи.

— Можно попробовать, — ответил учитель.

Иван сразу оживился.

— Завтра?

— Если нынешнее чтение закончишь.

Мальчик кивнул. Он поспешил к завтраку, решив непременно справиться с оставшимися строками. Ульяна заметила его хорошее настроение.

— Что случилось?

— Мне другую книгу покажут.

— Какую?

— Про старых князей.

Женщина улыбнулась.

— Смотри, глаза не утоми.

Иван не ответил. Он уже представлял большую книгу с изображениями городов, воинов и князей. Ему хотелось увидеть не только знакомые церковные слова, но и рассказы о людях, чьи имена он слышал во время торжественных служб. Юрий сидел рядом, разбирая небольшую деревянную повозку. Иван попытался объяснить ему, о какой книге идёт речь. Но младший заинтересовался лишь тогда, когда старший начал показывать руками, как всадники едут к крепости. Они некоторое время играли прямо на столе, пока Ульяна не велела убрать игрушки и закончить завтрак.

В казённых палатах чтение имело совсем другое назначение. Матвей Лазарев редко задумывался о красоте букв. Его интересовало, чтобы имя было написано правильно, сумма сходилась, дата не противоречила прежним записям, а государева грамота ясно определяла, что именно надлежит исполнить. В декабре работы оказалось много. После смерти Василия Шуйского некоторые дела снова задержались. Люди, получившие обещания от покойного князя, приходили требовать исполнения. Другие надеялись пересмотреть решения, которые прежде считались окончательными. Новый главный распорядитель, Иван Васильевич Шуйский, не любил долгих разбирательств, однако даже ему приходилось признавать, что без точных записей невозможно определить, кому что обещано. Матвей проводил за книгами почти весь день.

Лука помогал ему, постепенно перенимая привычки старшего дьяка. Теперь он реже торопился переписать документ сразу и чаще проверял прежние записи. Иногда это раздражало просителей, которым хотелось поскорее получить ответ, но Матвей не позволял подьячему пренебрегать проверкой. В одно утро Лука принёс небольшую связку бумаг, поступивших с западной границы.

— Ответы пришли.

Матвей поднял голову.

— По каким делам?

— О людях, что после войны без вести остались. И ещё несколько расспросных записей.

Дьяк придвинул бумаги. В одном списке значились люди, которых видели среди пленных. В другом находились имена тех, кто сумел вернуться. Некоторые сведения были получены со слов торговцев и не имели надёжного подтверждения. Матвей начал читать. На середине первой страницы остановился.

— Здесь Степан назван.

Лука приблизился.

— Какой?

— Без отчества. И без прозвания.

Подьячий посмотрел на запись. Действительно, в ней значилось лишь имя Степан и указание, что человек происходил из русских земель. Рядом находилась помета о том, что его видели среди пленных. Лука сразу вспомнил стародубское дело.

— Может, Лыков?

Матвей не ответил. Он развернул прежнюю запись, где находились сведения о пропавшем сыне плотника Антипа Лыкова. Возраст подходил приблизительно. Но ни примет, ни названия прежнего места жительства в новом сообщении не было.

— Надобно уточнить, — сказал дьяк.

Лука нахмурился.

— А вдруг это он?

— Может, он. А может, другой.

— Родным ведь хоть известие дать надо.

Матвей посмотрел на него внимательно.

— Какое?

Подьячий немного помолчал.

— Что человек с таким именем найден.

— Не найден. Только слышали о нём.

— Но надежда есть.

Матвей отложил лист.

— Надежду писать в грамоте нельзя.

Лука опустил глаза. Старший дьяк некоторое время рассматривал его.

— Представь, что ты отец того Степана. Тебе сообщают, будто сын жив. Ты бросаешь работу, тратишь последние деньги, отправляешься искать. А там оказывается другой человек.

Подьячий молчал.

— Как тогда? — спросил Матвей.

— Тяжело будет.

— Вот потому сперва спрашивать надобно.

Он велел составить запрос с подробными приметами: примерный возраст, происхождение, занятие плотницким делом, старый ожог на руке. Следовало также выяснить, где именно видели пленного и кто мог подтвердить сведения. Лука принялся писать. Через некоторое время он остановился.

— Матвей Иванович, а если тот человек уже умер?

Дьяк поднял глаза.

— Тогда тоже надобно знать наверняка.

— А если узнать невозможно?

Матвей немного помолчал.

— Тогда так и напишем.

Подьячий продолжил работу. Он старался выводить буквы особенно разборчиво. Каждая примета должна была дойти до человека, которому предстояло искать ответ. Когда запись была закончена, Матвей внимательно прочитал её и велел переписать начисто. Лука тяжело вздохнул.

— Опять?

Дьяк показал на одно слово. Подьячий пригляделся. В названии города он пропустил букву.

— Исправлю.

— Исправь.

Лука взял новый лист. Ему хотелось возразить, что ошибка незначительная и всякий грамотный человек поймёт, о каком городе идёт речь. Но после недавнего разговора он предпочёл промолчать.

В Стародубе декабрь оказался холодным. Антип Лыков закончил основные работы возле собственного дома и теперь чаще занимался починкой саней, дверей и деревянных частей хозяйственных построек. Его повреждённая рука в морозные дни ныла сильнее обычного, поэтому тяжёлую работу он распределял между несколькими днями. Дарья приготовила зимние запасы настолько, насколько позволяли средства. Хозяйство ещё не оправилось после военного разорения. Некоторые вещи пришлось делать заново, другие покупать, отказываясь от менее необходимого. Настя помогала матери. Девочка выросла и стала серьёзнее. Теперь ей поручали не только носить воду и убирать щепу, но и следить за огнём в печи, пока взрослые занимались работой. Иногда она ошибалась, забывала порученное, за что Дарья сердилась, но в целом дочь уже приносила дому настоящую пользу.

В один из вечеров Антип вернулся от знакомого служилого человека с небольшим клочком бумаги. Дарья сразу заметила, что муж чем-то взволнован.

— Что принёс?

— Говорят, из Москвы по пленным снова расспрашивают.

Женщина отложила работу.

— По нашим?

— И по нашим.

— А про Степана?

Антип осторожно развернул бумагу.

— Есть человек с таким именем.

Дарья поднялась.

— Где?

— Не знают ещё толком.

Она подошла ближе.

— Кто сказал?

Антип назвал знакомого, через которого получил известие. Дарья внимательно выслушала.

— А фамилию?

— Нет.

— Приметы?

— Тоже нет.

Женщина некоторое время молчала. Потом села обратно. Она слишком хорошо знала цену подобным слухам. За прошедшие годы появлялись известия о людях, которых якобы видели в плену, о раненых, сумевших выбраться из окружения, о молодых плотниках, работавших в чужих городах. Каждый раз хотелось верить, что речь идёт о Степане. Каждый раз выяснялось, что сведений недостаточно.

— Может, другой, — тихо произнесла Дарья.

Антип кивнул.

— Может.

Настя подошла к родителям.

— Про Степана говорите?

Мать посмотрела на неё.

— Говорим.

— Он нашёлся?

Антип не сразу ответил.

— Пока нет.

Девочка опустила глаза. Потом спросила:

— А зачем тогда бумага?

Отец показал ей лист.

— Чтобы не забыть, у кого спрашивать.

Настя внимательно смотрела на неровные строки. Она ещё не умела читать. Знала несколько букв, которым отец научил её в редкие свободные вечера, но целые слова оставались непонятными.

— А здесь его имя?

Антип показал нужное место.

— Здесь.

Девочка осторожно провела пальцем по бумаге.

— Степан?

— Степан.

Она повторила имя. Потом спросила:

— А если я выучу буквы, смогу сама читать, где про него написано?

Антип посмотрел на дочь. Он никогда особенно не задумывался о том, чтобы учить её грамоте. В семье плотника прежде всего требовались рабочие руки, и даже сам Антип читал с трудом. Но теперь увидел, с каким вниманием Настя рассматривает бумагу.

— Сможешь, коли научишься, — ответил он.

— Научи.

Отец немного помолчал.

— Попробуем.

Вечером он достал старую деревянную дощечку, выровнял поверхность ножом и начал показывать дочери несколько букв. Настя повторяла их старательно. Некоторые запоминала сразу, другие путала. Особенно трудно ей давались буквы, похожие по очертанию. Дарья наблюдала за ними возле печи. Ей нравилось видеть дочь увлечённой делом, но мысли продолжали возвращаться к полученному известию. Когда Настя уснула, женщина тихо спросила мужа:

— Поедешь снова?

Антип не сразу ответил.

— Пока некуда.

— А если узнают?

— Тогда поеду.

Дарья кивнула. Он убрал бумагу в деревянную коробку, где хранились прежние записи и несколько вещей сына. Потом закрыл крышку.

К середине декабря Иван уже мог достаточно уверенно читать знакомые места из Псалтыри. Учитель не торопился переходить к более трудным книгам. Он заставлял мальчика возвращаться к прежним строкам, следить за произношением и объяснять прочитанное. Иван иногда сердился. Ему казалось, что одно и то же повторяют слишком часто. Но когда наставник открывал страницу, которую мальчик давно не видел, выяснялось, что некоторые слова он снова забывает. Особенно раздражало его письмо. Читать было легче. Глаза постепенно привыкали к буквам, а знакомое слово нередко узнавалось целиком. Но стоило взять перо, как уверенность исчезала.

Чернила растекались, строки уходили вверх, отдельные буквы получались слишком широкими. Иногда рука уставала раньше, чем он успевал закончить короткую запись. Учитель заставлял пользоваться восковой дощечкой, прежде чем переходить к бумаге. Мальчик не любил это занятие. Воск казался ему детской забавой, тогда как настоящие дьяки писали на больших листах и составляли грамоты, которые отправлялись в города. Однажды Иван попытался сам переписать несколько строк из книги. Он старательно вывел первую букву, затем вторую. На третьей ошибся, попытался исправить и испортил начало слова. Раздражённый, он отложил перо.

— Не буду.

Учитель поднял голову.

— Почему?

— Всё криво.

Старик посмотрел на лист.

— Криво. Потому что торопился.

— Я не торопился.

— Тогда руку неправильно держал.

Иван нахмурился.

— Матвей быстро пишет.

— Матвей много лет учился.

— А я сколько должен?

— Пока не научишься.

Мальчик отвернулся к окну. За ним лежал снег. На дворе несколько человек разгружали сани, привезшие дрова. Ему захотелось выйти к ним, посмотреть, как укладывают поленья, и хоть ненадолго забыть о неудобном пере. Учитель заметил его настроение.

— Хочешь, другую книгу покажу?

Иван сразу повернулся.

— Про князей?

— Про них.

Старик вышел и через некоторое время вернулся с большой рукописной книгой. Её принесли из дворцового книжного собрания. Переплёт был обтянут потемневшей кожей, на застёжках виднелись следы ремонта. Книга оказалась тяжелее, чем Иван ожидал. Учитель положил её на стол и осторожно раскрыл. Мальчик придвинулся ближе. На первой открытой странице находились крупные буквы и несколько красных строк. Дальше шёл плотный текст, написанный непривычным почерком.

— Это летописное повествование, — объяснил наставник.

Иван смотрел на страницу.

— А где князья?

— Здесь написано о них.

— А нарисовано?

— Не на всякой странице.

Мальчик слегка разочаровался. Он ожидал увидеть изображения воинов, городов и битв. Вместо этого перед ним оказались длинные строки, похожие на те, которые он с таким трудом разбирал во время занятий. Учитель заметил его выражение.

— Не всякую историю рисуют. Иную словами передают.

Он начал читать. Речь шла о древних русских князьях, о родственных распрях, походах и борьбе за власть. Иван слушал внимательно. Некоторые имена были ему знакомы по церковным службам. Другие он слышал впервые. Когда рассказ дошёл до князей Бориса и Глеба, мальчик неожиданно попросил остановиться.

— Они братья были?

— Братья.

— А кто их убил?

Учитель объяснил, что в житийном и летописном повествовании убийство связывалось с их братом Святополком. Иван некоторое время смотрел на книгу.

— Зачем?

Наставник начал рассказывать о борьбе за княжескую власть после смерти отца, о страхе соперничества и желании избавиться от возможных противников. Мальчик слушал всё мрачнее.

— А они что сделали?

— Борис и Глеб приняли смерть, не подняв руки на брата.

Иван нахмурился.

— Почему?

Учитель объяснил, как церковное предание говорит об их смирении и нежелании проливать братнюю кровь. Мальчик не сразу понял. Он привык, что обиженного человека следует защищать. Если Юрия кто-нибудь толкал или отнимал игрушку, Иван немедленно вмешивался. Ему трудно было представить, что взрослый князь, знающий об опасности, не пытается спастись.

— А если бы они уехали? — спросил он.

— Не знаю, государь.

— А если бы спрятались?

Учитель немного помолчал.

— В книге рассказывается о том, как они приняли смерть.

Иван опустил глаза. Ему не понравилось, что рассказ не отвечает на все вопросы.

— А Святополк потом что?

Наставник продолжил чтение. Иван слушал, но мысленно всё время возвращался к двум братьям. Он пытался представить, как один человек может решиться убить другого, если они выросли в одной семье, знали друг друга с детства, ели за одним столом. Наконец он спросил:

— А он их любил, когда маленький был?

Учитель поднял глаза. В книге об этом почти ничего не говорилось.

— Не всякое известно, государь.

— А кто написал?

— Летописцы и книжные люди. По прежним рассказам и записям.

— Они сами видели?

— Не всё.

Иван посмотрел на страницу. До этого он представлял книгу чем-то совершенно надёжным. Если взрослые читали написанное, значит, всё происходило именно так. Теперь выяснилось, что человек может записывать события, которых сам не видел.

— А откуда знали?

Учитель начал объяснять, что сведения сохраняются в прежних записях, свидетельствах и преданиях. Разные люди могут рассказывать об одном событии по-разному, поэтому книжнику приходится выбирать, что считать достоверным. Мальчик слушал внимательно. Потом спросил:

— А если ему неправду сказали?

Старик немного помолчал.

— Такое тоже бывает.

Иван снова посмотрел на книгу. Он не перестал доверять прочитанному. Но теперь хотел знать, как отличить рассказ очевидца от того, что люди повторяют друг за другом. Учитель предложил закончить занятие. Мальчик не возражал. Когда большую книгу унесли, Иван долго сидел возле стола. Потом пошёл к Юрию. Младший брат устроился на полу, окружённый деревянными фигурками. Увидев Ивана, он поднял голову и улыбнулся. Старший присел рядом. Некоторое время молча наблюдал, как Юрий строит ворота. Потом взял небольшого всадника и поставил возле другой стороны крепости. Юрий потянулся за игрушкой. Иван отдал. Младший радостно придвинул к нему другого коня. Они начали играть. Через некоторое время Иван неожиданно обнял брата.

Юрий удивился, попытался освободить руку, затем снова вернулся к деревянной крепости. Иван не стал мешать.

В январе по Москве разошлись разговоры о новом митрополичьем послании. Даниил обращался к духовенству и верующим со словами о смирении, согласии и необходимости прекратить раздоры. Люди, знавшие положение при дворе, понимали, что подобные наставления обращены не только к обычным прихожанам. После октябрьских событий положение митрополита стало непрочным. Его связь с Иваном Бельским и поддержка неугодных Шуйским пожалований не были забыты. Влиятельные бояре всё чаще относились к нему с недоверием, а некоторые открыто считали, что церковный глава слишком глубоко вмешивался в государственные дела. Сам Даниил понимал опасность.

Он не собирался изображать себя человеком, стоявшим в стороне от прежних столкновений. За годы правления Василия Ивановича и Елены Глинской ему приходилось поддерживать решения, которые приносили одним людям пользу, другим — тяжёлые последствия. Но теперь он видел, насколько далеко зашла борьба.

В начале января митрополит долго работал над новым посланием. На столе лежали приготовленные листы. Рядом находились церковные книги, к которым он обращался за нужными словами. Один из помощников переписывал начисто уже законченные места. Даниил несколько раз останавливал его, уточняя выражения. Ему хотелось, чтобы послание было достаточно ясным для духовенства и мирян, но не превратилось в прямое обвинение одного

из боярских домов. Он писал о распрях, о гордости, о необходимости любви и согласия. Но за каждым общим словом стояли вполне определённые события последних месяцев. Когда работа подошла к концу, помощник прочитал текст вслух. Даниил слушал внимательно.

В одном месте попросил изменить слово. В другом — переставить несколько строк. Потом долго сидел молча. Помощник спросил:

— Владыка, посылать велишь?

Митрополит поднял глаза.

— Посылать.

— А бояре как примут?

Даниил посмотрел на лежащие перед ним бумаги.

— Как захотят.

Помощник не стал продолжать разговор. Он собрал листы и вышел. Даниил остался один. Через окно виднелся заснеженный двор. Возле ворот стояли люди, ожидавшие возможности обратиться к митрополиту с просьбами. Одни пришли из монастырей, другие представляли приходские церкви, третьи просили разрешить имущественные споры. Обычная церковная жизнь продолжалась. Но Даниил всё чаще чувствовал, что его собственное положение зависит от людей, не желающих слышать его наставлений.

Через несколько дней митрополиту сообщили, что великий князь хочет показать ему книгу. Даниил удивился. Он давно поддерживал интерес Ивана к чтению, однако после осенних событий встречи стали реже. Придворные распорядители не всегда охотно позволяли мальчику приходить на митрополичий двор, а самому Даниилу приходилось учитывать отношение Шуйских к его прежним действиям. Тем не менее он согласился принять государя. Ивана привели после утренней службы. Мальчик нёс небольшую книгу, ту самую, что прежде принадлежала матери. Он держал её обеими руками и не позволил служителю забрать по дороге. Даниил встретил его в небольшой палате.

— Что принёс, государь?

Иван осторожно положил книгу на стол.

— Мамино.

Митрополит узнал переплёт. Он помнил, как Елена иногда держала эту книгу возле себя. Она любила читать в свободные часы, хотя такие часы выпадали редко.

— Хорошая книга, — сказал он.

Иван кивнул.

— Я уже многое здесь читаю.

— Покажи.

Мальчик раскрыл знакомую страницу и начал читать. Даниил слушал. Иван несколько раз запнулся, но теперь старался сам исправлять ошибки. На трудном слове остановился, посмотрел на митрополита и попросил объяснить. Даниил указал на нужные буквы. Мальчик повторил. Затем неожиданно спросил:

— Владыка, а если в книге неправда написана?

Митрополит поднял голову.

— Отчего спрашиваешь?

Иван рассказал о летописном чтении. Он говорил сбивчиво, иногда возвращался к прежним словам, путал имена и последовательность событий. Но Даниил постепенно понял, что мальчика встревожила история Бориса и Глеба.

— Ты читал об их смерти?

— Читал. Учитель показывал.

— И что же тебя смутило?

Иван посмотрел на книгу.

— Их брат убил.

— Так повествует предание.

— А зачем?

Митрополит начал объяснять о княжеских распрях, о стремлении к власти, о том, что люди иногда совершают страшные поступки ради собственного возвышения. Мальчик слушал. Потом спросил:

— А другие братья так делают?

Даниил посмотрел на него внимательнее. Перед ним сидел сын Василия Ивановича, потерявший обоих родителей и почти всех людей, которым привык доверять. В соседних покоях Кремля жил его младший брат Юрий. Мальчик ещё не знал многих исторических обстоятельств, но хорошо понимал страх разлуки.

— Не все, — ответил митрополит.

Иван немного успокоился.

— А почему в книге про таких написали?

— Потому что память о дурном тоже сохраняют.

Мальчик задумался.

— А про хорошее?

— И про хорошее.

— А кто решает, что писать?

Даниил некоторое время молчал. Он сам много лет занимался книгами, знал работу переписчиков, составлял поучения. Ему было хорошо известно, что всякий текст создаётся человеком, который располагает определёнными сведениями и имеет собственное представление о случившемся. Но объяснить это восьмилетнему мальчику было непросто.

— Книжник должен беречь правду, — сказал он наконец.

Иван посмотрел на него.

— А если не бережёт?

— Тогда грешит.

Мальчик немного подумал.

— А другие узнают?

Митрополит не ответил сразу.

— Иногда узнают.

Иван снова опустил глаза к книге. Некоторое время они сидели молча. Потом мальчик неожиданно спросил:

— А ты книги пишешь?

— Пишу.

— Сам?

— Иногда диктую. Иногда своей рукой.

Иван заинтересовался.

— И про что?

Даниил рассказал о поучениях, церковных наставлениях и посланиях, которые отправлял духовенству. Мальчик слушал.

— А боярам пишешь?

Митрополит поднял глаза.

— Бывает.

— Они читают?

— Читают.

— И слушаются?

Даниил почувствовал неловкость. Он не хотел говорить ребёнку о придворной борьбе. Но и простого ответа у него не было.

— Не всякий слушается, — произнёс он.

Иван задумался.

— А если ты велишь?

Митрополит осторожно положил ладонь на стол.

— Не всякое дело можно приказом исправить.

Мальчик не вполне понял. Он хотел спросить ещё, но в этот момент вошёл служитель и сообщил, что князь Иван Шуйский прислал человека с важным делом. Даниил нахмурился.

— Пусть подождёт.

Служитель поклонился и вышел. Иван заметил, как изменилось лицо митрополита.

— Ты сердись?

— Нет, государь.

— А почему?

Даниил осторожно закрыл книгу.

— Потому что не всякий разговор бывает приятен.

Мальчик посмотрел на него. Ему хотелось узнать, что именно произошло. Но митрополит уже поднялся, чтобы проводить гостя. У двери Иван остановился.

— Владыка, а ещё книги покажешь?

— Покажу.

— Про князей?

— И про князей.

Мальчик кивнул. Когда он ушёл, Даниил некоторое время стоял возле закрытой двери. Потом велел пригласить человека, ожидавшего от Шуйского.

Тем временем в Москве продолжались обыкновенные зимние заботы. На торгах продавали хлеб, рыбу, мёд, ткань, железные изделия. Возчики привозили дрова, сено и зерно. В мастерских работали плотники, кожевники, кузнецы, оружейники. Фома получил заказ на изготовление нескольких железных креплений для большой хозяйственной повозки. Работа оказалась срочной. Заказчик собирался отправиться с грузом в другой город и требовал закончить всё до ближайшего торгового дня. Фома согласился, но предупредил, что придётся заплатить за дополнительную работу Никиты. Купец кивнул.

— Запишем.

Кузнец взял небольшую дощечку, на которой отмечал заказы. Он не любил полагаться только на память. Слишком часто случалось, что человек заказывал одно количество изделий, а потом уверял, будто договаривались о другом. Однако письменные записи давались Фоме нелегко. Читать он умел, но длинные слова писал медленно, иногда заменяя их условными знаками и числами. Никита разбирался в таких пометах не хуже мастера, потому что сам помогал вести счёт. На этот раз купеческий приказчик принёс готовую запись. Фома попросил прочитать вслух. Приказчик перечислил изделия. Кузнец слушал. На третьем названии остановил его.

— Не столько.

Приказчик удивился.

— Здесь записано.

— А договаривались о другом.

Человек снова посмотрел на бумагу. Оказалось, что при составлении заказа перепутали число длинных железных полос и коротких креплений. Фома показал образцы.

— Вот этих надобно больше. А длинных меньше.

Приказчик нахмурился.

— Мне хозяин такую запись дал.

— Тогда иди к хозяину.

— Время теряем.

Фома пожал плечами.

— Если сделаю по твоей бумаге, потом же скажете, что не то изготовил.

Приказчик некоторое время спорил, затем всё-таки отправился за новым распоряжением. Никита проводил его взглядом.

— Мастер, может, надо было начать?

Фома покачал головой.

— Начнём — железо испортим.

Подмастерье посмотрел на запись.

— А я сразу не заметил.

— Потому что слушал, а не смотрел.

Никита немного помолчал.

— Ты сам-то тоже не всё читаешь.

Фома усмехнулся.

— Вот и учись лучше меня.

Подмастерье удивился. Мастер редко говорил о собственной неграмотности. Он гордился ремеслом, умел считать деньги, определять качество железа и не считал себя хуже людей, проводивших жизнь за книгами. Но теперь Фома всё чаще замечал, что в большом городе одной ремесленной сноровки недостаточно. Заказы, расчёты, долговые записи и казённые распоряжения требовали умения читать.

— Научишься хорошо, мне поможешь, — добавил он.

Никита кивнул. Через несколько дней они начали выделять по вечерам немного времени для чтения. Сначала разбирали короткие записи о заказах. Потом Фома попросил знакомого грамотного человека показать Никите несколько трудных букв. Учение шло медленно. После долгого дня у горна подмастерье уставал, пальцы плохо слушались, а глаза с трудом различали написанное при свете лучины. Но он не бросал. Фома иногда наблюдал, как молодой человек старательно выводит буквы на дощечке. Потом возвращался к своему инструменту.

Великокняжеские занятия тоже не всегда проходили спокойно. Однажды Ивану велели переписать небольшой отрывок. Учитель подготовил лист, показал образец и объяснил, как следует располагать строки. Мальчик начал старательно. Первое слово получилось хорошо. Второе немного искривилось. На третьем Иван слишком сильно нажал пером, и большая капля чернил упала на бумагу. Он замер. Потом попытался промокнуть пятно краем ткани. Чернила размазались.

— Испортил, — сказал он.

Учитель подошёл.

— Вижу.

Иван с досадой отложил перо.

— Не буду больше.

Старик посмотрел на лист.

— Возьми другой.

— И этот испорчу.

— Может, и испортишь.

Мальчик поднял голову. Он не ожидал такого ответа.

— Тогда зачем?

Учитель сел рядом.

— Затем, что без ошибок рука не выучится.

Иван нахмурился.

— А Матвей ошибается?

— Всякий человек ошибается.

Мальчик задумался. Он видел Матвея Лазарева за работой и почти не мог представить, что тот способен испортить запись. Дьяк писал быстро, уверенно, редко задумываясь над начертанием букв.

— А если Матвей ошибётся в грамоте?

Учитель немного помолчал.

— Исправит.

— А если не заметит?

Старик посмотрел на мальчика.

— Для того грамоты проверяют.

Иван взял новый лист и заранее оставил место там, где прежде теснил строки. Писал медленнее, изредка сверяясь с образцом. Чернила больше не расползались. В конце он сам заметил одну неверную букву и показал её учителю, не дожидаясь упрёка.

— Теперь лучше?

— Лучше.

Мальчик улыбнулся. Он осторожно поднял лист, чтобы чернила высохли. В этот момент в комнату вошёл Юрий. Младший брат уже закончил свои занятия и теперь искал Ивана. Увидев бумагу, он заинтересовался. Подошёл ближе, протянул руку. Иван быстро поднял лист выше.

— Не трогай. Ещё мокро.

Юрий нахмурился. Он не понял объяснения и снова потянулся. Учитель хотел отвести его, но Иван остановил.

— Сейчас.

Он положил лист на дальний край стола, взял восковую дощечку и показал брату, как можно провести по ней заострённой палочкой. Юрий заинтересовался. Сначала сделал несколько беспорядочных царапин. Потом попытался повторить движение старшего. Иван вывел простую букву. Младший посмотрел. Затем сделал рядом собственный знак. Он не был похож на букву, но мальчик явно старался повторить увиденное. Иван улыбнулся.

Юрий провёл на воске две глубокие борозды, пересёк их третьей и с удовлетворением протянул дощечку Ивану. Учитель уже хотел объяснить, что это не буквы, но старший мальчик повернул дощечку и увидел в линиях подобие ворот с дорогой. Он поставил рядом деревянного коня. Юрий сразу взял фигурку и провёл по прочерченному пути.

— Здесь он пройдёт, — сказал Иван, обращаясь скорее к учителю, чем к брату.

Старик не стал исправлять рисунок. На столе лежал испорченный Иваном лист, но рядом с ним — дощечка, на которой ошибка никому не мешала понять другого. Иван сам попросил не стирать борозды до вечера.

— Хорошо.

Учитель наблюдал за ними. Он знал, что младший князь развивается иначе, чем старший, и не всегда способен выполнять те же задания. Однако сейчас видел, как внимательно Юрий следит за движениями брата. Через некоторое время Иван нарисовал на воске простую фигурку коня. Юрий сразу оживился. Он взял палочку и начал выводить рядом собственные линии. Получилось нечто отдалённо похожее на животное. Иван рассмеялся.

— У него ноги длинные.

Юрий посмотрел на рисунок, потом на брата и тоже улыбнулся. Они ещё некоторое время занимались вместе. Когда Ульяна пришла звать детей к обеду, учитель осторожно убрал исписанную дощечку. Он не стал стирать рисунки.

В середине января Матвей Лазарев получил распоряжение явиться к Ивану Шуйскому с несколькими государственными книгами. Князь собирался проверить старые пожалования и решить, какие из них следует подтвердить. Матвей подготовил записи заранее. Лука помогал собирать документы. Они разложили книги по порядку, отметили нужные страницы небольшими полосками ткани и проверили, чтобы каждая выписка соответствовала прежнему тексту.

В назначенный час дьяк пришёл в палату. Иван Шуйский сидел за столом. Рядом находились несколько бояр и служителей. Матвей поклонился.

— Книги принёс.

— Показывай.

Начали с земельных дел. Одно пожалование подтвердили почти сразу. По другому возник спор, потому что прежний владелец ещё не получил окончательного решения. Третье дело касалось служилого человека, долго отсутствовавшего после военных событий. Матвей развернул нужную книгу. Князь выслушал.

— Почему до сих пор не разобрано?

— Сведений не хватает.

— Откуда?

Дьяк назвал города, куда отправляли запросы. Шуйский нахмурился.

— Долго ждёте.

— Писали повторно.

— Так ещё пошлите.

Матвей поклонился. Затем князь велел перейти к следующему делу. Среди записей оказалась челобитная Марьи Неверовой. Матвей объяснил, что прежнее распоряжение Елены Глинской позволяло сохранить семье часть имущества до окончания разбирательства. Местные люди несколько раз пытались пересмотреть это решение, ссылаясь на неопределённость положения Дмитрия. Иван Шуйский слушал с заметным нетерпением.

— Муж где?

— Неизвестно.

— Изменником признан?

— Окончательного приговора нет.

Князь нахмурился.

— А в походе против государевых людей был?

— Был при князе Андрее Старицком.

Шуйский некоторое время молчал. Он хорошо помнил старицкое дело. Помнил, как много споров вызвало выступление Андрея Ивановича, сколько людей оказалось втянуто в конфликт и как трудно было затем разбирать судьбы участников.

— Почему же сразу не решили? — спросил он.

Матвей осторожно ответил:

— Не было полного расспроса. Человек исчез из числа задержанных и отпущенных, а окончательная запись не сохранилась.

Шуйский посмотрел на него.

— Значит, служители плохо дело вели.

Дьяк не стал возражать. Князь некоторое время рассматривал выписку. Потом спросил:

— Семья большая?

— Жена и малое дитя.

— Земля сколько даёт?

Матвей назвал известные сведения. Шуйский подумал.

— До разбора прежнее решение оставить. Только дело не забывать.

Дьяк поклонился. Он не ожидал, что вопрос удастся решить без нового затруднения. Но князь, при всей своей резкости, понимал: если отнимать имущество у каждого человека, чья судьба ещё не выяснена, можно разорить целые семьи и вызвать недовольство служилых людей. Матвей сделал нужную помету. Совещание продолжилось. Когда книги уже собирали, в палату привели Ивана Васильевича. Мальчику предстояло присутствовать при чтении нескольких утверждённых грамот. Он вошёл, поклонился и занял приготовленное место. Матвей увидел, что государь внимательно смотрит на разложенные книги.

— Много написал? — спросил Иван.

Дьяк немного удивился.

— Сегодня немало, государь.

— А можно посмотреть?

Шуйский нахмурился.

— Здесь дела важные.

Иван посмотрел на него.

— Я не трону.

Князь хотел отказать, но Матвей предложил показать мальчику уже законченную запись. Иван Шуйский немного помолчал.

— Показывай.

Матвей развернул книгу. Мальчик придвинулся ближе. На странице находились плотные строки, написанные беглым почерком. Некоторые слова Иван узнавал, другие казались почти неразборчивыми. Он медленно провёл пальцем возле одной строки, стараясь не касаться чернил.

— Это имя?

— Имя, государь.

— Чьё?

Матвей назвал служилого человека.

— А здесь?

— Город.

Иван попытался прочитать название. Получилось не сразу. Дьяк осторожно помог. Мальчик поднял глаза.

— Ты так быстро пишешь. А я медленно.

Матвей улыбнулся.

— Я дольше учился.

Иван немного помолчал. Потом спросил:

— А ты ошибки делаешь?

Дьяк посмотрел на него.

— Делаю.

— И что тогда?

— Исправляю, пока грамоту не отправили.

Мальчик кивнул. Шуйский наблюдал за разговором с некоторым раздражением. Шуйский ждал разговора о распоряжениях, а мальчик упорно разбирал строки, словно перед ним лежала учебная азбука.

— Государь, делу время, — произнёс он.

Иван поднял голову. Он хотел спросить ещё, но понял, что князь не позволит. Матвей закрыл книгу. Мальчик вернулся на своё место. Когда совещание закончилось, Иван некоторое время задержался возле двери. Дьяк проходил мимо с книгами.

— Матвей.

Тот остановился.

— Слушаю, государь.

— А ты мне покажешь, как такие буквы писать?

Матвей посмотрел на мальчика.

— Коли дозволят, покажу.

Иван немного нахмурился. Но на этот раз не стал возражать против привычных слов.

— Я спрошу.

Дьяк поклонился и вышел.

Через несколько дней Иван попросил принести ему не только Псалтырь, но и одну из старых грамот. Учитель удивился.

— Зачем?

— Хочу научиться читать, как Матвей пишет.

Старик немного подумал. Он не считал подобные занятия необходимыми для восьмилетнего ребёнка. Основой обучения оставались церковные книги, молитвы и письмо. Но интерес мальчика к государевым документам мог оказаться полезным.

— Одну запись покажем, — согласился он. — Только сперва нынешний урок закончи.

Иван послушно сел за стол. Сегодня он старался особенно внимательно. Когда чтение было закончено, наставник развернул небольшую копию старой хозяйственной записи. Мальчик придвинулся. Деловой почерк действительно оказался трудным. Некоторые буквы были похожи на знакомые, другие соединялись непривычным образом. Слова часто писались тесно, без тех промежутков, к которым Иван привык в учебных книгах. Он долго пытался разобрать первую строку. Потом раздражённо отложил лист.

— Это не буквы.

Учитель улыбнулся.

— Буквы.

— Только кривые.

— Для тебя непривычные.

Иван посмотрел на запись.

— А зачем так писать?

— Чтобы быстрее.

— А если никто не поймёт?

— Дьяки понимают.

Мальчик снова взял лист. Некоторое время рассматривал. Потом спросил:

— А если человек сам не умеет читать, что ему делать?

Учитель немного помолчал.

— Просить грамотного.

Иван задумался. Он вспомнил кузнеца Фому, которого видел на строительстве, и других мастеровых, приносивших свои изделия. Не все они умели читать грамоты, составленные от их имени.

— А если тот неправильно прочитает?

Старик посмотрел на мальчика.

— Тогда беда может выйти.

Иван опустил глаза. Он снова начал разбирать строку. На этот раз учитель помогал ему, показывая каждую незнакомую букву. Занятие продолжалось дольше обычного. Когда его наконец закончили, Иван устал, но не захотел отдавать лист. Он попросил оставить запись до следующего дня. Учитель согласился.

В последних числах января во дворце всё чаще говорили о митрополите Даниле. Официально ничего ещё не изменилось. Он продолжал занимать митрополичий престол, совершал положенные службы, принимал духовенство и управлял церковными делами. Но отношение Шуйских к нему становилось всё холоднее. Иван Васильевич не забыл, что Даниил поддерживал Бельского и участвовал в приготовлениях к пожалованиям, которые сам Шуйский считал направленными против своего положения. Некоторые бояре открыто говорили, что митрополит слишком глубоко вмешивается в государственные дела. Другие опасались, что попытка удалить духовного главу вызовет новые споры. Матвей Лазарев узнал об этих разговорах от служителей, приносивших церковные грамоты. Он не любил обсуждать подобные вопросы.

Однако в один из дней Лука принёс известие, которое заставило его насторожиться.

— Говорят, владыку хотят от престола отвести.

Матвей поднял голову.

— Кто говорит?

Подьячий назвал нескольких людей. Дьяк некоторое время молчал.

— Говорить могут разное.

— А если правда?

Матвей посмотрел на него.

— Тогда и узнаем.

Лука опустился на скамью.

— После Фёдора Михайловича я уже ничему не удивляюсь.

Старший дьяк отложил перо.

— Не надо привыкать к такому.

Подьячий поднял глаза. Матвей не стал объяснять. Он снова взял грамоту и продолжил работу. За окном шёл мелкий снег.

Вечером Иван снова занимался письмом. На столе лежала восковая дощечка. Рядом находились несколько книг, приготовленных учителем. Юрий сидел возле скамьи и раскладывал деревянные бруски по размеру. Иван уже давно заметил, что младшему брату нравится находить одинаковые предметы. Если дать ему несколько фигурок, он мог долго переставлять их, отделяя большие от маленьких, светлые от тёмных. Сегодня мальчик решил показать Юрию буквы. Он вывел на воске простое слово и придвинул дощечку. Юрий посмотрел, но не заинтересовался. Тогда Иван взял деревянного коня, поставил рядом и медленно произнёс его название. Младший следил за игрушкой. Иван повторил слово, показывая на буквы. Юрий потянулся к коню.

Старший отдал. Потом снова указал на запись. На этот раз младший осторожно коснулся воска пальцем. Иван улыбнулся. Юрий ещё не различал букв, зато старательно следил за движением Иванова пальца по дощечке. Старшему хотелось удержать его внимание хотя бы на несколько строк. Через некоторое время младший потерял терпение. Он взял дощечку, перевернул её и начал чертить на другой стороне собственные линии. Иван сначала нахмурился. Потом увидел, что брат пытается изобразить знакомого коня. Он взял другую палочку и помог дорисовать ноги. Юрий улыбнулся. Они продолжали рисовать, пока Ульяна не пришла звать их ко сну. Когда женщина начала убирать вещи, Иван остановил её.

— Эту оставь.

Он показал на дощечку. На одной стороне находилось старательно написанное слово. На другой — неровный рисунок коня, сделанный Юрием. Ульяна улыбнулась.

— Оставлю.

Мальчик положил дощечку возле материнской книги. Потом помог брату подняться. В соседней комнате уже приготовили постели. Юрий лёг первым. Он долго устраивался, поправлял покрывало, затем протянул руку к деревянному коню, которого привык держать возле себя. Иван лёг немного позднее. Ульяна погасила светильник и оставила гореть лампаду. В комнате стало тихо. Но мальчик ещё не спал. Он вспоминал прочитанное за последние недели. Князей из старой летописи. Двух братьев, которые не захотели воевать друг с другом. Людей, чьи имена записаны в государственных книгах. Служилых, которых разыскивают после войны. Митрополита Даниила, говорившего о правде и согласии. Ему хотелось снова увидеть большую летописную книгу.

Он ещё не всё понимал в прочитанных рассказах. Иногда путал имена, забывал названия городов и не мог объяснить, почему люди поступали именно так, как написано. Но теперь уже знал, что в книгах можно находить не только знакомые молитвы. Там были люди. Живые и умершие. Добрые и жестокие. Смелые и испуганные. Те, кого хвалили, и те, кого осуждали. Те, чьи поступки сохранились в памяти, хотя сами они давно исчезли. Иван повернулся на бок. На столе лежала небольшая восковая дощечка. Он подумал, что завтра попросит учителя

показать ещё одну летописную запись. Может быть, там будет история о князе, который сумел помирить поссорившихся братьев.

Мальчик закрыл глаза. Из соседней комнаты донёсся шорох. Юрий повернулся во сне, потом затих. Иван прислушался. Убедившись, что брат спит спокойно, он тоже устроился удобнее. За окнами продолжал идти снег.

За стеной послышались шаги поздней смены. Иван приподнялся: на столе темнела восковая дощечка с сегодняшней работой. Утром он хотел показать учителю исправленную строку.

На следующее утро предстояло снова читать, писать и разбирать трудные слова. Иван уже знал, что некоторые из них не удаётся понять с первого раза. Поэтому перед сном он ещё раз мысленно повторил то длинное слово, которое сегодня наконец сумел написать без ошибки. И только после этого уснул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
МИТРОПОЛИЧИЙ ПРЕСТОЛ

Москва. Конец января — февраль 1539 года.

В последние дни января морозы усилились. Москва-река давно стояла подо льдом, дороги покрылись плотным снегом, а возле кремлёвских ворот по утрам приходилось сбивать ледяные наросты с тяжёлых деревянных створок. На дворах скрипели полозья саней, из печных труб поднимался густой дым. Люди старались без нужды не задерживаться на открытом воздухе, прятали лица в воротники и торопились закончить работу до наступления ранних зимних сумерек. Иван сидел возле окна с раскрытой книгой. За последние месяцы он заметно продвинулся в чтении. Теперь многие знакомые слова узнавал сразу, не разбирая каждую букву отдельно. Но стоило встретиться с непривычным выражением, как прежняя уверенность исчезала. Приходилось возвращаться к началу строки, складывать звуки и просить учителя объяснить смысл.

Сегодня мальчик читал особенно неохотно. Он несколько раз начинал одну и ту же страницу, затем отвлекался на происходившее во дворе. Там служители готовили сани к выезду, конюхи выводили лошадей, а возле крыльца двое мужчин спорили из-за тяжёлого сундука, который никак не удавалось укрепить на повозке. Учитель заметил рассеянность.

— Государь, ты уже третий раз одно место читаешь.

Иван поднял голову.

— Знаю.

— Тогда отчего не идёшь дальше?

Мальчик немного помолчал.

— Не понимаю.

Наставник придвинулся ближе.

— Что именно?

Иван показал слово. Старик прочитал его, затем объяснил значение. Речь шла о смирении, о способности человека удерживать собственную гордость и принимать наставление. Мальчик выслушал.

— А если тебе велят неправильно?

Учитель поднял глаза.

— Как неправильно?

— Ну, велят что-нибудь сделать, а ты знаешь, что не надо.

Старик задумался.

— Тогда сперва надобно разобраться.

— А если уже разобрался?

— Смотря какое дело.

Иван нахмурился. Подобные ответы раздражали его. В книгах часто встречались слова, которые взрослые объясняли уверенно и подробно. Но когда мальчик пытался понять, как следует поступать в обыкновенной жизни, выяснялось, что одного объяснения недостаточно.

— Вот ты мне велишь читать, — сказал он.

— Велю.

— А если я не хочу?

— Тогда всё равно читать надобно.

— Почему?

— Потому что это тебе на пользу.

Иван некоторое время смотрел на него. Потом неожиданно спросил:

— А если бояре митрополиту велят, он тоже должен слушаться?

Учитель замер. Вопрос был задан без всякого скрытого намерения. Мальчик просто продолжал рассуждение, пытаясь применить новое слово к людям, которых знал. Однако наставник уже несколько дней слышал разговоры о митрополите Даниле. При дворе не скрывали, что отношения между ним и Иваном Шуйским становятся всё напряжённее. Некоторые служители опасались открыто упоминать имя духовного главы, особенно в присутствии людей, приближённых к боярскому совету.

— Митрополит сам духовный наставник, — ответил учитель осторожно.

— А его кто наставляет?

— Епископы, церковные правила. И собственная совесть.

Иван задумался.

— А Шуйский?

— Что Шуйский?

— Он митрополиту может велеть?

Старик медленно закрыл лежавшую перед ним книгу.

— Государь, это уже не наше нынешнее чтение.

Мальчик посмотрел на него с неудовольствием.

— Я только спросил.

— Вижу.

— А ты не знаешь?

Учитель немного помолчал.

— Знаю, что между ними несогласие. Только разбирать его нам с тобой не пристало.

Иван опустил глаза. Взрослые всё чаще прекращали разговор именно тогда, когда он начинал понимать, о чём идёт речь. Он снова раскрыл книгу, нашёл прежнее место и стал читать. Но слово, которое только что объяснял учитель, продолжало занимать его мысли.

На митрополичьем дворе последние январские дни проходили в тревоге. Даниил давно замечал перемену в отношении к нему. Ещё при Елене Глинской он мог обращаться непосредственно к правительнице, обсуждать с ней церковные дела, просить о пожалованиях монастырям и вмешиваться в споры, которые считал важными для государства. Теперь подобные обращения всё чаще оставались без ответа или возвращались с требованием дополнительного согласования. После октябрьского разгрома сторонников Ивана Бельского положение стало особенно тяжёлым. Бельский находился в заключении. Фёдор Мишурин был казнён. Другие люди, поддерживавшие прежние приготовления к боярским пожалованиям, старались держаться в стороне от придворных дел. Даниил понимал, что его собственное участие в этих событиях не забыто.

Но полностью отказываться от прежних решений не собирался. Он считал опасным сосредоточение всей власти в руках одного боярского дома. За годы своего служения митрополит видел множество придворных столкновений и хорошо знал, как быстро личная обида может превратиться в государственное обвинение. Впрочем, сам он не был свободен от подоб-

ного опыта. При Василии Ивановиче ему приходилось поддерживать решения, вызывавшие недовольство влиятельных людей. Он участвовал в церковных разбирательствах, выступал против тех, чьи взгляды считал опасными, и нередко проявлял суровость. Некоторые из пострадавших от его решений ещё были живы. Другие умерли, так и не дождавшись пересмотра своих дел. Даниил помнил об этом.

Иногда ему казалось, что прежняя строгость была необходима для сохранения церковного порядка. В другие дни, особенно теперь, когда его собственное положение стало непрочным, он невольно возвращался к отдельным случаям и задавался вопросом, нельзя ли было поступить иначе. Однако подобные размышления не означали, что митрополит готов признать свои решения ошибочными. Он по-прежнему считал себя ответственным за Церковь и не желал уступать боярам право определять, как должен действовать её глава. В одно из январских утрений к нему пришёл пожилой священник из московского прихода.

Он принёс просьбу о разрешении спора, возникшего между церковными служителями и людьми, управлявшими соседним владением. Из-за старых повинностей и права пользования частью земли несколько семей оказались втянуты в тяжбу. Одни ссылались на давние пожалования, другие утверждали, что прежние записи составлены неправильно. Даниил выслушал священника и велел принести необходимые книги. Разбор занял почти час. Когда выяснилось, что одна сторона требует больше, чем ей положено, митрополит распорядился подготовить ответ. Священник поклонился.

— Благодарствую, владыка.

Даниил посмотрел на него.

— А люди ваши как живут?

— По-разному. Зима нынче тяжёлая. У кого хлеб есть, у кого до весны едва хватит.

— Нуждающимся помогают?

— Помогаем, сколько можем.

Митрополит немного подумал.

— Передай, чтобы при монастырском дворе разобрали, кому особенно тяжело. И не задерживайте выдачу хлеба из-за самой тяжбы.

Священник снова поклонился. Даниил отпустил его и вернулся к столу. Перед ним лежала копия январского послания о смирении, согласии и прекращении распрей. Несколько дней назад он велел разослать его по церквам и монастырям. Теперь перечитывал отдельные места. В послании осуждались раздоры, гордость, взаимная ненависть и стремление людей возвыситься за счёт ближних. Митрополит надеялся, что его слова заставят хотя бы некоторых влиятельных людей задуматься. Однако никаких признаков примирения не появлялось. Напротив, на митрополичий двор всё чаще приходили известия о новых приготовлениях Шуйского.

В тот день один из доверенных служителей осторожно сообщил:

— Владыка, князь Иван Васильевич нынче с боярами долго совет держал.

Даниил поднял голову.

— О чём?

— Достоверно не ведаю. Но говорят, что и про тебя.

Митрополит некоторое время молчал.

— Кто говорит?

Служитель назвал человека, передавшего известие. Даниил кивнул.

— Ступай.

Когда тот вышел, митрополит ещё раз посмотрел на лежавшее перед ним послание. Потом сложил его и убрал в книгу.

Иван Шуйский не собирался оставлять митрополита в прежнем положении. После смерти старшего брата ему пришлось принять на себя значительную часть государственных

забот. Он быстро обнаружил, что влияние при дворе не избавляет от необходимости постоянно договариваться с людьми, обладающими собственным достоинством и связями. Одни бояре поддерживали его открыто. Другие соглашались с решениями, но старались не связывать себя слишком тесно с Шуйскими. Третьи молчали, ожидая возможной перемены. Митрополит Даниил представлял особенную трудность. Он не принадлежал к боярскому роду, но занимал высшее духовное положение. Через него проходили важнейшие церковные дела, к его словам прислушивались епископы, игумены и множество мирян. Он мог благословлять государственные решения, а мог и возражать против них.

Иван Васильевич хорошо помнил, что Даниил поддержал Бельского. Для Шуйского это было не просто несогласие двух людей. Он видел в действиях митрополита попытку изменить соотношение сил при малолетнем государе, обойти его самого и укрепить положение соперников. Теперь князь хотел исключить возможность повторения подобного вмешательства.

В конце января он собрал нескольких бояр. Разговор начался с обычных государственных вопросов. Обсуждали назначения, поступившие челобитные, распоряжения по дворцовому хозяйству. Затем Шуйский велел убрать часть бумаг и заговорил о митрополите.

— Даниил прежних дел не оставляет.

Один из бояр заметил:

— Нынче он больше по церквам да монастырям пишет.

— Пишет, — согласился Шуйский. — Только кому пишет и о чём, тоже знать надо.

Другой боярин напомнил, что Даниил много лет занимает митрополичий престол и имеет сторонников среди духовенства. Иван Васильевич выслушал.

— Я не говорю, что государеву Церковь без главы оставить надобно.

— А что предлагаешь?

— Другого человека поставить.

В палате стало тихо. Бояре понимали, что смещение митрополита — дело гораздо более серьёзное, чем удаление придворного советника. Духовный сан нельзя было просто отнять обычным боярским распоряжением. Необходимо было участие церковных властей, а любое открытое насилие могло вызвать недовольство. Один из присутствующих произнёс:

— Сам он не уйдёт.

Шуйский посмотрел на него.

— Значит, придётся убедить.

— Чем?

Иван Васильевич немного помолчал.

— Тем, что прежнего положения у него больше нет.

Боярин опустил глаза. Все понимали, о чём идёт речь. Даниил мог сохранить митрополичий сан лишь до тех пор, пока находились люди, готовые поддерживать его перед боярским советом. После разгрома сторонников Бельского таких людей стало значительно меньше. Но даже среди собравшихся не было полного единодушия. Один из старших бояр напомнил, что митрополит участвовал в важнейших государственных делах ещё при Василии Ивановиче. Другой заметил, что прежняя служба не освобождает человека от ответственности за нынешние поступки. Спор продолжался. Шуйский слушал с возрастающим нетерпением. Ему не нравилось, когда очевидное для него решение начинали обставлять многочисленными оговорками. Однако он понимал, что слишком поспешное действие может вызвать сопротивление.

Наконец договорились действовать через церковных лиц, не превращая дело в открытое столкновение возле великокняжеских палат. Когда бояре разошлись, Иван Васильевич остался с одним из ближайших помощников.

— Государю пока говорить не надо, — распорядился он.

— А если спросит?

Шуйский посмотрел на человека.

— Скажешь, что церковное дело разбирают.

Помощник поклонился. Иван Васильевич вернулся к столу. Перед ним лежала очередная грамота от имени великого князя. Князь взял перо, но некоторое время не писал.

Первого февраля Даниилу сообщили, что на следующий день к нему явятся люди от боярского совета. Митрополит выслушал известие спокойно. Он давно ожидал подобного посещения. В последние недели к нему всё реже приходили прежние знакомые, а некоторые духовные лица, ещё недавно охотно поддерживавшие его, теперь ограничивались короткими письмами и не желали обсуждать придворные дела. Однако Даниил не собирался заранее признавать себя побеждённым.

Вечером он велел подготовить обычные богослужебные книги, затем некоторое время работал над письмами, которые следовало отправить в монастыри. Один из помощников предложил отложить дела.

— Владыка, нынче поздно уже.

Даниил поднял голову.

— А завтра что будет?

Помощник не ответил. Митрополит некоторое время смотрел на него.

— Вот потому и закончим сегодня.

Они продолжили работу. К ночи бумаги были собраны. Даниил велел убрать книги и отправился на молитву. Он долго стоял перед образом. Молился привычными словами, которые знал с юности. Но мысли постоянно возвращались к предстоящему разговору. Ему вспоминались годы служения в Иосифовом монастыре. Строгий порядок монастырской жизни, ежедневные службы, труд братии, книги, которыми он занимался ещё до избрания митрополитом. Потом — Москва, Василий Иванович, государственные соборы, споры о церковных делах, смерть великого князя, правление Елены. Всё это представлялось теперь длинной дорогой, на которой отдельные решения давно невозможно было изменить. Даниил вспомнил и людей, пострадавших от его собственной строгости.

Он не считал, что всякий наказанный был невиновен. Но понимал, что далеко не каждый приговор принимается без влияния человеческого раздражения, личного недоверия и придворных интересов. Теперь подобное решение готовилось против него самого. Он закончил молитву и вернулся в свою комнату. Там было тепло. На столе оставалась раскрытая книга. Митрополит сел, попытался читать, но вскоре закрыл её. В ту ночь он долго не спал.

Второго февраля в Кремле с утра было особенно многолюдно. В храмах совершались положенные службы. К воротам прибывали сани духовных лиц, приезжали боярские служители, проходили люди с поручениями. Мороз немного ослабел, но ветер по-прежнему поднимал сухой снег с крыш и заметал следы на открытых дворах. Иван находился в своих покоях. Ему велели не выходить без особого разрешения. Утреннее чтение закончили раньше обычного, а после трапезы сообщили, что занятий больше не будет. Мальчик обрадовался. Он решил, что сможет провести день с Юрием. Однако уже через некоторое время заметил необычное движение в переходах.

Служители ходили быстро, разговаривали вполголоса. Несколько вооружённых людей прошли мимо детских покоев. Один из них остановился у двери, коротко поговорил со стражником и направился дальше. Иван поднял голову.

— Что случилось?

Ульяна подошла к окну.

— Не знаю, Иванушка.

— Почему столько людей?

— Может, бояре собираются.

Мальчик некоторое время прислушивался. Потом взял деревянную фигурку и вернулся к игре. Но вскоре в комнату вошёл придворный служитель и сообщил, что государю сегодня не следует отправляться на митрополичий двор. Иван удивился.

— А я и не собирался.

Человек смутился.

— Так велено передать.

Мальчик посмотрел на него.

— Почему?

— Там нынче важные дела.

— Какие?

Служитель не ответил сразу.

— Церковные, государь.

Иван нахмурился.

— А владыка Даниил?

— Он там.

— Я к нему потом пойду.

Человек осторожно поклонился.

— Как бояре распорядятся.

Мальчик отвернулся. Он уже привык, что взрослые ссылаются на боярское разрешение даже в тех случаях, когда речь идёт о самых обыкновенных вещах. Но сегодня ответ показался ему особенно странным. Даниил ведь был митрополитом. Ещё недавно взрослые учили Ивана кланяться ему, просить благословения и слушать его наставления. Теперь выяснялось, что даже встреча с духовным главой зависит от распоряжения князя Шуйского.

На митрополичьем дворе тем временем собирались люди, которым предстояло объявить Даниилу решение. Митрополит принимал их в палате. Он был одет по своему сану и держался спокойно. Возле стола стояли несколько церковных служителей. На полках лежали книги, часть которых Даниил сам велел приготовить ещё накануне. Прибывшие поклонились. Разговор начался с обычных слов о благополучии государя и необходимости сохранять согласие в Церкви. Даниил выслушал. Затем один из представителей боярского совета перешёл к главному. Митрополиту сообщили, что его участие в прежних придворных столкновениях вызвало тяжёлое недовольство. Ему напомнили о поддержке Бельского и о пожалованиях, которые готовились без согласия влиятельнейших бояр. Даниил не стал отрицать своего участия.

— Я действовал так, как считал полезным государю и Церкви.

Посланный посмотрел на него.

— Князь Иван Васильевич иначе считает.

— Ведомо мне.

— Потому и надобно делу конец положить.

Митрополит некоторое время молчал.

— Какой конец?

Ему объявили, что оставаться на кафедре он больше не сможет. Один из церковных людей, находившихся среди прибывших, начал говорить о необходимости мира и согласия, о том, что митрополиту следует ради общего спокойствия удалиться от управления. Даниил слушал неподвижно. Когда тот закончил, митрополит спросил:

— А кто решил?

Ответ прозвучал не сразу. Наконец назвали бояр, поддержавших удаление. Даниил посмотрел на присутствующих. Он хорошо знал, что между церковным решением и боярским распоряжением существует различие. Но видел и другое: люди, пришедшие к нему сегодня, не собирались обсуждать законность уже принятого решения. От него требовали подчинения.

— Мне предлагают уйти по своей воле? — спросил он.

Один из посланных опустил глаза.

— Так будет спокойнее.

Даниил медленно повернул голову.

— Я не спрашивал, что будет спокойнее.

В палате стало тихо. Митрополит некоторое время ждал ответа. Потом сел. Лицо его оставалось неподвижным, но руки, лежавшие на подлокотниках, заметно напряглись. Он понимал, что спорить бессмысленно. За прибывшими стояли люди, распоряжавшиеся великокняжеским двором и вооружённой охраной. Среди духовенства не нашлось достаточно влиятельных защитников, способных остановить происходившее. Однако принять решение как собственное желание он не мог.

— Я служил Церкви много лет, — произнёс Даниил. — И если в чём согрешил, перед Богом отвечать стану.

Никто не возразил. Один из прибывших осторожно сообщил, что митрополиту надлежит отправиться в Иосифов Волоколамский монастырь, где он прежде принял постриг и был игуменом. Даниил поднял глаза.

— В Иосифов?

— Туда.

Митрополит некоторое время молчал. Он хорошо знал эту обитель. Там прошли многие годы его жизни, там находились люди, помнившие его ещё молодым иноком. Но теперь возвращаться предстояло не по собственному желанию. Он медленно кивнул.

— Когда ехать?

— Как приготовятся сани.

Даниил посмотрел на стоявшие возле стены книги.

— Книги мои позволят взять?

Посланный ответил не сразу.

— Надобно пересмотреть.

Митрополит опустил глаза. Он больше не спрашивал.

Когда боярские люди вышли, Даниил услышал, как на дворе распоряжаются санями. Из соседней комнаты вынесли его дорожный сундук, ещё пустой. Служители невольно торопились: им хотелось закончить неприятное дело до темноты. Даниил задержался у стола. Ни один из прибывших не спрашивал, какие книги и записи должны остаться для следующего митрополита.

— Владыка, вот эти твои.

Даниил посмотрел на книги.

— Все?

— Какие отдельно лежали.

Митрополит взял верхнюю. На первой странице сохранилась старая запись, сделанная ещё в годы его игуменства. Даниил узнал собственный почерк — более ровный и чёткий, чем теперь. Он осторожно провёл пальцем по строке.

— Эту возьму.

Переписчик кивнул.

— А прочие?

Митрополит некоторое время рассматривал оставшиеся книги. Потом выбрал ещё несколько.

— Эти тоже.

Старик начал укладывать их в небольшой сундук. Даниил остановил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.